

БОРИС ОСТАНИН

ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

н а п л а т ф о р м е

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

БОРИС ОСТАНИН

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ И ДВА

Схемы, мифы, догадки, истории
на каждый день 2018 года с 7 января

Первая половина

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
О76

Останин Б.

О76 Тридцать семь и два: Схемы, мифы, догадки, истории на каждый день 2018 года с 7 января / Борис Останин ; [сост. Б. Мартынов]. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2018. — 000 с.

ISBN 978-5-521-00876-6

Продолжение книги «Тридцать семь и один» (2015). Разнообразно, любовно и в большом объёме представлены цитаты из книг, которые в 1970-80-х годах читали, писали и переводили ленинградцы-«неофициалы».

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-521-00876-6

© Останин Б. В., 2018
© Мартынов Б., составление,
послесловие, 2018
© Оформление.
ООО «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские
Технологии», 2018

КНИГА-КАЛЕНДАРЬ

2018 ГОД ЯНВАРЬ

Земляника

Монах шёл по полю и разбудил тигра, который спал в траве. Монах побежал со всех ног, тигр за ним. Подбежав к обрыву, монах стал спускаться вниз по склону, потом уцепился за лягушку и повис на ней. Тигр остановился над обрывом сверху. Дрожая, монах глянул вниз — там стоял другой тигр!

Оглянувшись по сторонам, монах заметил рядом кустик земляники с одной-единственной спелой ягодкой. Держась одной рукой за лягушку, он протянул другую, сорвал землянику и положил её в рот.

Какая же она была вкусная!

(Буддийская притча)

Il pleure dans mon coeur
Comme il pleut sur la ville;
Quelle est cette langueur
Qui pénètre mon coeur?

O bruit doux de la pluie
Par terre et sur les toits!
Pour un coeur qui s'ennuie
O le chant de la pluie!

ЯНВАРЬ

7

воскресенье

ЯНВАРЬ

8

понедельник

Il pleure sans raison
Dans ce coeur qui s'écoeure.
Quoi! nulle trahison?..
Ce deuil est sans raison.

C'est bien la pire peine
De ne savoir pourquoi
Sans amour et sans haine
Mon coeur a tant de peine!

(Поль Верлен, Песня без слов)

На протяжении всей ночи со своего рода маниакальной настойчивостью то и дело блеял гудок локомотива, словно машинисту приходилось распугивать разлётшихся на рельсах животных или беженцев. Браун спал урывками, минут по пятнадцать. Когда поезд въезжал на закругление пути, он различал меж двумя темнотами искоса выхваченные на секунду фарами дюны гравия, горы чёрных крупниц, среди которых любая жизнь казалась невозможной. И ни разу не промелькнуло ни намёка на силуэт полупночного скота, никакого расхристанного очертания бродяги, будь то босяка, оборванца или даже обычного человека. Прежде чем всё опять охватывала темнота, Браун успевал закрыть глаза. В вагоне не было света, и он не улавливал в оконном стекле своё отражение. Он дремал, его мысли скитались среди ландшафтов других планет, в воображении являлись иные миры, ещё более мёртвые, чем этот, ещё более угасшие, потом он снова тонул в бессознательности.

И так час за часом: угольно-белые образы, заунывный гудок, перебивчатое пыхтение дизельного мотора, тряска, снова заунывный гудок, мимолётные видения пустыни, обрывочная медитация об отсутствующей жизни, о конце и об иных краях.

В очередной раз взвыла сирена, Браун внезапно проснулся и увидел, что занимается заря. Практически тут же состав с грохотом въехал на железный настил какой-то мостовой конструкции. Это послужило сигналом для знакомых с маршрутом, то есть для всех за исключением Брауна. Когда лязг пошёл на убыль, путники зашевелились. Те, что помоложе, начали расправлять закостеневшие суставы, пожилые со сварливым видом рылись в своих пожитках, убеждённые, что ночью что-то из них либо украли, либо испортили. От всех шёл отвратительный дух.

Браун повернулся к окну. Небо было пасмурно, сумеречные утренние отблески вызывали желание снова заснуть. Неспешно сменялся ландшафт. Хотя дорога шла вдоль берега, океан на глаза не попадался. Кремнистая заунывность уступила место колыханию трав и крохотным лагерям, сгрудившимся по пять, по шесть хибаркам, прислонившимся к остовам грузовиков, зачастую затянутым брезентом, палаточной тканью. По тропинкам из хутора в хутор расхаживали мужчины в фетровых шляпах, с повадками праздных волопасов, сочетающие медлительность с широким шагом. То и дело попадались бродячие собаки. Рядом с жильём склонялись над тазами со стиркой или присматривали за огнём женщины. Ни у одной на закорках не было детей. Сколько ни всматривайся, нигде не было видно ни единого ребенка.

Последнее поколение, подумал Браун. Когда эти отойдут в мир иной, некому будет прийти на смену.

Было не холодно. Серым-серо.

— Въезжаем в Нью-Ягаян? — спросил Браун у сидевшей напротив женщины.

— Да, — подтвердила та.

Она наклонила в сторону Брауна своё грубое, плоское лицо, помятое двенадцатью часами тряски. Она явно была не прочь поболтать, но не выказывала ни грана дружелюбия. Браун ощущал её недоверие. Она с неприязнью учуяла в нём нечто чужое.

— Нью-Ягайн, кольцо, — сказала она.

Браун пробормотал что-то в знак согласия, но так тихо, что реплику заглушил стук колёс.

Женщина решила, что он не понял, что значит это слово.

— Поезд дальше не пойдёт, — объяснила она.

— А, — сказал Браун, качая головой.

— На кольце все выходят, — сказала женщина.

— И вы тоже? — поинтересовался Браун.

Она ему не нравилась. Он не собирался с нею судачить, и одним из тактических способов положить конец разговору было выдать себя за придурка.

— Ну да, я тоже, — сказала женщина, и у неё на губах нарисовалась недовольная гримаса.

Браун ничего не добавил. Отпустил смутную улыбку, отвёл глаза. Женщина выпрямилась на своём сиденье и избегала его взгляда. Она настолько тщательно изучала оконный переплёт, что это исключало всякую возможность продолжить диалог. Наверное, боялась заразиться от Брауна слабоумием.

Багаж Брауна состоял из потрёпанного матерчатого чемоданчика. Он вытащил его из-под полки и положил себе на колени. Его соседи уже оделись, над головами не раскачивалась больше ни одна одежда, сетки не прогибались под тяжестью мешков и пакетов. Обменявшись несколькими банальными замечаниями и распространив тем самым вокруг запахи кислой отрыжки и кариеса, пассажиры в большинстве своём смолкли. Было такое впечатление, что они переругались и дуются друг на друга.

Поезд продолжал двигаться в том же темпе ещё минут десять, потом пополз шагом прямо среди городских кварталов. Железнодорожные пути были проложены посреди улицы, состав катил среди невысоких зданий, пересекал небольшие площади землистых тонов. Архитектура была убога, строения то здесь, то там напоминали ряды гаражей. По левую руку, когда их не загораживали стены, виднелись се-

рые воды океана, изредка кудряшки пены. Поезд миновал намалёванный чёрным на желястной пластине указатель: «Нью-Ягаян». Через пару сотен метров состав остановился, жутко заскрежетав всеми колёсами.

Браун влился в общий поток...

(Антуан Володин. Кризис в отеле «Тон Фон»-1)

→ 12 января: Кризис в отеле «Тон Фон»-1, 2

→ 9 января/2019: Кризис в отеле «Тон Фон»-2, 1

У монеты две стороны — аверс и реверс, даже три: аверс, реверс, гурт; то же самое, размышляя в юные годы, должно быть у любого явления, включая *зрение*, не догадываясь, что воспроизвожу «теософскую» схему о плюсе, минусе и нуле, и сочинил два рода зрения: активное-нащупывающее-*тростевое* и пассивное-принимающее-*корзиночное*, опять же не догадываясь о сходном подходе к глазу в далёкой античности.

После чего переключился на Ириду — богиню не только радуги, но и (так я волевым усилием решил) *радужницы*, а задно и сетчатки глаза, предположив из общих соображений, что у каждого человека должна быть присущая только ему (подобно отпечаткам пальцев, линиям на ладони и мочкам уха) радужница. Дальше больше: если радужница у каждого своя, нельзя ли, изучая расположение на ней цветовых пятнышек, сказать что-то дельное о характере человека и диагностировать его будущие заболевания, а то и судьбу, то есть двинулся, по-прежнему не подозревая о происходящем, по пути древней *иридологии*.

«Остапа понесло», я ощутил прилив новых сил и идей: навверняка радужницу можно использовать не только для диагностики, но и для лечения, для *иридотерапии*, как печат, втыкая иглы в нужные точки на мочках ушей, только втыкать в глаз не иглы, а, допустим, лазерный луч или предлагать для созерцания ту или иную геометрическую схему.

Остапа несло дальше. Теперь «моя звезда» обозначилась не столько в астрологическом, сколько в оптическом смысле:

вот эта слабая звёздочка в окружении нескольких других — моя, надо чаще смотреть на неё, фиксируя в центре зрачка, а её соседки по созвездию образуют на радужной оболочке специфический оптикоакупунктурный узор и будут раз за разом определённым образом покалывать радужницу, а через её посредство — тело и душу, что-то вроде звёздного имени.

Остался всего шаг до понимания смысла созерцания и воздействия геометрических фигур (крест, полумесяц, пентакль; пять простых фигур в известном тесте), используемых в религиозной и государственной символике, — и до *войны символов*.

→ 18 января: Гори, моя звезда

Лялька

ЯНВАРЬ

11

четверг

У одного человека родился ребёнок. Он пошёл к плотнику и заказал для своего младенца ляльку. Плотник велел прийти через неделю. Когда человек пришёл, лялька была ещё не готова.

Неделю за неделей приходил он к плотнику, но так и не получил своей ляльки.

Мальчик стал взрослым, женился, и его жена родила ему ребёнка. «Ступай к плотнику, — сказал ему его отец, — и узнай, готова ли лялька».

Молодой человек пришёл к плотнику и напомнил о старом заказе. «Тебе представляется случай закончить работу, — сказал он, — так как у меня самого теперь родился сын, и лялька бы ему очень пригодилась».

«Убирайся, — сказал плотник. — Я вовсе не собираюсь уморить себя спешкой только из-за того, что ты и твоя семья одержимы своим желанием!»

(Суфийская притча, самиздат 70-х годов)

Человек, который выбрал в качестве подпольной клички имя Бояна Куско, обосновался на перевёрнутой лодке на краю крохотного галечного пляжа, зажато между двумя источенными кариесом бетонными зубцами. Раскрыв толстую тетрадь в твёрдой обложке, он энергично в ней что-то выводил. Браун подошёл поближе. Лодка оказалась заляпанна дёгтем. Рядом с Куско было свободное место, но Браун, пробежав по нему взглядом, предпочел усесться в двух шагах в стороне на глыбу камня, выглядевшую чуть чище. Он не произнёс ни слова, агент его не поприветствовал. По земле стлались ошмётки ржавого металла. У них за спиной высилась целая гора металлолома: разобранные по косточкам аппараты, остовы автомобилей с кусками решёток, за которые цеплялись таинственные мерзости, выбрасываемые в равноденствие океаном. Свалка воняла, но зловоние не выходило за разумные рамки и подчас вызывало в памяти смесь водорослей с морской солью, нюхать которую можно почти с удовольствием. Пляж перед ними был узок и довольно круто спускался к морю. Кто-то, не иначе Куско, стащил в уголок самые крупные лепёхи мазута. О каменистый берег бесстрастно разбивались волны. Они рассыпались серебристой пеной, растекались вверх, вниз, шумно забавлялись с гравием и откатывались восвояси. В пятнадцати метрах от того места, где круги на воде помечали их распад, плавала ушедшая под воду крышка от грузовика, то кособочась, то подскакивая, медлительно приплясывала, привлекая внимание, приковывая взгляд.

Вдалеке виднелись полузатопленные обломки судов, перегоревшие порт и ведущий к докам фарватер. На фоне серого океана трепет белых кудряшек, змеившихся между рыжеватых корпусов, придавал этому зрелищу определённое величие.

— Мне, вроде бы, надо что-то сделать в отеле «Тон Фон», — сказал Браун, выдержав паузу.

Куско продолжал писать в своей чёрной тетради.

— Отель «Тон Фон», вы в курсе, о чём я? — продолжил Браун.

— Это в пяти минутах отсюда, третья улица направо.

— Вы ведь Боян Куско? — поинтересовался Браун.

— Ну да, — проворчал тот. — Не вижу, кем бы я ещё мог быть.

Он оказался существом небольшого росточка, одетым ровно так, как и следовало ожидать от того, кто ютится на помойке. У него была бакланья физиономия с непослушными перьями вокруг губ, с белыми полосками на лбу и на макушке. Его взгляд пронизывал, но на Брауна Куско его не наводил. Он продолжал свои судорожные заметки, уделяя какую-то долю секунды обзору волн и снова принимаясь лихорадочно строчить. Пальцы у него были худые и очень жилистые, сплошь в коричневатых пятнах. Он, не иначе, часто общался с принесённой с морских просторов нефтью.

— Мне посоветовали с вами связаться, — осторожно произнёс Браун.

— Знаю, — сказал Куско. — Вы — агент Браун. Я видел вас во сне две недели назад и предупредил Организацию. Они сообщили, что пришлют вас в Нью-Ягаян.

— Я прибыл сегодня утром, — сказал Браун. — Прошёлся по городу. Организация дала мне телефонный номер. Там мне сказали про вас и про отель «Тон Фон».

— Отлично, — прокомментировал Боян Куско и больше ничего не добавил.

Теперь он справлялся в конце своей тетради, где фигурировал какой-то длинный список сокращений и цифр. Куско перелистал его, цедя что-то сквозь зубы, потом вернулся к тексту, который писал. Беседа явно его раздражала.

Браун погрузился в безмолвное созерцание океана. У его ног трепыхалась кайма прибоя, чуть дальше тяжело приплясывала покрывка. Не считая обломков, ни один корабль не нарушал безбрежность. Блестящая, тягучая, маслянистая, полнимая пеной и переливами опадала вода,

лаская бока танкеров или то, что от них осталось. Вплоть до самого горизонта царили свинцовые оттенки, а выше небо становилось светло-аспидным. Заморосил было едва заметный дождь. Оттенил все контрасты.

Они оставались так довольно долго, Браун погружённый в задумчивость, Куско занятый своим писанием. Слова строились в ряды, строки превращались в чёрный текст.

— Вы мне скажете, наконец, что-нибудь об отеле «Тон Фон»? — не выдержал в итоге Браун.

— Это произойдёт сегодня ночью, между четырьмя с четвертью и четырьмя двадцатью, — проговорил Куско, не забывая мараť страницы.

— Мне об этом уже сообщили, — сказал Браун. — И что, предполагается, я должен сделать?

— Ничего особенного, — сказал Куско. — Передать наследство. Вам об этом не сказали?

— Нет. Я рассчитывал, что узнаю больше от вас.

Он секунд пятнадцать подождал ответа, потом, поскольку Куско продолжал молча строчить, спросил:

— Какое ещё наследство?

Боян Куско пожал плечами. Они под его нищенской блузой были костлявы и заведомо скрывали в себе какие-то дикийннне кости, ибо то, что выпирало там и сям в районе ключиц, наводило на мысль, что он принадлежит к какому-то из ряда вон выходящему семейству животных или, что более вероятно, был некогда подвергнут пыткам международными экспертами-осведомителями и выжил после их сеансов только чудом. Несмотря на шум волн, какой обычно покрывает звуки подобного рода, Брауну было слышно, как похрустывают хрящи Куско.

— Нечто способное пояснить, что такое человек, — произнёс он.

— А поточнее, Куско, — процедил Браун.

Куско заколебался. Убрал свою ручку.

— Это будет как бы переход через межевой камень между человеческими породами, — с трудом выговорил он. — Ничего более.

— Мне необходимы подробности, — настаивал Браун. — Всё это слишком расплывчато. Какие еще человеческие породы? Что и кому я должен буду дать?

— Увидите на месте, — сказал Куско. — Всё и должно оставаться расплывчатым. Если описать вам образ с излишней точностью, операция провалится. Чем меньше я на вас воздействую, тем лучше. Вы ведь специалист по действию. Сами увидите, что происходит, и сымпровизируете на месте.

— По возможности хотелось бы этого избежать, — проворчал Браун.

— Чего этого?

— Импровизации, — сказал Браун.

— Да ну уж, — сказал Куско...

(Антуан Володин. Кризис в отеле «Тон Фон»-1)

→ 9 января/2019: Кризис в отеле «Тон Фон»-2

Плотник Фын

Генерал Чжоу Ю-дэ, желая перестроить заново чей-то старый дворец под своё министерство, начал набирать рабочих. Плотнику Фын Мин-хуаню пришлось спать на стройке. Только что он стал укладываться на ночь, как вдруг видит, что оклеенное бумагой окно наполовину приоткрылось, и от луны так светло, словно это не ночь, а день. В отдалении за окном виден был невысокий забор, а на заборе красный петух. Фын уставился на него, и в это время петух слетел наземь.

Вдруг подошла какая-то молодая девушка, просунулась наполовину в окно и поглядела на Фына. Он решил, что её захороводил кто-нибудь из товарищей, и стал тихо прислу-

шиваться, но все уже крепко спали. И сердце его, объятые своевольной мечтой, стало сжиматься: в него закралась надежда, что дева ошибётся и придёт к нему. Вскоре она действительно влезла в окно и прямо бросилась в его объятия. Фын, полный радости, молчал... Когда наслаждение кончилось, дева ушла также в окно. Но с этой поры она стала приходить каждую ночь. Сначала плотник всё ещё не говорил, кто он, но однажды решился открыто заявить ей это.

— Я и не ошиблась, когда к тебе пришла, — отвечала ему дева. — Нет, я отдалась тебе сознательно и с уважением.

И любовь их с каждым днем становилась всё крепче. Затем работы окончились, и Фын решил идти домой. Дева уже ждала его в поле. Деревня, где жил Фын, от города была совсем недалеко, и дева пошла за ним. Но когда она вошла в дом плотника, никто из семьи Фына её не видел, и Фын теперь только понял, что она не человек.

Прошло несколько месяцев. Его силы стали падать и падать, и это вызвало в нём страх за жизнь. Он пригласил мага, чтобы тот своим заклятием задавил и изгнал нечистую силу, но из этого ничего не вышло. Однажды ночью явилась дева в роскошном наряде.

— Всякая связь в этом мире имеет свой определённый счёт дней, — заявила ему она. — Раз суждено ей быть, то гони её — не прогонишь. Если ей положено прекратиться, то хоть держись обеими руками — не удержишь. Сегодня я с тобой прощусь.

И ушла.

(Пу Сун-лин. Лисьи чары, Пг., 1922)

Считалки с Богом

Детские считалки в этой книжке — не похожи на детские считалки, а всё-таки они именно детские и именно считалки. Во-первых, потому, что хотя сочинил их взрос-

лый человек, но кто же не знает, что всякий взрослый человек — просто немного пожилой, запачканный и потёртый жизнью ребёнок, тем более перед Богом, который — Отец, а все мы у него — дети? А во-вторых, эти считалки — молитвы, такие молитвы, которые говорятся не по написанному, а своими словами, от всего сердца, от всего страха или от всей радости, с головой под одеялом, прямо Богу или святым, кто каких святых знает и любит; для ребёнка, ведущего бесконечную игру с Богом, очень важную и серьёзную, это и есть считалки, в ответ на которые Бог, так же важно и серьёзно, делает в игре свои ходы. Играть с Ним увлечённо, честно, не жульничать и не лукавить в ответственный момент — примерно это и есть то, что на взрослом языке означает «вера». Вера радостная и животворящая, ведь в этой игре выигрывает и тот, кто водит, и тот, кто прячется, и Бог, и возлюбленный Им человек.

О. Сергей Круглов

Преподобный Серафим Саровский

Дедушка, дедушка, в тёмном лесу твоя избушка.
Дедушка, дедушка, выгляни в оконце,
выйди на опушку,
выведи заплутавших на дорожку,
из тьмы да на солнце.
Приду к тебе в чистый четверг, омою больные ножки.
Откуда ты взялся такой, старенький, маленький?
Русский святой, с мишкою, в валенках.
Святой отче Серафиме, радость моя!

(Ольга Кушлина. Считалки с Богом, СПб., 2011)

→ 16 марта: Считалки с Богом, 2

Фрагменты личного

1

Петербургская невозможность сказать — едва ощути-мая, ускользающая, но сама по себе — разъясняющая прорехи в сезонных делах, подозрительную связность зримых очертаний, обилие многоточий в записках частного характера, ритм смены этих подвижных образцов вожделения. Мы разучились видеть разницу между *movie* и *photo*, но по-прежнему — во всеоружии осязания, как будто хитрости лепки и тёплый гул гончарных кругов знакомы нам не слабей, чем зуд в окраинах наших тел, — и мы силится потерять волю, но — не находим прежних оснований. Сторонясь гротескных изломов — как боишься столкнуться с нелюбимым папашей в темноте узкого коридора, как крепнет просохший лист (если смотреть очень долго, вне зависимости от погоды, зрения и времени года). Не ртутью измерялась температура терпения, — но и нет тех глаз, что без ущерба отвечали бы взглядом на взгляд.

2

Несколько главных слов, сказанных губами тишины без надежды быть услышанным — простое терпение молчащего, не сравнимое ни с одной из наличных абсурдных картинок. Вот гуляющий берег осени, — череда коротких просветов, подчинивших себе ритм и движение, а потому — изгнанных из раздробленности обыкновенного счастья. Не желал скатываться в простую жалобу, но нашёл нужным отметить, слегка задержавшись у самого порога, что последние фрагменты личного укатились ко всем чертям; что нельзя к чему-либо прикоснуться — и в то же время быть тем, кто касание совершает; да, и ещё осталось *полбанки шпротов* на нижней полке холодильника, можешь доесть,

если вдруг почувствуешь голод. — Нет, у них новые кроссовки, крайне модные джинсы и целая куча флаеров на вторую бесплатную кружку.

(Станислав Снытко. Уничтожение имени, М., 2014)

ЯНВАРЬ

16

вторник

Народ безмолвствует... Душа бормочет,
 Вокзальной беженкой сидит
 В нестрёмном месте... Развязать не хочет
 Ещё сумы житейский реквизит —
 Ещё надеется, ещё не время,
 Ещё придёт черёд:
 Над голубыми рельсами драконом рея,
 Экспресс свободы двинется вперёд...
 Тогда она на нарах деревянных
 Расположится чудно и легко,
 И примет до краёв наполненный стакан стеклянный,
 И, обжигаясь влагой окаянной,
 От летаргии оловянной проснётся наконец...
 И — радостная — руки вздев,
 Растворит душное стекло.

(Юрий Сорокин, 1984)

ЯНВАРЬ

17

среда

Каждый из нас — лишь середина, лишь продолжение,
 лишь звено в цепи... И нет никаких сил эту цепь разорвать,
 из неё вырваться.

Молодость — козырь, но козырь этот быстро уходит из
 рук, и к старости мы остаёмся «при мелких картишках»...

А что, если миссия человека вовсе не в том, чтобы
 «цель достигнуть», а в том, чтобы «землю греть», «печь то-

пить»? Тогда уже не скажешь: своё сделал, могу и уйти... Тогда всё время придётся «греть» и «топить» — и никакого конца не предвидится...

Чехов — явление не вполне русское, и потому русскими не до конца понят. Все пронесли мимо, увлекаемые Толстым и Достоевским, а он, словно восточный монах, остался в одиночестве.

За то уже не люблю грамматику, что в ней фразы состоят из подлежащего, сказуемого и т.д. Нет сил терпеть это безобразие!

Завтра я могу умереть. Даже *сегодня*. И удивительная радость, что жив ещё, не умер. И небывалая грусть, что радуюсь этому.

Нам не столько сама чужая жизнь нужна, сколько *дыхание* чужой жизни. Люди же, не понимая этого, не умеют остановиться «на расстоянии дыхания».

Стоят и кричат друг другу. Человек: «Господи, почто меня оставил?» Бог: «Человече, почто Меня оставил?»

Так стоять друг против друга и кричат.

(Пунктиры. Из третьей тетради, 1972–1973)

→ 9 августа: Пунктиры, 2

ЯНВАРЬ

18

четверг

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная!
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

Сойдёт ли ночь на землю ясная,
Звёзд много блещет в небесах,
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лучах.

Звезда надежды благодатная,
Звезда любви волшебных дней,
Ты будешь вечно незакатная
В душе тоскующей моей!

Твоих лучей небесной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я — ты над могилою
Гори, гори, моя звезда!

(Василий Чувевский, 1868)

Дети пишут Богу

ЯНВАРЬ

19

пятница

Здравствуй, Господи. Как у Тебя дела? Как живёшь?
Как здоровье? Женя, 2 кл.

Можно мне не умирать, а? Юля, 1 кл.

А демократия, это когда одни имеют всё, а другие всё
остальное? Гера, 3 кл.

У католиков один Бог, у мусульман — другой, у иуде-
ев — третий, у лютеран — четвёртый, у православных —
пятый. Да сколько же вас там? Игорь, 4 кл.

Ладно, Христос страдал ради людей, а ради чего стра-
дают люди? Гриша, 4 кл.

Ну, хорошо, первую пару людей на Земле сотворил Ты. А как сделали третьего человека? Владик, 4 кл.

У Тебя есть ум или Ты весь состоишь из души? Женя, 3 кл.

Ты пишешь в Библии, что вначале было слово. Какое? Руслан, 1 кл.

Почему нищие просят милостыню около церкви, чтоб Ты отмечал, кто даёт? Ира, 2 кл.

Боженька, а душу Ты мне вложил мою или чью-то? Стасик, 2 кл.

Значит, если я правильно понял эволюцию, Ты создал Адама и Еву, а дальше человек произошёл от обезьяны? Сергей, 3 кл.

Зачем человека растили годами, а потом бац — и он уже мёртв? Вася, 2 кл.

Господи, а вообще-то ты есть? Александр, 2 кл.

А я есть на самом деле? Люба, 3 кл.

Как там Тебе живётся: хорошо, средне, плохо или хреново? Алла, 4 кл.

Для чего я родился? Марик, 3 кл.

А какое Ты планировал будущее до нашей эры? Александра, 1 кл.

Ты создан на весь мир? Лена, 1 кл.

Почему меня так и тянет вытворять что-то плохое? Это Ты меня испытываешь? Паша, 3 кл.

Правда ли, что в Греции были настоящие мифы? Владик, 3 кл.

Что Тебе сделал мой папа, что ему так не везёт? Вита, 3 кл.

Ну, а теперь Ты бы создал во второй раз человека?
Олег, 3 кл.

Ах, Господи, ну почему я так устроена? Алла, 3 кл.

Зачем Ты создал этот мир, Ты что, не понял, что будет такая заморочка? Марина, 4 кл.

А у инопланетян тоже будет конец света? Лёва, 2 кл.

Ну и почему фунт лиха? Саша, 2 кл.

(Составитель Михаил Дымов)

→ 1 сентября: Дети пишут Богу, 2

История Клуба-81

1981

Организационные проблемы конференции <неофициального культурного движения> так и не были решены, и идея клуба повисла в воздухе. Было очевидно, что власти сделают всё, чтобы не допустить конференции. Между тем кое-какая подготовка стихийно протекала и без нас — поступили предложения о нескольких докладах. Нужно было придумать новый конспиративный ход, который не позволил бы властям сорвать конференцию, однако идеи на этот счет так и не появились.

В эти проблемы мы с Останиным не посвящали даже коллег по журналу. Тем более нельзя было вести речи о конференции на квартире Кривулина — несдержанность её хозяина на язык, давнишнее подозрение, что его жилье прослушивается, я принимал за непреложный факт. Узнав, что мой товарищ разговаривал с Кривулиным на эту тему, я понял: нас ждут неприятности.

Через два-три дня к Останину пришли два сотрудника и, не застав его дома, оставили повестку с вызовом в район-

ный отдел КГБ. Часа два мы ходили взад-вперед по Невскому и обсуждали, как вести себя Останину на встрече. Решили, что следует прямо заявить о мотивах и целях нашего поведения. Идейные посылки всегда играли в моей жизни важную роль и вполне подходили для моего товарища, хотя и по другой причине: эмоциональной непосредственности. По существу нужно было сказать: если в судьбе независимых художников появился просвет и они получили право на проведение выставок, то у литераторов никаких прав на контакты с читателями нет, и они теми или иными способами будут искать выход из своего нестерпимого положения. Стоит упомянуть о литературном клубе, который мог бы создать перспективу для легализации общения неофициальных литераторов.

Как и ожидалось, гэбист повёл разговор о конференции. Предупреждение было сделано резкое: «Мы долго терпели феминисток, но они не вняли нашим увещаниям, и мы решительно с ними покончили. Не будем терпеть и вас». Прозвучала фраза, которая давала понять, в чём чекисты видят главную проблему: «неофициальная культура — это хаос». (То ли дело союзы писателей, художников, композиторов, которые следовали руководящим указаниям власти!) В ответ Останин рассказал о ненормальном положении целых поколений ленинградских писателей, сказал и о клубе и получил заверение, что эта часть беседы будет доведена до руководства.

Ситуация сложилась занятная. КГБ раздражала хаотичность, бесформенность неофициальной культуры. А чем же занимались мы — «часовщики», организуя периодический самиздат, конференции, учредив Премию Андрея Белого, изыскивая возможность создать независимый литературный клуб, как не тем, чтобы придать культурному движению структурность, как не установить открытые отношения с читательской аудиторией! (Через год после создания клуба я услышу упрек в том, что мы занимаемся

созданием «параллельной структуры», то есть хотим противопоставить советским учреждениям свои, им враждебные и неуправляемые. Ошибку венгерских и польских властей в борьбе с демократическими движениями идеологи КПСС усмотрели в том, что те допустили образование и существование «параллельных структур».)

Поставим вопрос прямо: спокойна ли была у нас совесть, подкидывая идею клуба ГБ и, таким образом, полагаясь на содействие этого учреждения нашим планам? Приходилось слышать: «Русские интеллигенты никогда не обращались к жандармам, никогда не вступали с тайной полицией в контакт!»

Высокопарная неправда! В архивах царской жандармерии груды писем от этой самой интеллигенции, немало их и в архивах ЧК–ГПУ–КГБ. Преодолевая свой страх и неприязнь, люди устно и письменно выступали в защиту жертв авторитарных режимов, требуя для общества демократических прав, а для жертв — гуманного отношения. Немало таких защитников было чекистами уничтожено, сотни «подписантов», выступивших в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, И. Бродского, А. Солженицына, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова и других, подверглись преследованиям.

Итак, и КГБ, и «неофициалы» хотели видеть культурное движение *организованным* и при этом использовать организационное оформление движения с прямо противоположными, чем у нас, целями.

«Часовщики» уже выступали в роли общественных представителей движения, выпуская журнал «Часы», организуя конференции, и были готовы представлять и защищать интересы неофициалов перед любой инстанцией, прежде всего перед КГБ — наиболее жестоким учреждением, которому партийное руководство вменило в обязанность нейтрализацию культурного движения.

Заблуждались ли мы относительно тех целей, которые власти будут преследовать, если пойдут навстречу нашим

планам? Нет. Мы не были новичками культурной оппозиции. Игорь Адамацкий дважды проходил по делу Революта Пименова в 1956 и 1970 годах, был исключен из аспирантуры Пушкинского дома. Юрий Новиков, ещё юношей, за попытку перехода государственной границы отбыл срок, в 1970-е годы был уволен из научного отдела Русского музея за выступление в поддержку художников-неофициалов в клубе «Эврика». С культурным движением я был связан уже около пятнадцати лет.

«Часовщики» подошли в это время к главной проблеме независимой литературы — к обретению статуса легитимной институции: в случае удачи клуб мог стать первой организацией, подобных которой в стране не было более полувека. Ситуация стала напоминать движение двух армий, которые маневрируют согласно получаемой от разведок информации, своей цели ещё не добились, но готовы для генеральной битвы, рассчитывая выйти из неё победителем. Однако, помимо решимости сторон, необходимо их согласие на то поле, где произойдёт сражение. Обе стороны сошлись на том, что таким полем должен стать некий КЛУБ.

(Борис Иванов. История Клуба-81, СПб., 2015, отрывок)

...Голые выбеленные стены. Голый квадрат окна. Глухая дверь с глазком. С высокого потолка свисает яркая, никогда не гаснущая лампочка. В её слепящем свете камера особенно пуста и стерильна; всё жёстко и чётко. Даже складки одеяла на плоской постели словно одеревенели.

Этот свет — наваждение. Источник неосознанного беспокойства. От него нельзя отгородиться, отвлечься. Ходишь ли маятником с поворотами через пять шагов или, закружившись, сядешь на табурет, — глаза, уставшие от знакомых потёков краски на параше, трещинок штукатурки, щелей между половицами, от пересчитанных сто раз головок болтов в двери, помимо воли обращаются кверху, чтобы тут же,

ослеплёнными, метнуться по углам. И даже после вечерней поверки, когда разрешается лежать и погружаешься в томительное ночное забытё, сквозь проносящиеся полувоспоминания-полугрёзы ощущаешь себя в камере, не освобождаешься от гнетущей невозможности уйти, избавиться от этого бьющего в глаза света. Бездушного, неотвязного, проникающего всюду. Наполняющего бесконечной усталостью...

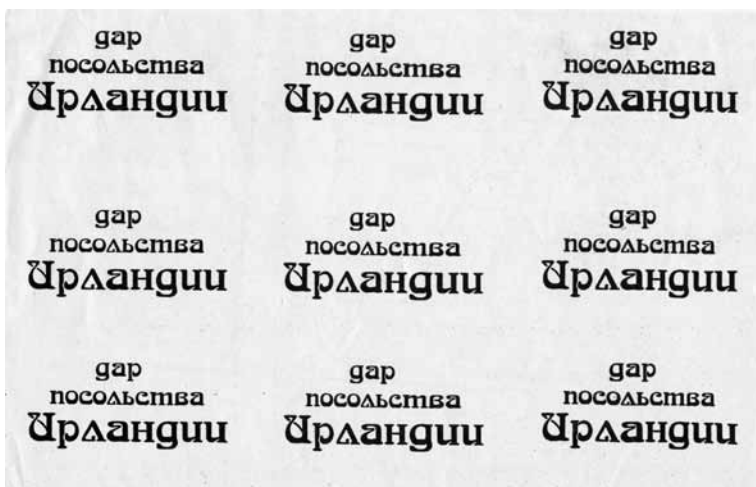
Эта оголённость предметов под постоянным сильным освещением рождает обострённые представления. Рассудок отбрасывает прочь затеняющие, смягчающие покровы, и на короткие мгновения прозреваешь всё вокруг и свою судьбу безнадёжно трезвыми очами. Это — как луч прожектора, каким пограничники вдруг вырвут из мрака тёмные береговые камни или вдавшуюся в море песчаную косу с обсевшими её серокрылыми, захваченными врасплох морскими птицами.

Я помню, что именно в этой одиночке Архангельской тюрьмы, где меня продержали около года, в один из бесконечных часов бдения при неотступно сторожившей лампочке, стершей грани между днем и ночью, мне особенно беспощадно и обнажённо открылось, как велика и грозна окружающая нас «пылающая бездна»... Как неодолимы силы затопившего мир зла! И все попытки отгородиться от него заслонами веры и мифов о божественном начале жизни показали жалкими, несостоятельными.

Мысль, подобная беспощадному лучу, пробежала по картинам прожитых лет, наполненных воспоминаниями о жестоких гонениях и расправах. Нет, нет! Невозможен был бы такой их невозбранный разгул, такое выставление на позор и осмеяние нравственных основ жизни, руководи миром верховная благая сила. Калёным железом выжигаются из обихода понятия любви, сострадания, милосердия — а небеса не разверзлись...

(Олег Волков. Погружение во тьму, М., 1989)

→ 10 февраля: Волков, 2

Москва, Грохольский пер., 5,
Посольство Ирландии,
Атташе по культуре Джульену Клэру

ЯНВАРЬ

22

ПОНЕДЕЛЬНИК

Уважаемый господин Клэр!

Позвольте напомнить Вам о себе: Борис Останин, редактор петербургского «Издательства Чернышёва». Весной прошлого года я имел удовольствие познакомиться с Вами на пике подъёма и эйфории, связанных с выходом в свет в нашем издательстве «Трилогии» С. Беккета. В декабре я вновь посетил посольство Ирландии (к сожалению, в Ваше отсутствие) и беседовал с г-ном Брайеном Эрлсом, на этот раз в более минорных, «беккетовских» тонах, объясняемых общим упадком издательского и книготоргового дела в России и, в частности, очень медленной распродажей «Трилогии». Вероятно, г-н Эрлс сообщил Вам о моём визите.

В беседе с ним я имел смелость предложить культурно-благотворительный проект под условным названием «Встреча с Беккетом», который изложу сейчас в самых общих чертах. У проекта три независимых компонента, а именно:

1. Материальная помощь Посольства Ирландии (или Правительства Ирландии, или независимых ирландских органи-

заций и частных лиц) «Издательству Чернышёва», совершившему в своё время «культурный подвиг» (это не мои слова, а цитата из рецензии) по переводу и изданию трёх романов С. Беккета. Конечно, как справедливо заметил в беседе г-н Эрлс, нам следовало бы сначала попросить о помощи и лишь потом издавать книгу, но Вам, конечно, известна русская привычка запрягать телегу перед лошадьё, вызывая тем самым искреннее недоумение европейцев. Наш случай принадлежит именно к этому числу.

2. Культурная акция — распространение произведений выдающегося ирландского писателя среди русских читателей.

3. Благотворительная акция — безвозмездная передача «Трилогии» в московские и петербургские библиотеки, университеты, больницы, сумасшедшие дома и тюрьмы.

Фактическая сторона проекта «Встреча с Беккетом» такова (приведённые ниже цифры можно совместно откорректировать). Посольство Ирландии (в этом суть нашей просьбы) приобретает у «Издательства Чернышёва» 1000 экземпляров «Трилогии» С. Беккета по цене 2,5 доллара экземпляра и доверяет издательству развезти их по библиотекам и другим адресатам Москвы и Петербурга. Доставку книг в Москве (предположительно 500 экземпляров, остальные 500 распространяются в Петербурге) «Издательство Чернышёва» берёт на себя. Я лично приеду в Москву на неделю и, используя помощь своих московских друзей и их транспорт, развезу книги по заранее составленному списку адресатов. В каждую книгу будет вклеена карточка с надписью «Дар Посольства Ирландии» (или «Дар Правительства Ирландии», как Вы сочтёте нужным). Каждое посещение адресатов и передача им книг будет зарегистрировано в сводном списке и завизировано лицом, принявшем дар, что позволит Посольству Ирландии получить точный отчёт о судьбе подаренных книг. Для облегчения работы хорошо было бы получить от Посольства официальный документ с таким примерно текстом: «Податель сего документа — участник культурно-благотворительной акции, проводимой Посольством Ирландии». Эту акцию можно осветить в средствах массовой информации.

Уважаемый г-н Клэр, извините за все эти тяжеловесные подробности, в устной беседе всё выглядело бы более понятно. На мысль о благотворительной акции меня навело давнишнее сообщение о театральном эксперименте (кажется, во Франции), в ходе которого пьесы Беккета исполняли перед глухонемыми, затем — перед узниками тюрьмы и наконец — перед пациентами больницы для душевнобольных, и были восприняты этой необычной публикой с невероятным вниманием и отзывчивостью. Вероятно, особые условия существования людей в больницах и тюрьмах (и шире — отрезанных от мира) помогают им воспринимать творчество Беккета с гораздо лучшим пониманием, чем понимание «обычных людей в обычных обстоятельствах» и более того — вселяет в них оптимизм там, где другим мерещится разве что отчаяние и безнадежность. «Минус на минус даёт плюс». Воздействие творчества Беккета на таких людей сравнимо, по-моему, с воздействием религиозной литературы — оно заставляет о многом подумать и многое в своей жизни переоценить и пересмотреть.

Вот, собственно, и весь проект. Очень надеюсь на положительное отношение к нему со стороны Посольства Ирландии и с нетерпением жду ответа.

Прошу передать мой привет г-ну Брайену Эрлсу (впрочем, я послал ему краткое письмо на эту тему) и самую тёплую благодарность переводчице Кате, которая в декабре прошлого года помогала нам беседовать.

С наилучшей памятью и уважением,

*Борис Останин,
главный редактор Издательства Чернышёва.*

22 января 1996 года.

Милый, у нас тишина,
Только большая Луна,
В узкое глянув окно,
Видит: здесь пусто давно.

Пусто мне быть без тебя.
Друг, навестил бы хоть раз!
Я не сводила бы глаз,
Я бы молчала, любя.

Но не приедешь, родной,
В это глухое село.
За меловую чертой
Зимами стынет оно.

Не долетит самолёт
И не дойдут поезда.
Голос напрасно зовёт,
Светит напрасно звезда.

(Лариса Неделяева)

1. Философия должна заговорить по-русски:
 - а) освободиться от предрассудков и иноязычных штампов,
 - б) осознать смысл слов.
2. Смысл слова зависит от его положения в системе:
 - а) речи-предложения: подлежащее или сказуемое,
 - б) грамматической — часть речи: местоимение, имя, глагол, причастие и т.д.,
 - в) морфологической: категориальное оформление — лицо, число, род, вид и т.д.
3. Последнее обстоятельство, в связи с синтетическим характером русского языка, особенно важно. Морфологическая выраженность ГК <грамматических категорий> приводит к появлению в языке сгустков смысла, сверхслов, или пара-дигм.
4. Поскольку каждое слово имеет к тому же по несколько парадигм, может показаться, что весь язык состоит из

сверхслов. Но это не так, поскольку в большинстве случаев парадигмы затрагивают лишь периферические области смысла, оставляя корневую морфему без изменения.

5. Но эти — периферийные для речевого потока, для корня слова — смыслы сверхслов (парадигм) не так уж незначительны, как может показаться на первый взгляд. Эти сверхслова являются фундаментом, почвой, сеткой или матрицей языкового мировидения, сортирующего и организующего опыт восприятия, прежде всего.

Одно лишь движение флексии из Род. в Вин. даёт нам представление об одушевлении предмета: конь.

6. Однако в центре языка, в его ядерной области мы видим ещё более спрессованные смыслы, подлинные сверхслова, синтезирующие в себе неслиянно и нераздельно по два-три корня, морфемы, смыслообраза. Именно о таких сверхсловах говорил Аристотель как о схеме расположения идей — образе, рисунке смыслов, которые можно лишь умозреть. Я имею в виду такие сверхслова, как группа личных местоимений и глагол-связка БЫТЬ.

7. Начнём с последнего. Бытие является настолько плотным сгустком смысла, таким сверхсловом, определяется такой мощной парадигмой, что чуть не переходит в парадокс: бытие есть сказуемое. Размышление над этим парадоксом является предметом всей западноевропейской философии, начиная с Парменида и кончая Хайдеггером.

8. Так вот, русская грамматика требует этого парадокса и его объясняет. Оказывается, речь истинна только тогда, когда парадоксальна. Именно это пытались выразить русские философы и богословы понятием антиномия. Но парадокс лучше, поскольку — это парамолва (слава), параславие. Не ортодоксия-православие, а парадоксия-сверхславие, словие.

9. Вернёмся к парадигме <НРЗБР> корня. Психологический акт членения времени оказывается вневременным!

Это ли не парадокс? Вневременной акт сказуемости есть парадигматическое условие парадоксальности истинных высказываний. Т.е. грамматика как система сверхслов — есть до-временной акт речи, фактически акт творения мира.

10. Отсюда ясно, понять всю философскую мощь русской грамматики нетрудно, особенно тем, кто знаком с работами Хайдеггера. Тайна немецкой философии как прежде всего философии становления и неологизмов — в отсутствии третьего корня. Sein — это не «бытие», а «бывание» или «бытование». Задача русской философии — пере-перевод иноязычных философских текстов.

11. Полная парадигма БЫТЬ — только в странах Балтии и в греческом. Именно поэтому там и родилась онтология. Греческий космос, особенно в редакции Аристотеля — это прежде всего система грамматических категорий греческого языка. Вы помните, что центральной является «усия».

12. Хайдеггер о тупике, связанном с переводом. То же и к «усии». Это — категория лица в русском языке. И анализ этой категории приводит нас к метафизике и теологии.

Группа местоимений является ещё более плотным ядром, своего рода нейтронной бомбой.

- а) Сверхслово лица — общая для всех местоимений категория — супплетивы, но своеобразные для каждого лица.
- б) Парусия, или Сверхлицо — группа корневая всех местоимений: я, ты, мы, вы, он.
- в) Эннеада, делящаяся на две тетрады, объединённые «ВЫ».
- г) Флективные структуры 1 и 2: Лик и Род.
- д) Групповая симметрия: икосаэдр, 3–5–12–20...

13. Вскрыть всю систему можно только в перекрёстной интерпретации. Категория вида глагола, обратное течение времени. Вневременное деление инфинитивов.

14. Спряжение по лицам. Здесь самое важное: *сущее*.

15. Различие между бытием и сущим — центральный пункт всей русской философии от Соловьёва до Бердяева. Грамматика его решает автоматически. Поэтому ещё одна задача — наложить эту сетку на тексты русских философов и отобрать истинные высказывания.

(Владислав Кушев. Стратегия духовного прорыва)

Вся природа украшается для празднеств своих. Весна зелёная, лето красное и золотая первая осень — пестрее зимы. Праздник возрождения; праздник встречи с жизнью; праздник бессознательной любви и цветения; праздник прощания перед долгим отдыхом и сном. («Цветы последние милей роскошных первоцветов полей!») Какой может быть праздник у растений, кроме праздника бессознательной любви, стихийного влечения. У них не может быть ни религиозных, ни общественных праздников; у них есть только летний праздник полового стремления. И вот эти растения в пёстрых цветах.

Красивые цветы совсем не нужны им для ближайшей цели. Многие травы и большие деревья цветут цветами зелёными и невидными, и это не мешает им размножаться, — но большинство растений цветёт цветами разноцветными, иные душистыми. *Это не для них самих*. Это роскошь, это избыток сил прекрасного, это — поэзия. *Поэзия жизни самой*, а не поэзия *отражения* в человеческом искусстве. И у многих животных есть такой ненужный для них самих избыток красоты, есть гривы пушистые, хвосты, рога изящные. Не особенно красивый серый попугай живёт и размножается точно так же, как и великолепные какаду и ара. И наша галка, положим, наслаждается жизнью не хуже других птиц, обходясь без пунцовой головы, без голубых крыльев, без хохла. Это так; но, с другой сто-

роны, ведь и райской птице все её избыточные и прелестные украшения не мешают испытывать, не хуже галки, разные приятные ощущения. А со стороны смотреть на сборище галок совсем не то, что любоваться на множество райских птиц.

Почему же и к людям не прилагать той же *внешней* эстетической мерки?

Почему бояться сознаться, что смотреть на взвод кавалергардов, идущих в Петербурге на царский смотр, — это наслаждение для *здорового* вкуса; а взирать на заседание чиновников или профессоров — тоска...

<...>

Быть может, дальнейшее развитие самой точной науки докажет даже и математически, что многоученость и многокнижность с истекающими из них слишком уж дерзкими открытиями и изобретениями вредна *нервам*; физиологически вредна, психически, социально, умственно даже вредна. До того, положим, вредна, что сама *добросовестная* наука потребует для дальнейшего разумного существования человечества некоторой доли того, что нынче ещё по старой привычке зовется бранным словом «обскурантизм». Захотят поставить экран перед утомлёнными глазами человечества, найдут нужным — понизить до копоты пылающий светоч рассудка. Отчего же не предположить этого? Если наука, в пределах наших умственных сил, бесконечна, то что же будет за бесконечность эта, если она не может вместить в себя и возможности преднамеренного самоограничения? Реакция есть во всем, и в науке было множество частных реакций.

Отчего же не настать и великой общей реакции? Отчего же не предположить, например, что науки высшие (по предмету), психологические и социальные, не потребуют со временем ограничения влияний на человечество наук низших: физики, неорганической химии, механики?

<...>

Каждый новый век (в новейшей, по крайней мере, истории) вносил *стиль* одежд и обычаев; и этот общий стиль, с незначительными колебаниями в оттенках, держался до нового века и до утверждения надолго *нового духа*. Неужели один только XX, уже наступающий, век будет исключением, и чёрный фрак, пиджак, сюртук, цилиндр и панталоны лягут в могилу вместе с последним образованным человеком на земном шаре? Это было бы очень грустно, если бы было правдоподобным. Не будет нового внешнего *стиля в жизни*, — значит, не будет уже никогда и *нового духа*; а останется на веки веков все тот же всепожирающий, всеравняющий, буржуазный.

Но такой застой мысли и вкуса возможен только в двух случаях: или в том случае, когда все люди сознают (или, вернее сказать, *вообразят себе*), что человечество дошло во всём уже до наивысшего, доступного на земле совершенства; или, напротив того, если *гибель* человечества, общее вымирание его, или последняя всеземная катастрофа так уже близки, что некогда и духу новому созреть; и людям, начавшим свою земную карьеру в детской простоте звериных шкур и фиговых листьев, — придётся кончать её в старческом упрощении фраков и пиджаков.

О том, что человечество уже достигло совершенства, мы ни от кого ещё пока, слава Богу, не слышим.

Что же касается всеобщей погибели и смерти, то хотя нам одинаково пророчат её и христианская религия, и пессимистическая философия нашего времени, и, наконец, естественное чувство здравого смысла (ибо всё живое, органическое должно когда-нибудь разрушаться и гибнуть), но всё-таки позволительно думать, что конец историческому миру нашему не так уже близок теперь, чтобы всё человечество было бы расположено поступать так, как поступил, говорят, однажды хладнокровный герцог Веллингтон на корабле во время сильной бури. Он спал; проснулся и хотел было надевать сапоги, но в эту минуту вбежал к нему

испуганный адъютант и воскликнул: «Милорд, мы погибли!» — «О, — ответил герцог, — тогда и одеваться не стоит». Снял уже надетый сапог и лег опять.

Нет, такого равнодушия ещё незаметно. Люди, вопреки советам гр. Л. Н. Толстого, хотят ещё пиры давать и танцевать, хотят щеголять. Но если уж щеголять, так со вкусом и толком. Если пировать и плясать, так было бы на что и со стороны порадоваться!

<...>

По моему, что-нибудь одно; или думать именно так, как граф Толстой: «Не нужно вовсе балов; не нужно пиршеств; не нужно роскоши и денежных затрат; *патриархальная простота*; физический труд; близость к природе; кроткая и трудовая пасторальность».

Такая всеобщая простота, без фабрик, без машин, без ужасающих ум библиотек, без подавляющих душу огромных городов, с невинными и небольшими развлечениями — стала бы, наверное, и скоро живописна сама собою. Особенно эта пасторальность стала бы живописна и мила, если бы граф по известной любви своей к человечеству дозволил бы нам ещё одно утешение, ещё одну, кажется, безвредную отраду — разрешил бы нам при этом хоть самые скромные и недорогие храмы строить, зажигать лампы, «поднимать» иконы и т. п. Да, при последнем условии — это было бы очень хорошо, — настал бы золотой век правды, кротости, скромного благоденствия, взаимной любви и первобытной поэзии.

Но ведь такая всемирная идиллия невозможна в столь поздний и рассудочный исторический возраст, каков наш.

К тому же подобные надежды противоречат и *пророчествам* христианства гораздо более, чем *разрешение* почитать иногда в меру и благородно, противоречат *заповедям, советам* и даже *примерам* Самого Спасителя. Он Сам соблаговолит пировать на свадьбе в Кане Галилейской, как справедливо было замечено недавно в «Русском деле». Но

относительно всемирной идиллии нет обещаний в Евангелии; а предсказаны бури страстей, войны, междоусобия, глады и трусы до скончания века!

Итак, и с христианской точки зрения изредка, по немощи нашей повеселиться несравненно позволительнее, чем проповедовать ересь безбожной этики и невероятной всеобщей любви.

Если же позволительно и желательно *в меру* щеголять, плясать, пировать, так надо, чтобы это было в самом деле красиво, изящно и осмысленно.

(Константин Леонтьев.

Не к стати и к стати — письмо А. Фету, 1889)

В пути я занемог.
И всё бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.

(Басё)

ЯНВАРЬ

26

пятница

Выбор богатой невесты

Задача. Жениху, задумавшему выгодно жениться, предлагают одну за другой 100 невест, сообщая каждый раз о величине её приданого, которое может быть каким угодно. Узнав об очередном приданом, жених вправе либо прервать свой выбор, либо перейти к следующей невесте, но при этом вернуться к предыдущей не может. Порядок представления невест случайный. Какова оптимальная стратегия жениха?

Ответ (без решения). Отказать первым 37 невестам ($100/e$, где $e \approx 2,72$ — основание натурального логарифма), после чего выбрать первую, приданое которой окажется больше, чем у любой из 37. (Ответ является не «абсолютно достоверным» — теоретически возможна раскладка с милли-

ЯНВАРЬ

27

суббота

онным приданым у первых 37 невест и копеечным у остальных, — а «статистически оптимальным».)

→ 6 марта: Парадокс дней рождения

410000 Саратов, ул. Рабочая 116, кв. 8,
Глинскому Н. Б.

Уважаемый Николай Борисович!

Вам пишет издатель биографического словаря «Художники русской эмиграции» <вышедшего в 1994 году в петербургском издательстве Чернышёва>. От Вашего земляка Б. В. Глубокого я узнал, что Вы — вопреки указанному в словаре — живы и здоровы, что было для меня и для авторов книги Д. Северюхина и О. Лейкинда приятной неожиданностью. Приношу Вам извинения за допущенную неточность. Дай Бог Вам крепкого здоровья и творческих сил на многие годы.

Позвольте преподнести Вам в подарок книгу этих же авторов «Золотой век художественных объединений», возможно, она покажется Вам интересной.

Насколько мне известно, Северюхин и Лейкинд готовят второе издание «Художников русской эмиграции». Буду рад, если Вы захотите уточнить и расширить биографическую справку о себе и других художниках-эмигрантах.

Большой привет и благодарность Б. В. Глубокому, сообщившему такую приятную новость.

С уважением, Борис Останин.

<1995>

Очарованный странник

«Побег» <«Один в океане»> — увлекательная книга, и её, несомненно, оценят по достоинству читатели самых разных пристрастий. Перед нами рассказ человека, преодолевшего почти неодолимые препятствия, свидетель-

ЯНВАРЬ

8

воскресенье

ЯНВАРЬ

29

понедельник

ство его духовных поисков, прозрений и, наконец, просто хорошая литература. Каждый читатель может найти в ней отголоски некогда пережитого. Кто не мечтал в детстве о дальних морях и странах? С годами несбыточное забывалось, но для автора этой книги не существовало понятия «несбыточное».

Слава Курилов совершил свой побег в тридцать восемь лет, и первый вопрос, который ему задали на острове Сиаргао <Филиппины>, был: «А зачем?» В книге мы находим несколько ответов на этот вопрос. Он жил в стране, превращённой в гигантскую тюрьму, в жестоком замкнутом пространстве: «Жить в атмосфере ненависти и страха — медленное самоубийство». Казалось бы, ответ прост, всё ясно и отчетливо, как на чёрно-белом снимке, но для автора книги «Побег» это лишь первое и поверхностное объяснение. Прошлое в его прозе постепенно обретает цвет и глубину, воспоминания о черноморской Аркадии — это память о счастье. Слава не раз задавался вопросом о причине своего побега, размышлял об этом и нашёл другой ответ: «Это не был побег в прямом смысле — из тюрьмы, от чумы или от долгов... Побег с корабля был духовным испытанием, научно-мистическим экспериментом или познанием себя — как угодно».

Он принадлежал к редкой и драгоценной породе странников и духовидцев. Такие люди были во все времена: они проходили свой духовный путь в монастырской келье, в постижении мистических глубин йоги или в реальных страданиях с единственной целью — поиска единения с Богом. Тому, что Слава рассказывает о моментах пережитых откровений, веришь, за попытками передать, описать их чувствуется подлинность. Он одновременно созерцатель и действитель, он подчиняется тайному зову и в миг почти неминуемой смерти оказывается в ином мире, в доме, освящённом Божественным присутствием. Человек, затерянный в ночном океане, напрягает все силы, упорно про-

бывается сквозь шторм и в то же время, пишет Слава, «моё состояние было таким, как если бы я, задумавшись, тихо брёл ночью по дороге вдаль от человеческого жилья». Таков таинственный путь очарованного странника.

Слава Курилов был, без преувеличения, легендарным человеком. О нём не раз писали в Канаде, Америке, Израиле, России, его проза переведена на несколько языков. История его жизни напоминает приключенческий роман в духе Стивенсона с поправкой на реалии нашего времени. Легендам свойственно сводить жизнь героя в стройный сюжет: по воспоминаниям близких, первое произнесенное им слово — «вода». Слава с детства мечтал о море, хотя в его Семипалатинске о море знали лишь понаслышке. Он выбрал профессию океанолога и после окончания вуза работал в Институте океанологии при Академии наук СССР. Параллельно изучал социальную психологию в Педагогическом институте, затем окончил штурманское училище. Казалось бы, такая насыщенная жизнь, но позже он напишет о том времени: «Я бы назвал всю свою жизнь непрерывным сном, за исключением тех мгновений, когда я был по-настоящему пробуждён». В этой книге повествуется о пробуждении, духовной свободе и побеге, который он определил как обряд Действия.

«Побег» заканчивается появлением в деревушке солдат и арестом Славы. Филиппинские власти заподозрили его в шпионаже, он оказался в тюрьме, но весть о беглеце облетела остров, и познакомиться с ним приезжали из самых отдаленных уголков. Через полгода Слава Курилов получил разрешение уехать в Канаду. Там его история тоже привлекла внимание, о нём много писали, он стал знаменит. Но он любил вспоминать не об этом, а о месяце, проведённом в джунглях, о плаваниях на исследовательском судне. В 1986 году Слава Курилов переселился в Израиль и стал сотрудником Хайфского океанографического института. Мы познакомились в мае 1990 года, в день нашего приезда

в Израиль, так что иерусалимская жизнь началась с его поразительного рассказа. Скромный, непритязательный, Слава совсем не походил на супермена и предпочитал держаться в тени. Но для друзей было важно его присутствие: в этом странном, обаятельном человеке чувствовалось спокойное мужество и внутренняя свобода.

29 января 1998 года Слава Курилов погиб во время подводных исследований на озере Кинерет. Он верил в предзнаменования, а в этот раз они были явными: за несколько дней до смерти он слишком долго пробыл под водой, вызволяя напарника, запутавшегося в рыболовных сетях. Их подняли наверх, когда в баллонах уже почти кончился воздух. Слава имел право отказаться от работы в свой последний день, но не сделал этого. После его смерти по-иному читаешь знакомые строки: «Жизнь — это когда смерть стоит за плечами... Конечная цель — выдержать, и совсем несущественно — выжить или умереть. Я выдержал. Успех был бы и в случае смерти».

Слава похоронен в Иерусалиме, на старинном кладбище, неподалеку от потомков рыцарей-тамплиеров, странников прошлых времен, на улице Эмек Рефаим. На похоронах друзья говорили о его аскетизме, доброте, кто-то назвал его праведником. «Это не доброта, а кротость. Он был философским человеком», — заметил человек, хорошо знавший Славу. «Разве Слава занимался философией?» — «Не занимался, а жил. Просто он так жил...»

Один из героев этой книги — океан. В океане таится прошлое мира, под толщей воды можно разглядеть тени старинных кораблей, финикийские галеры, каравеллы Колумба, а в самой его глубине скрыт невидимый дом, освящённый Божественным присутствием. События, о которых Слава Курилов рассказал в книге, тоже проходили на разных «глубинах»: за решительными, порой безрассудными действиями, резкими изломами судьбы скрывалось ровное упорство странника, идущего своим путем. Он требовал

полной самоотдачи и множества жертв. «Закончив далёкий и трудный путь, я увидел то, о чём долго грезил, и понял — нет счастья за горизонтом, а оно, как тень, безмолвное, всегда рядом...» Но такие судьбы и такие пути не измеряются общими мерками, их смысл нам неведом. Путь закончен — или он продолжается? «Море исчезло. Под нами была бездна, усыпанная яркими звездами... Корабль плавно парил в пространстве в центре одной гигантской сферы... Я взобрался на мачту, удобно устроился и оказался в самом центре Вселенной. Скопление звезд Млечного Пути в одной стороне неба было ярче, создавало густые тени надстроек. Там, внизу, среди звезд, я увидел и собственную тень».

*(Елена Игнатова. Послесловие // Слава Курилов.
Один в океане, М., 2004)*

- 8 ноября/2017: Соколов З/К — Нить побега
- 27 июня: Никита Курилин
- 30 ноября: Прославление Соханевича
- 13 декабря: Один в океане

Парнас дыбом: Лонгфелло

*В безмятежные дни мира,
дни и радости и счастья,
на земле Оджибуэев
жил седой учитель-кацик.
У него был Мишенава,
пёс лукавый и учёный,
и старик души не чаял
в Мишенаве, псе разумном.
Как-то, сидя у вигвама
и прислушиваясь к стону
засыпающей Шух-шух-ги,
цапли сизой длиннопёрой,*

он задумался глубоко
и забыл о пеммикане,
что для трапезы вечерней
принесли ему соседи.
То проведаль пес лукавый,
и, как гнусный Шогодайя,
трус презренный и ничтожный,
он подкрался к пеммикану,
вмиг всё съел обжора гадкий.
Но узнал об этом кацик,
и, схватив свой талагаук,
он убил одним ударом
злого вора Мишенаву.
А потом сплёл пёстрый валпум
про себя и про собаку:
<<В безмятежные дни мира,
дни и радости и счастья
и т. д.>>

(Парнас дыбом, 1927.

Составители: Э.С.П., А.Г.Р., А.М.Ф.)

→ 22 февраля: Парнас, 2

Николай Гумилёв на вопрос преподавателя, почему он так плохо подготовился к экзамену:

— Идти на экзамен, подготовившись к нему, — всё равно, что играть краплёнными картами!

ФЕВРАЛЬ

ФЕВРАЛЬ

1

четверг

Из-за угла внезапных встреч лицо
мелькнёт опять. Ловить его нет смысла:
оно — знак узнавания, не больше,
и незачем в подробности вникать.

Но в памяти моей оно живёт,
нежданно в сон мой безмятежный входит,
глядит, смеётся, подмигнёт — и снова,
едва кивнув, растает в темноте
внезапное лицо из-за угла.

(Евгений Феоктистов)

ФЕВРАЛЬ

2

пятница

В обыкновенной жизни чужак есть человек, отличающийся не характером, не нравом, не понятиями, а странностью своих личных привычек, образа жизни, прихотями, наружным видом и проч. Он одевается, он ест и пьёт, он ходит не так, как другие; он не характер, а исключение. Замечательно, что в простом сословии, близком к природе, редко встречаются чужаки; там все растут, воспитываются, чувствуют, мыслят и действуют, как внушила им природа или пример других; но с образованием начинаются причуды, и чем оно выше у народа, тем чаще и разнообразнее являются чужаки.

В старину <...> было гораздо более людей странных, с резкими особенностями, оригиналов и чужаков всякого

рода, чем теперь. Такое явление понятно: причудливость есть следствие произвольности в жизни, и чем более произвольность господствует в нестройном ещё обществе, тем более она порождает личных аномалий.

*(Михаил Пыляев.
Замечательные чудачки и оригиналы, 1898)*

→ 28 марта: Пыляев, 2

Человек с усами сказал: «Наверное, вам доводилось читать, что есть люди избранные. Ну, и дамы определённого круга носят им угасшие жемчужные ожерелья. Умершие от тоски. Чего-то там излучает их кожа. Ныне принято говорить об энергиях, биополях, других страстях. Не это главное. Они оживляют жемчуг. Вот и я, простите за выпренность сравнения, один из них. Я ношу на своей шее тысячи жемчужин чужих мыслей и тешу себя надеждой, что только в соприкосновении со мной они оживут. Как видите, компромисс между оригинальностью и чем? Интересно, чем же...»

Человек с усами сказал: «Вся культура сводится для меня к умению неназойливо уходить, к умеренному питию вина, неторопливому бритью, к свежей постели и необременительной беседе с женщиной. Если угодно, величайшим достижением культуры я нахожу возможность подниматься засветло, когда безбоязненно можно валяться до вечера. Не возражайте! Боюсь, что для свободного человека слово свобода — пустой звук».

Человек с усами сказал: «О, как легко становится с годами. Необычайна и приятна новизна старости. Вначале волнует, например, искусство, улыбка Джоконды, студенты с топорами, угрюмый тусклый огонь желанья. Потом

волнует плохое искусство, не хочется приводить примеры. Скоро ничто волновать не будет. Бог не волнует. Он не ветер, не движение, а я не вода, не тростник... нда».

Человек с усами сказал: «И не перебивайте. Я буду говорить о смерти, сколько мне захочется, не рискуя повториться. Тема эта не исчерпаема ни трусостью, ни мужеством. Плюнем на оппозицию Танатос-Эрос, а подумаем о смерти как о рыбной ловле или изготовлении лукового супа. Я буду говорить о ней всю свою жизнь, как бы длинна она ни была, как бы ни долго она не тянулась».

Человек с усами сказал: «Я подменил уличную толпу музыкой. Как бы прекрасна она ни была, её всегда много. Даже на репродукциях, в знаках, в пластинках. Её течение шуршит по коже моего слуха, не давая уснуть, как некогда толпа на улицах не позволяла забывать дистанцию между мыслью во мне и её оболочкой, собственной мной».

Человек с усами сказал: «Павел I — личность, глубоко симпатичная мне. Как-то решил не написать о нём пьесу. Хотя, право, стоило бы даже из-за одной фразы, вернее, из-за повода, благодаря которому он расстался с генералом свиты: „Убрать из-за лица, уныние наводящего!“»

Человек с усами сказал: «Я различаю два одиночества. Первое, когда никто не видит тебя. Второе, когда ты сам никого не видишь, не можешь, не хочешь. Невелика разница. Но что-то должно ведь их различать... Я не хочу говорить дальше, ибо предвижу неминуемое суждение. И главное, ничто ничего не объясняет. Слово тождественно себе. С этого необходимо начинать, потому как в противном случае мы обречены на бесплодное блуждание по лабиринту, в котором Минотавр имеет обыкновение обращаться бабочкой».

Человек с усами сказал: «Вчера приобрёл пачку жёлтого чая. Попробуйте, не пожалеете. Правда, никакой он не жёлтый, во всяком случае не желтее чёрного, но коль скоро написано — жёлтый, стало быть — так. Хотя что изменяется от того, приму ли я красный цвет за зелёный или наоборот? Моя головная боль не изменит присущий лишь ей цвет, боярышник во дворе останется того же цвета, в каком он пребывает за границей моего сознания. Можно выдумать любой цвет. Достоверность его не будет вызывать у меня сомнений».

Человек с усами сказал: «У меня, оказывается, кризис идентификации. Не пугайтесь, не чума бубонная. Я просто нервный. Под моими окнами вот уже как два месяца грохочет компрессор. Апрель, мёртвые деревья... Я умираю от насморка и на службе, так и не воспевав какую-то — вот! — красоту чего-то».

Человек с усами сказал: «Я бессмертен и это меня угрожает. Не исключена возможность, что гвардия сдаётся, но не умирает».

Человек с усами сказал: «Я за скульптурное чтение. Завидую слепым. Их пальцы дисциплинируют мысль, надеются её необходимым ожиданием».

Человек с усами сказал: «Забывайте, забывайте, мой милый, всё на свете. Может быть, так нам суждено умереть».

Человек с усами сказал: «Ложь мумифицирует истину, она дубильное вещество, необходимое столь слабому составу, как истина. Какие паноптикумы!»

Человек с усами сказал: «Предчувствия, думается мне, результат обыкновенного нежелания признать случившееся».

Человек с усами сказал: «Я сузил сознание, трюизмы моя страсть. Я понимаю вполне, что не достанет вечности приблизиться хотя бы к одному из них. Всё проходит — я повторяю себе ежедневно, а что толку? Какая печаль в этих словах! Какая печаль от того, что сокровенный смысл их ускользает и будет ускользать без конца, пока жизнь моя не сузится до простейшего вздоха».

Человек с усами сказал: «Не будем притворяться. Никогда черепаха не догонит Ахилла. Никогда. Может быть, Ахиллу черепаха была нужна, может быть, он питал склонность к супам и хотел её съесть, лелея мечту соорудить из панциря музыкальный инструмент, подобно Гермюю. Трудно сказать... Но черепахе, странствующей в небесах и по земле, неведом Ахилл. Поверьте, суп из Ахилла — всего лишь дурная игра ума. И так далее... Зной, дорога, синее солнце, вода...»

(Аркадий Драгомощенко. 1970-е. Отрывки)

→ 4 февраля: Ахилл и черепаха

ФЕВРАЛЬ
4
воскресенье

Антисфен, не в силах опровергнуть рассуждение Зенона о невозможности движения, встал и молча стал ходить, о чём есть у Пушкина: «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. — Другой смолчал и стал пред ним ходить и т.д.»

Быстроногий Ахилл бежит следом за черепахой, от которой его в момент старта отделяет, допустим, 1 стадий. Пока Ахилл пробежит означенный стадий, черепаха какое-то расстояние проползёт. Пока он преодолет это новое расстояние, черепаха снова немного продвинется. Пока он это немного пробежит, она опять чуть-чуть проползёт, и так далее, и так далее, то есть в любой момент их будет разделять какое-то, пусть самое ничтожное расстояние.

А теперь пусть черепаха держит во рту горизонтальный флажок, скажем, длиной в один метр. Его кончик движется в ту

же сторону, что и черепаха, с той же скоростью, в каждый момент обгоняя её на метр. Переформулируем слегка задачу и предложим Ахиллу догнать не черепаху, а кончик флажка. Он его, понятное дело, догнать не сможет (этому мешают соображения Зенона), зато в какой-то момент приблизится к кончику на сколь угодно малое (меньше метра) расстояние — и тем самым черепаху *перегонит*.

Если Зенон заявит, что мы подменили одну задачу другой, что Ахилл не догнал черепаху, а перегнал её, и к тому же черепаха из его апории была *без флажка*, с этим нетрудно справиться: перегнав черепаху, но так и не догнав кончик флажка, Ахилл должен остановиться, отобрать у неё злополучный флажок и дожидаться, когда черепаха сама его догонит: сначала головой, затем — не отступая от смысла понятия «догнать» — хвостом, который Ахиллу останется только схватить: «Догнал!»

Языковой материал непременно влияет на характер передаваемого сообщения. Он вмешивается в его дефинитивные формы пассивно (тем, что сопротивляется или способствует наиболее естественному для данного материала выражению) и активно (тем, что с помощью языковых и иных ассоциаций привлекает в текст новые элементы содержания, которых не было в составе идейной концепции подлинника и которые не могли бы из неё самостоятельно вырасти).

Активным участником язык выступает лишь изредка. Например, необходимость рифмовки приводит к появлению в стихах семантических единиц, которые не мог бы включить в свои стихи поэт, пишущий на другом языке. Распространённая чешская рифма *láska — páska* (любовь — лента) внушает поэту уже самим своим существованием в языке мотив любви как связи, союза; итальянская *amore — cuore* (любовь — сердце) по той же фонетической близости усиливает мотив сердца как символа любви; английская часто встречающаяся рифма *love — dove* (лю-

бовь — голубь) уводит, скорее, в область голубино-го воркования, так же как рифма-клише *womb — tomb* (лоно — могила) подкрепляет распространённый мотив антитезы: рождение — смерть. Часто язык уже своими структурными особенностями создаёт особо благоприятные условия для некоторых типов художественных средств. Так, в английском богатство омонимов и синонимов, естественное для языка преимущественно односложного, чрезвычайно благоприятствует приёму игры слов. <...> Основные черты языковой системы могут благоприятствовать не только укоре-нению отдельных стилистических средств, но и развитию целых литературных направлений.

(Иржи Левый. Искусство перевода, 1973)

Джеймс Лафлин

ФЕВРАЛЬ

6

вторник

Любое суждение о Джеймсе Лафлине следует начинать со Списка: перечня, повергающего в немоту изумления в целом и ошеломляющего частностями. Он был издателем — и почти всегда первым издателем в Соединённых Штатах — Аполлинера, Джуны Барнс, Бобровского, Борхеса, Пола Боулза, Брехта, Камю, Селина, Сандрара, Шара, Кокто, Дальберга, Даррелла, Элюара, Эндо, Гарсиа Лорки, Гессе, Уидобро, Жарри, Джойса, Кафки, Лотреамона, Мертонна, Мишо, Генри Миллера, Мисимы, Монтале, Набокова, Неруды, Пастернака, Октавио Паса, Кено, Мандельштама, Раджи Рао, Реверди, Рильке, Сартра, Сюпервьеля, Дилана Томаса, Унгаретти, Валери, Витторини, Натаниэла Уэста и Теннесси Уильямса (говоря лишь о мёртвых).

Теперь это мнится невероятным, но в пору, когда они были полузабыты, он вернул читателю имена Генри Джеймса, Ф. Скотта Фицджеральда, Ивлина Во, Уильяма Фолкнера. На протяжении десятилетий лишь он один переиздавал Бодлера и Рембо.

И его издательство «New Directions» было и продолжает быть Узловой Станцией англоязычной поэзии авангарда: Паунд, Уильям К. Уильямс, Х. Д. Рексрот, Пэтчен, Оппен, Резникофф, Олсон, Данкен, Крили, Снайдер, Левертов, Бронк, МакКлюр, Ротенберг, Энтин, Собин, Палмер, Гандер, Розмари Уолдроп, Сьюзен Хау и так далее. Лафлин был более чем величайший американский издатель XX века, — его издательство собственно и было XX веком.

У каждого писателя есть своя история «обращения», легенда о *«книге, благодаря которой я захотел стать писателем»*, — так вот, едва ли не каждый известный мне писатель обязан своему желанию книгам, изданным Лафлином. Лично я принадлежу к последнему поколению, успевшему повзрослеть накануне того, как поток перепроизводства захлестнул всё на свете, но в юности я уже безошибочно узнавал на полках книжных магазинов чёрно-белые обложки ND. Я покупал их наобум, понимая, что, если они изданы Лафлином, они чего-то стоят, их надлежит читать, — последнюю вещь из Храма Модерна, места, где жизнь обрела настоящее.

Успех Лафлина обычно объясняют его состоянием, что, вне сомнения, является только частью этой истории. Конечно, он был наследником стальной фортуны. Огромные вывески Jones & Laughlin царили в своё время над Питтсбургом. Несколько лет назад в своём интервью он сказал, что после окончания Гарварда в 1936 году отец на «первые шаги в жизни» выделил ему \$100 000. (К слову сказать, мои родители, будучи на несколько лет старше Лафлина, рассказывали, что в 1936 году годовой доход среднего класса исчислялся приблизительно в \$2000.) Молодой Лафлин был высок ростом, красив, атлетически сложен и необыкновенно богат. Стать плеейбом не составляло ему труда. В действительности он таковым и стал, но плеейбом, одержимым литературой.

При этом нужно учитывать среду, в которой вращался Лафлин. Стальные бароны Питтсбурга: Меллоны, Карнеги,

Фрики. Будучи шотландскими пресвитерианцами, они считали каждый пенни и тратили миллионы. Их философия была сформулирована в книге Эндрю Карнеги «Стратегия богатства» («The Gospel of Wealth»), являя собой смесь патернализма и благотворительности. Богатство должно служить не личному удовольствию, но его же сохранению и распределению среди тех, кто в силу нравственных качеств и ума того заслуживал. С другой стороны, они могли быть по-настоящему беспощадными, стоило их метафорическим действиям выказать строптивость, проявляя заботу об интересах бастовавших рабочих или обличая убийства профсоюзных лидеров.

Между тем, и это хорошо известно, Лафлину в своей жизни не доводилось платить за убийство кого бы то ни было, даже книжных обозревателей, просто по той причине, что он посвятил себя прекрасному делу. Лишь немногие из подобных ему наследников рискнули заняться издательской деятельностью, однако после нескольких лет одни из них свернули дела, другие занялись коммерческими проектами, — обычно деньги тратятся на богатство.

Лафлин же не только посвятил жизнь беззаветному служению книге, кроме прочего, он даже не назвал издательство собственным именем, удовольствовавшись мелко набранной строкой несколько странного содержания на страницах выходных данных в каждом издании: «*Книги New Directions* изданы для Джеймса Лафлина»; именно — «для». Лёгкий кивок в сторону Эндрю Карнеги.

Стоит отметить, что богатство могло бы завести Лафлина в тупик банальности, однако он избежал этой участи не только в силу явной литературной интуиции, но и чутья «нового», знания европейских языков, ныне исчезнувшего в среде американских издателей, — равно как и неиссякаемой готовности в поисках новых имен прислушиваться к писателям, а отнюдь не к критикам, обозревателям, аген-

там и сплетникам. Ещё в начальной школе учитель Лафлина Дадли Фиттс познакомил его с Паундом, который привёл его к Уильяму К. Уильямсу, который привёл его к Наталиэлу Уэсту. Паунд привел Лафлина к Генри Миллеру, который привел к «Сиддхартхе» Германа Гессе, литературному блокбастеру тех дней. Уильямс привёл к Рексроту, который привёл к Снайдеру, который привел к Бэй Дао. Эдит Ситуэлл — к Дилану Томасу; Элиот — к Джуне Барнс; Теннесси — к Полу Боулзу.

Более того, Лафлин истово веровал в «традицию» не в качестве канона, утверждаемого ископаемыми университетами перед лицом эпохи «безвременья», но в паундовском понимании, как повторное открытие, новое прочтение, пере-из-обретение западной и восточной литератур. Идея (отчасти размытая постмодернизмом и выглядящая сегодня вполне старомодной) состояла в том, что «классику» должен читать каждый интеллигентный человек, а чтобы *быть* интеллигентным человеком — необходимо читать классику.

Но что может быть построено на этом фундаменте Прошлого (точнее, нового Прошлого), где публикуются новые классики или, как часто говорил Лафлин, «хорошая литература»? И что, меж тем, не означает просто хорошие книги, — не так давно каждый издатель был уверен, что за свою жизнь он опубликовал хотя бы несколько стоящих книг. Речь идёт о книгах, выдержавших испытание временем, книгах, оказавших влияние на поколения, подобно книгам прошлого, — их необходимо было прочесть.

Предисловия, которые Лафлин писал для первых антологий «New Directions», подобны флагам, выброшенным на баррикадах. Но, в отличие от иных революционеров, он не питал иллюзий по части немедленных результатов. Следуя Паунду, он верил — для признания писателя требуется, по меньшей мере, двадцать лет (сегодня на это ухо-

дит либо двадцать минут, либо полвека). Потому, в отличие от других издателей, обращавшихся со своими «именами», как со свежей рыбой, он почти все свои книги перепечатывал десятилетиями. Это также было частью стратегии капитализма XIX века, уже забытая в наши дни концепция долгосрочных инвестиций — и она в итоге принесла свои плоды.

Однажды Эзра Паунд сказал 20-летнему Джеймсу Лафлину, что из него не выйдет поэта и потому он должен найти для себя какое-нибудь полезное дело, например, издательское. Известный своим необыкновенным талантом открывать молодых писателей, Паунд был в этом случае настолько неправ, что дал повод усомниться в собственной искренности. Лафлин продолжал писать, но держал это под спудом всю оставшуюся жизнь. Лишь в последние годы он стал открывать закрома и понемногу публиковать стихи, мемуары, эссе, прозу.

В поэзии он развил манеру разговорной речи, почерпнутую из древнегреческой поэзии, Уильямса и Рексрота. Тем не менее, случались у Лафлина и собственные находки, в частности, трёхстопный стих, каждый последующий из которых не мог быть длиннее или короче предыдущего, кроме как на один знак. Подобное ограничение сыграло свою роль. Наряду с Рексротом он писал длинные повествовательные поэмы. Будучи, по сути, чистейшей поэзией, они читались как проза. А следуя греческим, латинским и санскритским наставникам, он создал, возможно, единственную в своём роде эротическую американскую лирику. Любопытно, что в американской поэзии самая замечательная гетеросексуальная эротическая поэзия была написана мужчиной и женщиной в преклонном возрасте...

Прозаический же стиль Лафлина являет странную и увлекательную смесь тончайшей эрудиции и повседневного языка, джойсовского пристрастия к каламбуру и диа-

логов эксцентричных комедий 1930-х — этой жаргонной скороговорки клоунов в смокингах. Примечателен также и слог его критических замечаний, особенно сегодня, когда язык критики более подходит астрофизике.

Лафлин был последним ветераном «революции слова», человеком не только принимавшем в ней участие, но и лично знавшим корифеев модернизма. Он менял проколотые шины Гертруде Стайн, он опознал Дилана Томаса в морге, переслал балетные туфли жене Селина после войны, Лафлина спас от падения со скалы сачок Набокова, он оплачивал Делмору Шварцу психоаналитика, а Паунду — адвоката, похищал Мертона из монастыря, чтобы напиться с ним, путешествовал на мулах с Рексротом, пил чай с Элиотом.

Он прожил от Первой мировой войны до Первой Мировой Сети, — восемьдесят непомерных лет, которые хотел бы прожить каждый писатель. Примечателен также и слог его критических замечаний, особенно сегодня, когда язык критики более подходит астрофизике.

Он стеснялся своего роста, внезапно исчезал на построенном им высокогорном курорте, чтобы покататься на лыжах, он был одержим идеей призрачных двойников. Его манеры отдаленно напоминали поведение Джорджа Буша, его библиотека была воплощением хаоса (он прочел её всю).

Он питал странную страсть к Индии, был атлетом и ипохондриком, он послал Клинтону — которого называл Смайлик — паундовскую «Азбуку экономики» в качестве инаугурационного подарка, он был гедонистом и меланхоликом, на него непрестанно жаловались и те, кого он публиковал, и те, к кому он не снисходил; на его лужайке в Коннектикуте паслись овцы.

(Элиот Уайнбергер. Джеймс Лафлин // Бумажные тигры, СПб., 2007)

Букер

ФЕВРАЛЬ

7

среда

В декабре 2000-го года Кирилл подарил нам симпатичную серую крыску; через несколько дней объявляли лауреата премии «Русский Букер», и я, недолго думая, назвал зверька Букером, тем более что крысиная страсть к книгам (она объедала у Кирилла корешки старинных книг, проклеенных хлебным клейстером, а к нашим современным, на синтетическом ПВА, пищевого интереса не проявляла, да и стояли они высоко, не добратья) послужила одной из причин перемещения Букера из антикварного рая в синтетический лимб. Очень симпатичная крыса, за вычетом разве что «мерзкого голого хвоста», к которому мы с Ликой, впрочем, вскоре привыкли; неправдоподобно умная и добрая, к тому же аккуратистка: устроила себе туалет под сервантом, в других местах — ни крошки, ни пятнышка.

Ко мне Букер быстро привязался, любил забираться на плечо и мирно сидеть там, свесив хвост; если же я лежал с редактурой на диване, устраивался на грудь или живот. Когда Букер умер (сказать «сдох» язык не поворачивается), мы торжественно уложили его в картонный саркофаг, упаковали в пластиковый пакет и зарыли на берегу Оккервиля близ Яблоновского моста — всё, что осталось от бывлой деревни Яблоновки.

В конце года мы с Букером серьёзно (в первый и последний раз в жизни!) поссорились, обстоятельства ссоры случились неординарные. Я с гелиевой ручкой и распечаткой «Раскрашенной птицы» Ежи Косинского лежу на диване в рабоче-редакторской позе, Букер дремлет у меня на животе, ничто не предвещает скандала, пока я не добираюсь в распечатке до жуткого места, где семилетний alter ego Косинского, еврейский мальчик, скрывающийся в польской глубинке от немцев, находит в лесу военный бункер, забирается на его крышу и, откинув крышку люка, обнаруживает, что тот буквально кишит крысами... На следующий день

добрый мальчик приводит к бункеру своего зловредного хозяина-поляка, собирающегося то ли убить его, то ли сдать немцам, хитростью умудряется столкнуть злодея в бункер и захлопнуть за ним крышку. Теперь внимание: ровно-ровно в момент экзекуции хозяина я ощутил на животе движение и, откинув в сторону листы, глянул на Букера. Только и успел: Бог мой (правильнее: чёрт возьми!), чёрные глазки крысёныща застилает алое пламя, он в один прыжок достигает моего лица и впивается своими острыми зубами в нос! Боль, крик, кровь, я с силой колочу Букера по его дурьей башке, он летит с дивана под сервант, где и просидит ближайшие два дня безвылазно, то ли раскаиваясь в своём подлом поступке, то ли продолжая в тёмном одиночестве винить меня за неподобающее чтение и оставляя без внимания мои колбасные подачи. На третий день всё-таки выбрался и с понурым видом направился, шельма, ко мне виниться.

Известно, что в бассейне Амазонки туземцы, стреляя из лука, целятся не одним, а двумя глазами, направляя их искоса вдоль стрелы. Таким образом взгляды каждого из глаз скользят не параллельно, а сливаются в один сдвоенный взгляд. Между тем так они только целятся. Что касается меткости, то они никогда не промахиваются и считают, что не стрела попадает в цель, а наоборот — цель насаживается на стрелу.

Было бы разумным пожелать, чтобы и литература поступала точно так же. Было бы разумным пожелать такой литературы, которая каждой фразой борется за своего читателя. И не за одного, а за двух сразу. Одной фразой — за обоих. За того, что живёт сейчас, и того, что будет жить завтра. Мы могли бы пожелать литературы с таким девизом: кто прочитал одно предложение, не может не прочесть следующего.

Именно поэтому истории с живыми людьми, породившие разнообразные комментарии и в большинстве своём собранные в этой книге, остаются загадкой для писателя. Конечно, попасть в кого-то в настоящем времени из времени прошедшего, как делают некоторые из этих историй, значит обладать большим, чем другие, разбегом. Для чего, впрочем, необходимо иметь хорошее дыхание. Но что будет с рассказами о живых людях, когда их уже не будет в живых? Рассказ «Конница», написанный для живого Зорана Мишича, теперь, когда Мишича нет, предлагает ответ, который автор этих строк до сих пор не в состоянии прочитать. Для одного или для обоих читателей эти истории с живыми людьми? Прицелился ли писатель обоими глазами или только одним? Предоставим судить читателю, причем завтрашнему...

Что касается меня, то я бы обратил внимание на то, что в этой книге есть два совершенно самостоятельных рассказа, пребывающих между собой, как сказал бы один любимый мною писатель, «в тайной связи». На вопрос, поставленный в одном, имеется ответ в другом, а прочитанные вместе они создают третью историю, которую можно воспринять и как автобиографию писателя в женском лице. Разумеется, это ни в коем случае не мешает понимать и читать каждую из историй отдельно, как их и прочтёт большинство читателей. Тем же, кто захочет найти в книге обе истории и соединить их, писатель поможет настолько, что откроет — один из рассказов называется «Варшавский угол», а вопрос, поставленный в другом, гласит: «И кто-то сейчас забирает у меня мои воспоминания и присваивает себе?» Зная название одного, второй читатель найдут сами и таким образом получают третью историю. Эту двадцатую историю в сборнике из девятнадцати рассказов писатель дарит счастливому исследователю. Издатель не платил за неё автору гонорар, не оплачивал бумагу, а для покупателей её стоимость не включена в цену книги. Она получена

благодаря тому, что, целясь в свою добычу, писатель не замурировал один глаз. Он открыл оба и попытался левым смотреть через правый, как делают туземцы в бассейне Амазонки, когда стреляют из лука.

А теперь вместо писателя — пожалуйста, попадает или промахивается читатель.

*(Милорад Павич. Послесловие //
Русская борзая, СПб., 2001)*

Молодая девушка родила ребёнка вне брака и, желая скрыть свой позор, назвала отцом жившего в горах монаха.

Родители девушки отнесли малыша монаху и вручили ему со словами: «Это твой ребёнок, заботься о нём сам!»

«Хорошо», — сказал монах и взял малыша.

Через год отыскался настоящий отец, он женился на девушке, и молодожёны немедленно отправились к монаху.

«Это наш малыш, верни его нам», — сказали они.

«Хорошо», — сказал монах, возвращая ребёнка.

(Дзенская притча)

В середине тридцатых годов, во время генеральных репетиций кровавых мистерий тридцать седьмого, я успел пройти через круги двух следствий и последующих отсидок в Соловецком лагере. Теперь, находясь на пороге третьего срока, я всем существом, кожей ощущал полную безнаказанность насилия. И если до этого внезапного озарения — или помрачения? — обрубившего крылья надежде, я со страстью, усиленной гонениями, прибегал к тайной утеш-

ной молитве, упрямо держался за веру отцов и бывал жертвенно настроен, то после него мне сделалось невозможным даже заставить себя перекреститься... И уже отторженными от меня вспоминались тайные службы, совершавшиеся в Соловецком лагере погибшим позже священником.

То был период, когда духовных лиц обряжали в лагерные бушлаты, насильно стригли и брили. За отправление любых треб их расстреливали. Для мирян, прибегнувших к помощи религии, введено было удлинение срока — пятилетний «довесок». И всё же отец Иоанн, уже не прежний благообразный священник в рясе и с бородкой, а сутулый, немощный и униженный арестант в грязном, залатанном обмундировании, с безобразно укороченными волосами — его стригли и брили связанным, — изредка ухитрялся выбраться за зону: кто-то добывал ему пропуск через ворота монастырской ограды. И уходил в лес.

Там, на небольшой полянке, укрытой молодыми соснами, собиралась кучка верующих. Приносились хранившиеся с великой опаской у надёжных и бесстрашных людей антиминос и необходимая для службы утварь. Отец Иоанн надевал епитрахиль и фелонь, мятую и вытертую, и начинал вполголоса. Возгласы и тихое пение нашего робкого хора уносились к пустому северному небу; их поглощала обступившая мшарину чаща...

Страшно было попасть в засаду, мерещились выскакивающие из-за деревьев вохровцы — и мы стремились уйти всеми помыслами к горным заступникам. И, бывало, удавалось отрешиться от гнетущих забот. Тогда сердце наполнилось благостным миром и в каждом человеке прозревался «брат во Христе». Отрадные, просветлённые минуты! В любви и вере виделось оружие против раздирающей людей ненависти. И воскресали знакомые с детства легенды о первых веках христианства.

Чудилась некая связь между этой вот горсткой затравленных, с верой и надеждой внимающих каждому слову от-

ца Иоанна зэков и святыми и мучениками, порождёнными гонениями. Может, и две тысячи лет назад апостолы, таким же слабым и простуженным голосом вселяли мужество и надежду в обречённых, напуганных ропотом толпы на скамьях цирка и рёвом хищников в вивариях, каким сейчас так просто и душевно напутствует нас, подходящих к кресту, этот гонимый русский попик. Скромный, безвестный и великий...

Мы расходились по одному, чтобы не привлечь внимания.

Трёхъярусные нары под гулками сводами разорённого собора, забитые разношёрстным людом, меченым страхом, готовым на всё, чтобы выжить, со своими распрями, лютостью, руганью и убожеством, очень скоро поглощали видение обращённой в храм болотистой поляны, чистое, как сказание о православных святителях. Но о них не забылось...

Ведь не обмирщившаяся церковь одолевала зло, а простые слова любви и прощения, евангельские заветы, отвечавшие, казалось, извечной тяге людей к добру и справедливости. Если и оспаривалось в разные времена право церкви на власть в мире и преследование инакомыслия, то никакие государственные установления, социальные реформы и теории никогда не посягали на изначальные христианские добродетели. Религия и духовенство отменялись и распинались — евангельские истины оставались неколебимыми. Вот почему так ошеломляли и пугали открыто провозглашённые принципы пролетарской «морали», отвергавшие безотносительные понятия любви и добра.

Над просторами России с её церквами и колокольнями, из века в век напоминавшими сиянием крестов и голосами колоколов о высоких духовных истинах, звавшими «воздеть очи горе» и думать о душе, о добрых делах, будившими в самых заскоружлых сердцах голос совести, свире-

по и беспощадно разыгрывались ветры, разносившие семена жестокости, отвращавшие от духовных исканий и требовавшие отречения от христианской морали, от отцов своих и традиций.

Проповедовались классовая ненависть и непреклонность. Поощрялись донос и предательство. Высмеивались «добренские». Были поставлены вне закона терпимость к чужим мнениям, человеческое сочувствие и мягкосердечие. Началось погружение в пучину бездуховности, подтачивание и разрушение нравственных устоев общества. Их должны были заменить нормы и законы классовой борьбы, открывшие путь человеконенавистническим теориям, породившим фашизм, плевелы зоологического национализма, расистские лозунги, залившие кровью страницы истории XX века.

Как немного понадобилось лет, чтобы искоренить в людях привычку или потребность взглядывать на небо, истребить или убрать с дороги правдоискателей, чтобы обратить Россию в духовную пустыню! Крепчайший новый порядок основался прочно — на страхе и демагогических лозунгах, на реальных привилегиях и благах для восторжествовавших и янычар. Поэты и писатели, музыканты, художники, академики требовали смертной казни для людей, названных властью «врагами народа». Им вторили послушные хоры общих собраний. И несло по стране: «Распни его, распни!» Потому что каждый должен был стать соучастником расправы или её жертвой.

Совесь и представление о грехе и греховности сделались отжившими понятиями. Нормы морали заменили милиционеры. Стали жить под заманивающими лживыми вывесками. И привыкли к ним. Даже полюбили. Настолько, что смутьянами и врагами почитаются те, кто, стремясь к истине, взывает к сердцу и разуму, смущая тем придавивший страну стойловый покой.

И когда я в середине пятидесятых годов — почти через тридцать лет! — вернулся из заключения, оказалось, люди уже забыли, что можно жить иначе, что они «гомо сапиенс» — человек рассуждающий...

(Олег Волков. Погружение во тьму)

Окно

1

Илья Ильич Витюнин, собственно, и не заметил, как превратился из господина Витюнина в товарища Витюнина.

Он медленно, но упорно восходил по стержневой лестничке банковских счетов: сперва ему доверяли отщёлкивать на стержне копейки и рубли — после он был допущен к сотням и тысячам — и наконец вошёл в миллионы. Дальше над счётной рамой верхняя планка счётов, а над карьерой господина-товарища Витюнина низкий, высотой в дверцу собачьей конуры, выгиб кассового окошечка, а над окошечком пять вразумительных чёрных букв: КАССА.

Витюнин созерцал мир сквозь своё кассовое окошечко в течение двадцати девяти лет и четырёх месяцев. До пенсии не хватало какой-то горсти недель. Но в глазах Витюнина, пересмотревших миллионы пятёрок, десятков, трехрублёвых жёлтых мельков, завелась жёлтая вода. Два-три просчёта, затем — комиссия, затем — довременное освобождение с пенсией и премиальными.

Ещё года за два до расставания с перещупом кредиток Витюнин записался в коопстрой. Коопстрой — в ответ на аккуратные взносы — предоставил ему комнату на седьмом этаже нового, в мокрой белой извёстке коопдома.

Пенсионер переехал на свое доживальное жилище.

2

В начале мысли Витюнина были заняты заполнением стен и кубатуры жилья. Стены удалось задобрить географическими картами, приобретёнными на Кузнецком, и двумя-тремя ахровскими полихромками. Кубатура была жаднее: пришлось месячную полупенсию ухлопать на кровать, скрипящую, как совесть.

Но всё это мало раздражало экс-кассира Витюнина. Единственное, что топорщило против шерсти его нервы — окно. Широкое шестифраужное итальянское окно. Он привык — тридцать лет кряду — жить под узким и низким кассооконцевым вздутьем, а тут вдруг широко разведший углы стеклянный пруд окна, впускающий беспорядок солнечных лучей.

Весь день Витюнин проводил, стараясь повернуть окну спину. Глаза его искали теней и тупоуглия. Ночью его беспокоили странные лунные сны. Ему снилось, будто сквозь него, точно сквозь пальцы, просучивают синие лунные нити. Он просыпался от безощущения своего тела и видел за прозрачной плёнкой широкого окна либо лунные вливы, либо лунно-синие лучи уличных фонарей. Окно ворочало его с боку на бок, будило ранее пробуждения дня, а днём не давало отдыха и рассредоточивало мысль.

3

Витюнин посоветовался с тридцатью годами кассо-оконцевой жизни, и годы ему нашептали совет. Витюнин позвал стекольщика и столяра. Рабочие, выслушав заказ, почесали правыми пядями в макушках и попросили на водку.

Заказчик дал. После этого работа показалась менее странной её исполнителям, и они ушли с добродушным: «Ну, что ж».

Через трое суток на место выставленной итальянской рамы было вставлено — под пристук молотков и топоров — новое, несколько необычно окнообразное нечто. Вся верхняя часть оконной плоскости была затянута рас-

фрамуженным диктом; только внизу, у подоконничьего ската, выгибалось маленькое оконце под застеклённой створой; над оконцем снаружи чёткой чернью проступали буквы: КАССА, изнутри же, готовая опуститься по первому движению пальца, желтела закассовая дощечка.

Рабочие направили раму, получили чаевые и ушли. Это была первая ночь, когда кассир спал неразрывным сном. К утру он встал — за час до служебного срока — попил чайку, оделся в такое, чтоб перед людьми не стыдно, и ровно в 9.15 приоткрыл жёлтую заслонку оконца. Утренние дождевые капли весело стучали в кассовое стекло. Воробьи чиркали, гомонясь на жести подоконника.

Кассир, благодушно щуря веки, ждал, привычно глуша ладонью привычную утреннюю зевоту, очередного вкладчика или получателя.

И с этого утра дни его вправились в дни, как вывихнутые вертлуги в костяные чашки.

4

Это было перед вечером. Солнце спряталось за завеси туч, отказываясь показать закат. Над улицами моросило мелкой дождевой пылью.

Двое шли, держась у мокрой стены. Их единила спиртовая мокрель, дождившая сейчас в их капиллярах.

— Послушай, — сказал один, подняв глаза к седьмому этажу и щуря их, — что это там вверху, вроде пчелиной летки, а сверху какие-то знаки? Пенсне у меня не помню где, да и задождит стекла.

Второй, подняв голову, долго всматривался в освещённое — над тёмным ещё не разжёгшим огней домом — окно:

— Касса. Что за чёрт! Касса. А о чём касса, для чего, для кого?

— Гм, и заметь, весь дом без огней, а она как Касс — иопея, созвездием обронённая.

— Да, до седьмого. И без пожарной лестницы до неё, до полочки, никак.

— Никак. И только свету, что в окне... кассы, Кассиопеи. Пойдём выпьем.

— Дождина проклятый. Пойдём вдождим. Ужо подожди.

Узкой жёлтой щелью поднятое над сумерками улиц оконце продолжало маячить навстречу медленно всасывающейся в воздух чёрной ночи.

1933

(Сигизмунд Кржижановский. Окно // Воспоминания о будущем, М., 1989)

Классификатор занятий

ФЕВРАЛЬ

12

понедельник

Аппаратчик мокрой классификации

Арматурищик язычковых инструментов

Артист ритуальных услуг

Бригадир двора изложницы

Варщик шудного лоскута

Вздымщик

Вивщик колец

Выбивальщик мягкой тары

Выгребальщик костров

Главный обогатитель

Делильщик кружев

Демонстратор пластических поз

Завивальщик спиралей

Заготовщик черни

Загрузчик мелющих тел

Заливщик голосовых планок

Инженер-лесопатолог

Инспектор по контролю за исполнением поручений

Испытатель бумажных мешков

Комиссар аварийный

Круговоротчик

Лакировщик глобусов
Мойщик мокрых отходов
Монтажник позитива
Монтировщик скелетов мелких животных
Навивальщик основ
Насадчик манжет
Обкатчик клюквы
Обрезчик анатомического материала
Оператор джинного оборудования
Подборщик расцветок искусственных зубов
Порционист лао-ча
Прокатчик шаров
Разводчик халяв
Раздирщик пакетов
Разметчик хлыстов
Регулировщик хвостового хозяйства
Резчик на огне
Сестра медицинская диетическая
Сливищик-разливищик
Составитель описи объектов населённых пунктов
Сушильщик дощечек
Установщик художественных произведений
Чистильщик лица голья
Штамповщик ножек

(Из «Общероссийского классификатора занятий»
ОК 010–93)

Не ведаешь, кто ты

Себя я не познал в познании своём,
Кто я? Ни тварь, ни вещь, ни круг, ни точка в нём.

Духовная Мария

Чтоб богородцем быть, Марией нужно стати,
Коль Бог сподобит тя превечной благодати.

Земное — горнее

Меж горним и земным не проводи черты,
Что Бог соединил, не разделяй и ты.

Стань богородцем сам

Пусть дева тыщу раз рождает Бога Слово,
Спасёт тебя Оно, в тебе родившись снова.

Аз есмь для Бога печь

Бог для меня — огонь, аз есмь для Бога — печь,
Чтоб было, где дрова моей гордыни жечь.

Каждый — в своей стихии

Для рыбы дом — ручей, для камня — мягкий мох,
Для птицы — облака, а для меня — сам Бог.

Христос

О чудо! Сам Христос — и пастырь, и овца,
Коль Бог Его во мне рождает без конца.

Христианин есть храм

Так кто же — камень я? Иль храм на камне сём?
Я Богу должен стать и жертвой, и жрецом.

Бог — всё, что я хочу

Бог — посох мой и цель, мой свет, игра, стезя,
Мой сын, отец и брат — всего назвать нельзя.

Творить и созерцать — для Бога наравне

Творить иль созерцать — что Бог тебе велит?
А ты гляди, как Он — и мыслит, и творит.

(Ангел Силезский. Херувимский странник, СПб., 1999)

→ 11 мая: Ангел Силезский, 2

Груздь-елдык

Зырянский *ельдёк* (груздь) бросает определённый свет на русское слово *елдык/елда* (= дрон) и позволяет перевести при словье «Назвался груздем — полезай в кузов» на фрейдовы рельсы: «Назвался елдой — полезай в кунку». Но почему груздь? Естественнее было бы обобщённое «Назвался грибом, полезай в кузов» или упоминание гриба, более похожего на дрон, чем груздь, — тот же белый, обабок или маслёнок. Ну, скажем: «Назвался обабком — полезай в бабку». С другой стороны, груздь мог считаться у зырян самым *ценным* грибом, и по этой причине его название перенесли на дрон: *елдык*. «Откус» от грибного слова *дык* «митьки» использовали как междометие.

ФЕВРАЛЬ

14

среда

Конец 90-х годов, под окнами нашего дома на Малой Охте ежедневно, неправдоподобно согнувшись к земле, ковыляет старик-инвалид, медленно, словно черепаха, возвращается, опять назад, туда и обратно, снова и снова. Я не удержался, спустился во двор знакомиться: престарелый Лонгин Филиппович (лет девяносто, если не больше), поляк с редким именем и нелёгкой лагерной судьбой, сопротивляется ежедневным многочасовым моционом болезни и старости.

ФЕВРАЛЬ

15

четверг

Дорогой коллега и друг!

В 1989 году Вы ожидали получить по почте наш журнал «Новые языки в искусстве». К сожалению, известные «бумажно-денежные» трудности приостановили его издание. Лишь сейчас появилась возможность выпускать этот журнал в расширенном художественном варианте под названием «Лабиринт/Эксцентр» (издательская база в Екатеринбурге) периодичностью 4 номера в год. Фактически все авторы, анонсированные в «Новых языках», остаются авторами «Лабиринт/Эксцентра».

С Вашего позволения, мы начинаем высылать Вам очередные номера «Л/Э». Если по каким-то причинам Вы не хотите

ФЕВРАЛЬ

16

пятница

или не можете быть получателем «Л/Э», просьба сообщить нам об этом письменно по адресу:

195257 Санкт-Петербург, ул. Вавиловых 4-1-432.

С уважением, редакторы А. Горнон, Б. Останин

→ 21 февраля: «Лабиринт/Эксцентр» № 4 и № 5, содержание

О свободе в поэзии

Свобода милая, куда ты поведёшь?

ФЕВРАЛЬ

17

суббота

Поэтическую свободу, о которой будет говориться в статье, трудно определить. Для её понимания не нужно читать Бердяева или Бакунина; не помогут и словари: Вебстер с десятью определениями, Ушаков с четырьмя или Большая Советская Энциклопедия с одним («свобода есть сознательный выбор человеком из ряда возможных направлений в его мыслях и поступках какого-либо одного направления»). Свобода эта есть некое качество в поэзии (или в ином искусстве), которое нетрудно ощутить и которое, в общем, любителями поэзии ценится; однако оно редко обсуждается и не всегда восхищает таких любителей. Качество это в достаточной степени уникально и уже потому ценно и годится в идеалы для определённого вкуса или критического направления, но его присутствие не обязательно ставит поэта выше других, таким качеством не обладающих. Есть и другие идеалы: силы, красоты, законченности — пожалуй, более популярные в тех или иных кругах. Свобода, о которой мы говорим, может проявляться по-разному: в непринужденности, лёгкости полета, несвязанности «вечными» истинами (например, такой, как «поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке»), но все эти свойства не исчерпывают понятия поэтической свободы.

Так как прямое описание затруднительно, можно попробовать демонстрацию от противоположного. Например, свобода обратна силе, хотя она и может ей сопричастствовать. У Пушкина, свободнейшего поэта в мире, сила нередко проявляется посреди свободы. У Лермонтова же сила в постоянном конфликте со свободой. Державин, поэт свободный в некоторых аспектах, поэт, которому знакомы «полёты», — в целом не годится в наше «избранное общество»: слишком грузно ступает он по земле, а когда летит, и летит высоко, то сохраняет тяжесть; это полёт, если мне простят слишком современное сравнение, ракетных снарядов «Титан» или «Атлас». Есть лёгкость полета в некоторых стихах Есенина, но у него зато не хватает высоты.

Другое качество не только противоречит поэтической свободе, но и просто исключает её: внутренний трагизм. Свободный поэт знает о трагедии, но сам он в глубине не трагичен. Вот ещё почему ни Лермонтов, ни Есенин не подошли бы. Не подходят и надорванный Некрасов или Блок, несмотря на всё своё широкое дыхание. У трагического поэта не может быть свободы. Здесь уместно повторить, что несвобода — не дефект и несколько не снижает ценности поэзии (а в глазах многих и повышает, если взглянуть на список дисквалифицированных).

Сказанное можно продемонстрировать на трёх цитатах. Пушкин легко и просто констатирует: «На свете... есть покой и воля»; Лермонтов страстно мечтает: «Я ищущу свободы и покоя»; а Блок уже истошно кричит вслед степной кобылице: «Покоя нет!»

Итак, ни слишком земные и цельные, ни люди с трещиной в душе — не поэты свободы; при свободе нет стиснутых зубов или взламываемых дверей. Но нет и парнасски-акмеистской отделки и нормы. В свободном поэте должно быть что-то от Ариэля.

Для пущей ясности можно обратиться к другим искусствам. Ни Бетховен, ни Брамс, ни Вагнер не подходят, но

легко может быть принят Шуберт и, без всяких разговоров, Моцарт. В живописи есть свобода у Ватто, у Пауля Клее, но нет у Микеланджело и Пикассо (берем первые подвернувшиеся имена).

Вряд ли все эти предварительные рассуждения прояснили проблему, но кое-что вырисовывается. Прочитавшему эту страницу должно быть понятно, что наша свобода не имеет метафизических обертонов, что это не вольность Радищева и вообще не бунтарская взрывчатость. На примерах всё станет яснее. Пожалуй, лучшие образцы свободы в русской поэзии можно найти у Пушкина, Фета и Кузмина.

<...>

* * *

Можно продолжать заниматься поисками «свободных» поэтов, можно даже превратить это в салонную игру. Целью этой статьи было лишь наметить тему и дать несколько примеров, используя их для похвалы и, где нужно, для реабилитации. Можно добавить имён. Знал, например, об этой свободе Жуковский. На ней, а не на «тяжести недоброй» строил Мандельштам. Пришёл к ней (особенно это ясно в конце его творческого пути) ученик Кузмина Хлебников, которого несвязанность литературным каноном не приводит, как его коллег, к громкому бунтарству. Одной из характерных черт хлебниковского стиля является «мастерство неверного слова» — нечто обратное «лучшим словам в лучшем порядке». И разве не исполнено смысла то, что свободный стих в России чуть ли не первый попробовал Фет, прославился на нём Кузмин, а Хлебников разработал его как никто другой.

Идеалу свободы в русской поэзии противостоит идеал сделанности, отделки, хорошего вкуса (обычно определяемого временем), краткости, мастерства, ведущий свою родословную от Сумарокова («нашего первого лирического

поэта», по утверждению Г. Адамовича). Этому идеалу следовал И. С. Тургенев в своих стихах (и редакторской практике), сюда же принадлежат Брюсов и акмеизм (здесь рассматриваемый только в его теории и в творчестве «школь», т. е. поэтов второстепенных). Нетрудно увидеть, что этот идеал ведёт к господству середины.

Есть ли эта свобода в русской поэзии сейчас? В советской поэзии её почти не было даже в пору расцвета, в 20-е гг. (это, конечно, не значит, что в то время не писали хороших стихов); сейчас от неё не осталось и следа, и молодые поэты послевоенного времени, даже самые «оттепельные», вероятно, и не подозревают, что они все, без исключения, «ужи», а не «соколы» (пользуемся понятной им терминологией). В эмиграции отдельные взлёты этой свободы были, хотя «одиночество» как-то заглушало «свободу». Умолчав о здравствующих, укажем, что не чужд ей был Поплавский. У «трёх китов» эмигрантской поэзии картина открывается пёстрая. Ходасевич был лишён свободы совершенно (опять-таки подчёркиваю, что это не умаляет его как поэта), он весь был в «тяжести недоброй», в тоске по лёгкости. Цветаева заглушила яркой силой те задатки свободы, какие у неё имелись. Однако у Георгия Иванова, вопреки акмеистической выучке, в последних стихах есть свобода, хотя это и свобода, родившаяся из отчаянья, свобода заброшенного в мировое пространство, свобода клочка бумаги в океане.

Некой преградой на пути к свободе было то, что высказано Адамовичем в его знаменитых словах «несколько строк о самом главном» и, видимо, разделялось поэтической эмиграцией в целом. В этой фразе и её количественный, и качественный аспект противоречат идее свободы. Ведь свобода может быть и в том, чтобы не писать «о самом главном» (вспомним о Пушкине в изображении Антокольского в начале нашей статьи, который тоже говорит о каком-то «главном»). В этом свете становится понятной идеализация Адамовичем Толстого, вырастающего чуть ли не

в пример и упрёк поэтам. Идеалом поэзии становится проза, да ещё проза писателя, отвергавшего поэзию. Отсюда и молчаливое неодобрение Пушкина, и жалобы, что поэзия в чём-то кого-то обманула. Интересно и брошенное Адамовичем замечание: «никому не понравится Глинка после Мусоргского». Ведь Глинка самый свободный, самый «моцартовский» из русских композиторов.

То, что строк должно быть «несколько», тоже отпугивает свободу. Конечно, слова эти означают не требование обязательно небольшого количества строк, а чтобы в общем творчестве нашлись эти несколько и тем оправдали остальные усилия. Однако поверившие в этот лозунг не будут ли непременно стремиться к почти японской краткости, тогда как идеал свободы равнодушен к длине. Домажорная симфония Шуберта или симфонии Брукнера могли бы длиться сколько угодно.

Я напрасно окрестил свободу «идеалом». Она — качество, которого может не быть даже у большого поэта, и, возможно, было ошибкой с моей стороны не скрывать субъективного восторга перед этим качеством. Тем более, что никто никогда не может этой свободе научить. Силу поэты получают от своего земного рождения, мастерству учатся сами и от мэтров; свобода же — подарок какой-то иной родины.

*(Владимир Марков. О свободе в поэзии,
СПб., 1994, отрывки)*

Двое

Милая моя,
любимый мой,
будем каждый другому,
как и прежде,
милыми, любимыми,
не как любой-десятый

с прохладцей полупоклона, —
будем знойными, лучистыми,
как и прежде,
как и дальше,
вопреки февральскому гололёду
и мартовской простуде.
Будем удивлённо
топорщиться друг на друга —
ты грудью,
я потаённым пальцем,
оба — глазами.
Ну откуда ты у меня взялся?
Откуда ты у меня такая?
Как ты сумел,
как ты отважилась
мир перевернуть
корнями к небу,
как ему и подобает?
В моём-твоём взгляде изумление,
недоверие, излучающее веру.
Как тебе, мужчина-женщина,
удалось растопить замёрзшее тело,
воспламенить взгляд,
лицо превратить в ликование?
В день Прощёного воскресенья
не «прости» говорю,
шепчу «спасибо»,
взор пронося над головой любимой,
вверх взлетающей
вертикальной звездой —
в сторону неба-помощника,
в сторону воздуха,
землю оседлавшего,
словно всадник кобылицу.
Ликуйте!

Ликуйте оба!
Ликуйте пока горячо!
Топорщитесь, трепещите —
в ужасе и трепете любовном,
огненном.

(1999)

ФЕВРАЛЬ

19

ПОНЕДЕЛЬНИК

103009 Москва, ул. Тверская 12, стр. 8, кв. 169,
Русский Общественный Фонд Александра Солженицына,
Н. Д. Солженицыной, президенту Фонда

Многоуважаемая Наталия Дмитриевна,

Сообщение «Литературной газеты» об учреждении премии Александра Солженицына, к сожалению, оставляет непонятным механизм номинации. Пользуясь этим упущением, Комитет премии Андрея Белого берёт на себя смелость выдвинуть следующих авторов — подвижников русской литературы, чьё творчество имеет, как нам кажется, непреходящее общенациональное значение.

1. **Сергей Владимирович Петров** (1911–1988), поэт. Несколько лет провёл в сибирской ссылке. При жизни был известен как выдающийся переводчик (Рильке, Малларме, исландские скальды). Первая книга («Избранные стихотворения») опубликована в 1997 году. Мощный поэт, полиглот, философ, лингвист. Громадная часть литературного наследия не опубликована.

2. **Василий Иванович Аксёнов** (* 1953), прозаик. Родом из Сибири, по образованию археолог. Единственная вышедшая книга — «День первого снегопада» (СПб., 1995) с сильнейшим «фолкнеровским» романом «Осень в Ворожейке». Глубокий писатель, великолепный мастер слова, достиг вершины творческой зрелости. Живёт в Петербурге.

3. **Иван Фёдорович Жданов** (* 1950), поэт. Издано несколько сборников: «Портрет» (М., 1982), «Неразменное небо»

(М., 1990), «Место Земли» (М., 1991). «Фоторобот запретного мира» (СПб., 1997). Поэт редчайшей, «тютчевской» задумчивости, созерцатель, метафизик. Пишет очень мало. В настоящее время живёт на своей родине — Алтае.

191011 Санкт-Петербург, а/я 45,
Комитет Литературной премии Андрея Белого,
Борис Останин, секретарь.

<1999?>

Не так важно ускорить или задержать ход вещей, так как каким бы он ни был, он всегда оказывает давление только на своих рабов: важно помочь встать на ноги тем немногим, кто способен сохранить гордость. В сущности, не так важно, приносит ход вещей счастье или несчастье, так как и то и другое удручает разве что глупцов и трусов. Можно даже сказать, что счастье губит их ещё быстрее. История не делается счастливыми или несчастными людьми, удачливыми или неудачливыми, её творит тот, кто, признавшись в неспособности в течение слишком короткой жизни разобраться в различии между счастьем и несчастьем, решает подняться над тем и над другим, решает остаться на том месте, на которое его поставил Бог...

*(Жорж Бернанос. Униженные дети.
Дневник 1939–1940. СПб., 2005)*

→ 12 марта: Бернанос, 2

Лабиринт/Эксцентр, № 4, 1992

Содержание

<i>В. Собчак.</i> Чёрный кот	3
<i>Борис Гройс.</i> Как жить после постмодернизма	8
<i>А. Н. Горски.</i> Вербальная магия	28

ФЕВРАЛЬ

20

вторник

ФЕВРАЛЬ

21

среда

<i>Ф. Гваттари, Ж. Делёз.</i> Ризома	46
<i>В. Тупицын.</i> Идеология топ амуиг	70
<i>Л. Афонский.</i> Путём тепла	80
<i>Геннадий Айги.</i> Из книги «Жили-были»	101, 168, 260, 284
<i>Вен. Ерофеев.</i> Из записных книжек	104
<i>Н. Климонтович.</i> Уединённое слово	111
<i>Евгений Харитонов.</i> Слезы на цветах	115
<i>Юрий Милорава.</i> Стихи	128
<i>Леон Богданов.</i> Рассказы (<i>Вступление Вл. Эрля</i>)	131
<i>В. Кондратьев.</i> Соломон	138
<i>М. Карасик.</i> Театр Бумага	151
<i>Михаил Гронас.</i> Маленькие стихи (<i>Послесловие О. Седаковой</i>)	154
<i>В. Малявин.</i> Конфуций: жизнь как судьба	159
<i>А. Юсфин.</i> Свет духа (Человек и его судьба)	162
<i>А. Ник.</i> Скука, Прохоров	169
<i>Б. Шифрин.</i> Исповедь	175
<i>К. Кузьминский.</i> Из книги «Стансы к Лангусте»	178
Лев Толстой как зеркало русской революции	185
<i>Татьяна Горичева.</i> Цинизм, юродство и святость	195
<i>В. Агафонов.</i> Апостол Нью-Йоркской богемы	203
Беседа с Татьяной Горичевой, редактором журнала «Беседа» (Париж)	214
<i>В. Марков.</i> О русском «Чучеле совы»	223
<i>К. Мамаев.</i> Милость муз	235
<i>Т. Г. Делёз</i> о Фуко	258
<i>А. Смирнов.</i> Бревиарий	262
<i>С. Петров.</i> Стихи	269
<i>Павле Рак.</i> Из садов Богородицы. Афонская повседневность	276

Лабиринт/Эксцентр, № 5, 1992

Содержание

<i>Вячеслав Курицын.</i> Любовь постмодерниста: К столетию со дня рождения Фридриха Орфа	4
<i>Павел Гершензон.</i> Бонжур Тристесс	37

<i>Б. У. Кашкин. Из книги «Hotite polneite, hotite hudeite, no tolko ne peite, ne peite, ne peite»</i>	63
<i>Юлия Кokoшко. Транспортретная засада</i>	67
<i>Лев Рубинштейн. Из дневных занятий 1984 года</i>	98
Призрак постмодернизма: Квадратный стол с участием <i>В. Курицына, М. Липовецкого, А. Матвеева, В. Харитонов</i> а	81
<i>Леонид Костюков. Постмодернизм, или постреализм, или новая литература: Несколько спорных замечаний</i> . . .	101
<i>Дмитрий Кузьмин. К вопросу о рефлексии в поэзии русского постмодернизма</i>	108
<i>Хари Борхес. Информационное сообщение</i>	117
<i>Владимир Набоков. Ада, или Услады плоти: Семейная хроника (Фрагмент в переводе С. Ильина)</i> . . .	122
<i>Б. Останин. Равенство, зигзаг, трилистник, или О трёх родах поэзии (конспект-статья)</i>	143
<i>А. Фомин. Сирин: Двадцать два плюс один</i>	148
<i>Б. Останин. Сирин: 22 + 2</i>	150
<i>Константин Мамаев. Дар не нашего берега</i>	152
<i>Владимир Харитонов. Школа имени. Примечание</i>	188
<i>Андрей Левкин. Достоевский как русская народная сказка</i>	204

<Продолжение утрачено>

(Оба номера журнала были подготовлены к печати, но не изданы)

Парнас дыбом: Некрасов

*В каком краю — неведомо,
в каком году — не сказано,
в деревне Пустоголодно
жил был расстрига-поп.
Жила с попом собачечка
по имени Жужжеточка,*

собой умна, красоточка,
 да и честна притом.
 На ту собачку верную
 бросал свои владения,
 албары да чуланчики,
 телячья мяса полные,
 поп всё свое добро.
 Но голод штку скверную
 сыграл с Жужжеткой верною,
 и, дичь украв превкусную,
 собачка съела всю.
 Узнав про кражу злостную,
 взял поп секиру острую,
 и ту Жужжетку верную
 в саду он зарубил.
 И, слезы проливаточи,
 купил плиту чугунную
 и буквами словенскими
 велел Вавиле-слесарю
 там надпись надписать:
 «В каком краю — неведомо,
 в каком году — не сказано
 и т. д.»

(Парнас дыбом, 1927)

→ 24 апреля: Парнас, 3

ФЕВРАЛЬ

23

пятница

— Пстой, сержант,
 не суетись.
 Возьми сырок...
 стакан с возвратом!..

— Пройдёмте!..
 — Я не прочь пройтись
 немного под руку с сержантом,

хотя люблю гулять один
и брать свою тоску измором...

— Вы, гражданин...

— Сержант, я — ворон!

— Там разберёмся, гражданин!

Там разберёмся...

Что ж, он прав:

один для всех нетрезвых видом
закон. Сержант мне будет гидом,
в крыло вцепившись как в рукав.

Вот Летний сад,

ограда сада...

Идём туда, куда нам надо.

В тумане шпиль маячит рыжий,
сентябрь кудахчет,
ветер брызжет.

Уже забит цветущий дом.

Уж август спит, лицо завяля.

Живу, свой век отождествляя
с тобой... конечно... всё в былом...

Язык всё тоньше календарный,
всё меньше гласных безударных —
безударных больше... сколько их
согласных — звонких и глухих!

О чём я, впрочем?..

Что за связь?..

Как странно век свой разумею:
под ветром взмокшим каменею,
в решётку мыслями вплетаюсь.

Дух испускающий, нектар
в цветах изученных томится...

Какая грусть лежит на лицах,
какая ясность, что за дар!..
И эта жажда уклониться
от с ног сшибающего «кар-р-р».

Да, странен век, и день сугуб.
Но петь, пока не отпоётся,
петь!..

Осень.
Бабочка у губ
в моём дыханьи тёплом вьётся.

(Александр Горнон.

Сержант и ворон, 1978, отрывок)

→ 27 марта: Горнон, 2

Под стук колёс

ФЕВРАЛЬ

24

суббота

Пристальное внимание к собственной размерности дороги (к хроносенсорике) показывает, что выбор транспорта отнюдь не безразличен. Для попадания в желаемое место (действительно желаемое) он так же важен, как и правильный выбор направления.

Вот я еду на поезде по Западному Казахстану, выхожу на станции Эмба, разглядываю убогие станционные постройки, облупившуюся краску, чахлые пыльные деревца. Пригодность этого места для жизни почему-то вызывает сомнения. Но если бы я приехал сюда со стороны степи после многодневной езды на арбе, я попал бы в другой город с тем же самым названием (что не меняет дела), с теми же постройками, но не убогими, а преисполненными своеобразного величия. Это могло бы случиться в тот же самый час с точки зрения внешнего фонового времени, но события в любом случае принадлежали бы к разным временам — ведь совпадение проекций на шкале циферблатов, опове-

щающее о «настоящем времени» данного момента, отнюдь не устраняет разности темпоральных порядков, которые могут быть совершенно инопланетны друг другу. Насильственная синхронизация всего на свете по календарю и часовой стрелке далека от создания настоящего: получается лишь синтетическая одновременность, огибающая множественность собственных времен происходящего наподобие ленты Мёбиуса.

Абстрактное «время в пути» выравнивает все дороги в общий рельеф синтуры (если воспользоваться термином Станислава Лема): замуровываются сквозные коридоры, через которые может ворваться бытие-навстречу. И дело не в том, что по этим трассам от себя не уедешь — исключена даже возможность различить *то же самое* и *иное*.

Только дорога вне графика, выбивающаяся из расписания, развёртывается в собственном времени, создавая туннельный эффект выхода из Времени Циферблатов, дистанцирования от озабоченности. Только в этом случае мы имеем дело с путешествием, а не путеглотанием.

О том, что дорога дороге рознь, говорится во многих сказках. Направо пойдёшь — случится одно; прямо или налево — совсем другое. Однако вполне возможно, что все три дороги, начинающиеся от камня на развилке, ведут в один и тот же «географический пункт» — сказка опускает такие подробности как не относящиеся к сути дела. Ведь для метафизики пути важнее другое: то, что дорога это прежде всего удаление от дома, удаление от ловушки привычного и приближение к непривычному. То есть к себе. Сближение с собой есть основное свойство пути — совсем не обязательно в метафорическом смысле как «пути к истине» или «пути к спасению». В любом путешествии самым удивительным первым встречным могу оказаться я сам. Возможна и проблема с узнаванием, возникающая из-за того, что нет привычных других, кому я могу передоверить своё присутствие. Круг повседневных дел, в котором я был распределён, те-

перь сжался в точку, все мои двойники-дубли, выполнявшие за меня работу бытия, — развоплощены. И кто теперь этот незнакомец?

(Александр Секацкий. Книга номада // Три шага в сторону, СПб., 2000)

Навигатор

ФЕВРАЛЬ

25

воскресенье

Это была, возможно, одна из самых странных выставок той поры. 1976 год, дом культуры им. Орджоникидзе, первая выставка «нефигуративного» искусства. По стенам — работы Юрия Дышленко, Михнова-Войтенко, Путилина, Леонида Борисова. Буквально посреди них, в центре зала возносился киноварный «объект» Игоря Захарова-Росса, который, не обинуясь, тут же назвали «машиной времени» и, как оказалось позже, название как бы предугадало последующее развитие событий (следует заметить, что работы Захарова-Росса с выставки много лет спустя весной сгорели в трейлере на пути из Германии в Русский музей).

Объект был двухметровой высоты, не мал в ширину, из него текли водопады радужных проводов. Некоторые опять-таки уходили в объект, который созерцал себя же посредством хитрой системы зеркал, где роился и множился непрерывный, едва уловимый гул.

Объект был центром, осью, вокруг которой день за днём медленно вращалась карусель выставки: слухи, лица, мнения, друзья, неизбежные милиционеры и соглядатаи. Если не изменяет память, в один из дней какой-то чин в приличном костюме, сидя в курительной комнате, неожиданно прервал неловкое молчание, воцарившееся с его приходом, пылкой тирадой, суть которой сводилась к тому, что не пройдёт сколько-то там лет, как начнут печатать Гумилёва, — кажется, он произнёс слово «верже», — и что мы помянем его слово.

По окончании первой недели выставка внезапно закрылась. Изумлённым художникам было сказано, что так надо.

Что было сущей правдой. Умер директор кораблестроительного завода, и гроб с его телом установили в том же зале буквально на месте, с которого убрали «машину времени».

После выноса тела объект Захарова-Росса вновь был водружён на место. Сюрреалистическая смена «объектов» не вызвала резонанса. Мозг критики пожирал очевидное.

Именно эта топологическая странность совпадений понудила меня ещё раз задуматься над реальностью не столько искусства, сколько *времени* в мире, который назывался тогда «советским союзом».

Я не помню, что сказал на этот счёт Борис Иванович Иванов. Помню, с залива дул ветер, и мы пили красное болгарское вино. Скорее всего, он ничего не сказал.

Знакомясь с ним, я, между тем, знал, что в 1968 году он сдал свой коммунистический билет лично некоему Романову (угадай с третьего раза, кто это?). Когда же много спустя мне пришлось в голову поинтересоваться подробностями, он сказал: *«дело в том, что я хочу всё видеть собственными глазами...»* Написав письмо в защиту правозащитников Гинзбурга и Галанскова (адресат ЦК КПСС), тем самым подписал заявление о выходе из «игры». Мы не касаемся других вытекающих последствий или же иных поворотов судьбы.

Итак, месяц май. Рутиня требует пройти все инстанции до конца, чтобы самому всё увидеть. Он успел к августу, когда советские войска вошли в Чехословакию. Глава десятая: *«Баржи и шкипера»*. Шкипер Иванов, — вспоминает однажды в Гамбурге шкипер

Владлен Гаврильчик, — он, лютый до чтения, решает создать ветряной двигатель, дабы тот на барже вырабатывал необходимое количество электрического вещества для чтения по ночам.

Заметим, баржи ходят не только летом. Навигация заканчивается лишь с полным воцарением льда и ночи.

Работа над ветряным устройством длится несколько месяцев. Однако система, возможно, чрезмерно отягощённая конструкторскими замыслами, не желает вступать во взаимодействие с продуктивными потоками воздуха. В итоге — обретает вечный покой на дне залива.

И всё же потраченное время было — а теперь мы можем позволить себе думать именно так — не столько временем аэродинамических расчетов, сколько временем подхода к одному из главных проектов Бориса И. Иванова — созданию единственного в своём роде художественного, теоретического, публицистического, исторического, критического — да какого угодно! — журнала «Часы» в пору, когда каждая запятая была на государственном учёте, а за «хранение» набоковского «Дара» можно было надолго угодить в центры развития социалистической экономики.

Но мы снова обнаруживаем себя в 1976 году, «на выставке», когда Борис И. Иванов на углу 18-й линии и Большого проспекта объявляет о создании первого номера журнала, который с тех пор, вопреки всему, продолжал с регулярностью часового механизма выходить до 1990 года. Приводя подчас идеологических мандаринов в откровенное бешенство.

Журнала, издававшегося в 10-ти машинописных экземплярах, но неизменно достигавшего Владивостока, Пекина, Нижнего Тагила и Нью-Йорка. Журнала, в котором публиковались те, кого мы теперь куда как хорошо знаем: Сергей Стратановский, Борис Гройс, Борис Останин, Юрий Новиков, Эдуард Лимонов, Борис Парамонов, Елена Шварц, Борис Кудряков, Михаил Берг, Елена Игнатова, Сергей Хренов, Ольга Седакова, Евгений Харитонов — список нескончаем.

Многих нет в живых. В 78-м году журнал «Часы» учреждает независимую премию Андрея Белого.

О ней в другой раз. А в этот добавлю: ни общей судьбы, ни общего времени не существует — есть время каждого,

так же, как у каждого есть глаза, которыми он видит то, что заслуживает. Но иногда волокна времени неизъяснимым образом свиваются в нечто, умозрительно напоминающее воздушный поток.

Уловить его случается не всегда и не всем. Если кому и удаётся, то, как правило, ничего особенного не происходит. Достаточно предположить, что в итоге может появиться возможность вникнуть в то, что называется *различием*, и это, в свою очередь, полагает, что будущее в конце концов найдёт в себе силы отслоиться от тавтологии столь удобно совпадавшего с собою настоящего. Другими словами — show must go on.

(Аркадий Драгомощенко)

→ 11 ноября: Радуга под левым предсердием

Театр и эшафот

«Театр-храм», «кафедра добродетели», «святое искусство», «облагораживающее влияние театра», — все эти и им подобные прекрасные слова о театре вдруг оказываются достаточно искусственными, неверными и даже немного смешными как только мы обратимся к театру с точки зрения интересов толпы, породившей этот вид развлечения, т.е. публичный театр.

<...>

Куда бы мы не обратились в поисках начала театра, — к истории, фольклору, психологии ребёнка или этнографии, — везде мы наталкиваемся на явные или скрытые признаки эшафота, где палач и жертва (человек или животное) первые на заре искусства драмы определяют своим действием притягательность этого нового для толпы института — института, ещё только в будущем имеющего стать театром.

Подобного рода генезис театра не представляется чрезмерно удивительным, если мы вспомним, что почти все *искусства*, синтезом которых является современный театр, имеют сами по себе большей частью кроваво-жестокое и даже чисто-эшафотное происхождение.

Так искусство *песни* возникает из молитвенного слово-словия вокруг кровавой жертвы. Отвлечённое же от религиозного обряда, искусство песни развивается, совершенствуясь и из публичного состязания, в котором побеждённый присуждается к *казни*; так легенда о «Вартбургском турнире певцов»... повествует о состязании пяти певцов, в котором побеждённого ожидает *виселица*.

Искусство *пляски* развивается у дикарей из военно-религиозных движений (маршей, прыжков, колоброда) вокруг казнимого пленника. В древней Греции оркестрика имеет началом соревнование на намаасленном бурдюке, наполненном вином, причём неловкий рискует публично «сломать себе шею» или, по меньшей мере, «расквасить нос». Танец, как публичное преодоление *головоломных* трудностей (акробатизм) рассматривается в качестве такового не только при возникновении нашего балета, но и наших салонных танцев...

Искусство *музыки* зарождается вместе с установлением семи тонов, соответственных семи путям планет, которые при движении по Зодиаку издают звуки (отсюда «гармония сфер» пифагорейцев), и пяти полутонов, причём *крест*, как знак диеза, т. е. *повышения*, заимствован из языка мифологии, поучающей, что бога года в конце круговорота вешают на кресте, тем самым *возвышая* его. Крест как оружие казни («*поднять* на крест») заимствован древневосточным судопроизводством как раз из данной мифологии. К этому можно добавить, что первые музыкальные инструменты создаются из материала сакральных жертв (кожа на бубне шамана, флейта из человеческих костей и пр.), причём легенда связывает появление искуснейших из инструментов

со смертной жертвой (тростниковая дудка, выросшая на месте невинно загубленного Иванушки и т.п.)...

Искусству *грима* и *маскировки* предшествует эволюционно искусство мучительной татуировки насечками, на-резами и наколами.

То же самое можно сказать в отношении искусства *костюмировки*. Рядом с татуировкой тела — использование шкур и перьев *убитых* животных и птиц нарочно для костюмировки...

Искусство *бутафории* начинается с орнаментики смертоносного оружия, собрания и выделки *кровавых* трофеев в виде скальпов, ожерелий из зубов врага и т. п.

Слов нет, — вся наша современная *культура* восходит генетически к эпохе *варварства* и, само собой разумеется, нет ничего удивительного в том, что и театр как общественно-культурный институт не составляет в этом отношении исключения.

Замечательно лишь то, что в то время, как в других культурных институтах варварская наследственность составляет сравнительно редкое исключение, в институте публичного театра (стоит лишь детально-аналитически подойти к его структуре) эта наследственность заявляет о себе кардинально, вызывает в нашей памяти досадно квиетическое изречение «plus ça change — plus c'est la même chose».

<...>

...аналогия между театром и эшафотом без всякого риска скомпрометировать её, может быть углублена до последних пределов. Какие же выводы можно сделать из этой аналогии, имеющей, как мы видели, своё историко-психологическое объяснение? О, очень много выводов, само собой разумеется. Наиболее же поучительным из них будет вывод, что театр, в сущности своего интереса для толпы, лишь отчасти относится к области искусства и что только тот драматург или сценический деятель может рассчитывать на

успех у «большинства публики» (т. е. у толпы), который помнит, что театр в своей притягательности, не только храм искусства, но и маскированный эшафот...

(Николай Евреинов. Театр и эшафот, 1918, отрывок)

ФЕВРАЛЬ

27

вторник

No writer besides Samuel Beckett has ever demonstrated such a stunning and grand-scale evolution, from the linguistic excess of his early texts to the conspicuous silence of the late ones. The paper examines this evolution in broad historical and cultural context, and particularly in connection with the author's destructive experience of war. Beckett's texts, which stand apart in twentieth-century literature, have become both a detailed historical chronicle of modernism and its aesthetic zenith. Reading them, we can never be sure if we are dealing with the remains of a dying language, or coming into contact with something that makes the very birth of speech possible. Beckett's legacy can be perceived both as a whole work, complete with prologue and epilogue and as a text that he was just getting ready for, but did not even begin writing.

(Анатолий Рясков. Сэмюэль Беккет: путь вычитания. Аннотация // НЛО, № 135, 2015)

→ 22 января: Письмо в Ирландское посольство

ФЕВРАЛЬ

28

среда

В Америке американца, француза и русского приговорили к смертной казни и посадили в ожидании последнего дня в общую камеру. Когда этот день наступил, первым взяли американца и объявили, что он может сам выбрать себе способ казни.

— Что долго думать, — говорит американец, — давайте по-американски: на электрическом стуле.

Посадили его на стул, палач дёрнул рубильник — никакого эффекта: электричества нет.

— Повезло тебе, — говорит палач, — по закону нашего штата дважды казнить не положено. Ступай назад в камеру, ты свободен.

Американец пошёл, навстречу француз. Американец ему тихонько: «Электричества нет!» Тот кивает: понял.

Приводят француза на место казни и спрашивают, какой бы вид казни он себе выбрал.

Француз: — Вообще-то во Франции принято на гильотине, но раз уж я в Америке, давайте по-местному — на электрическом стуле.

На стуле, так на стуле: француза посадили, палач дёрнул рубильник — электричества нет. Делать нечего, два раза не казнят, отпускают и француза.

Он идёт по коридору, навстречу русский. Француз ему тихо: «Электричества нет!» Тот кивает: понял.

Приводят его на место и спрашивают: «Какой вид казни ты себе выбираешь?»

Русский: «Честно говоря, я хотел по-американски, на электрическом стуле, да вот узнал случайно, что электричества нет... Чёрт с вами, расстреливайте!»

МАРТ

МАРТ

1

четверг

Не губернаторша сидела с офицером,
Не государыня внимала ординарцу,
На золочёном, закручённом стуле
Сидела Богородица и шила.
А перед ней стоял Михал-Архангел.
О шпору шпора золотом звенела,
У палисада конь стучал копытом,
А на пригорке полотно белилось.

Архангелу Владычица сказала:
«Уж, право, я, Михайлушка, не знаю,
Что и подумать. Неудобно слуху.
Ненареченной быть страна не может,
Одними литерами не спастись им.
Прожить нельзя без веры и надежды
И без царя, ниспосланного Богом.
Я женщина. Жалею и злодея.
Но этих за людей я не считаю.
Ведь сами от себя они отверглись
И от души бессмертной отказались.
Тебе предаю их. Действуй справедливо».

Умолкла, от шитья не отрываясь.
Но слезы не блеснули на ресницах,
И сумрачен стоял Михал-Архангел,
А на броне пожаром солнце рдело.
«Ну, с Богом!» — Богородица сказала.

Потом в окошко тихо посмотрела
И молвила: «Пройдёт ещё неделя,
И станет полотно белее снега».

1924

(Михаил Кузмин // Часы, № 24, 1980)

К числу специфических переплётных приспособлений относится *шивальный станок*. Устройство его несложно и изготовить такой станок не составит особого труда. Основание его — гладкая ровная доска или толстая клееная фанера размером 450×300×30 мм. Снизу по краям прикрепляют планки, выполняющие роль ножек, приподнимающих основание станка на 15–20 мм над поверхностью рабочего стола. По переднему краю основания на расстоянии 40–50 мм от боковых кромок доски просверливают два отверстия, в которых устанавливают и крепят вертикальные стойки, имеющие в верхней части резьбу. Для стоек можно использовать металлическую трубку или пруток диаметром 10–12 мм и длиной 300–350 мм. На нарезную часть стоек навинчивают гайки, на которых удерживается перекладина — деревянная рейка с отверстиями, соответствующими диаметру стоек, по бокам и с прорезью в средней части. Длина рейки равна длине основания, ширина 40 мм, толщина 20 мм. В прорезь вставляют подвижные крючки для крепления концов шнура или тесьмы. В передней кромке основания станка делается вырез для съёмной планки. Между ней и основанием пропускают шнуры или тесёмки и закрепляют их под доской на деревянных палочках. С помощью гаек перекладина поднимается вверх, и шнуры туго натягиваются.

Другим необходимым приспособлением являются *тиски* или *обжимной пресс*. Они применяются при пропилке корешков книг перед шитьём, при заклейке корешков, прес-

совке, обрезке и т.д. Их также можно изготовить самостоятельно. Для этого берут два бруска, лучше березовых, сечением не менее 70×90 мм, длиной 600–700 мм. Отступая 100 мм от концов, в обоих брусках просверливают отверстия. В отверстия одного из них вставляют и укрепляют болты диаметром 12–18 мм, длиной примерно 500 мм. Второй брусок надевают на эти болты. Книга или переплётная крышка, требующая прессовки, помещается в специальных переплётных досках между брусками пресса и зажимается при помощи гаек.

Нож для переплётных работ лучше всего делать из полотна приводной ножовки, изготавливаемой из высокопрочной инструментальной стали. Он удобен в работе, так как меньше тупится. Лезвие обычных обиходных ножей, в том числе и сапожных, при резании бумаги быстро деформируются и их приходится всё время затачивать. *Переплётный нож* затачивают, спуская фаску с правой стороны (в положении при резке), а затем доводят с обеих сторон на оселке. Удобнее работать, когда длина переплётного ножа вместе с рукояткой составляет 200–220 мм. Рукоятку у ножа можно сделать деревянную, из пластмассы, оклеить кожей или обмотать изоляционной лентой.

Для форзацев применяют специальную форзацную бумагу, которая должна обладать достаточной механической прочностью на разрыв и на число двойных перегибов, а также быть обязательно проклеенной.

Следует запомнить, что в процессе отлива бумаги волокна располагаются в основном по ходу движения сетки бумагоделательной машины. Такое направление бумажных волокон называется *долевым*. В долевым направлении деформация бумаги значительно меньше, чем в поперечном. Это обязательно нужно учитывать при раскрое бумаги для форзацев, обложек, отстава, для оклейки корешка.

Направление волокон в заготовке должно быть всегда параллельно корешку блока.

При разрыве бумаги в двух взаимно перпендикулярных направлениях более ровный и прямолинейный обрыв указывает на продольное направление.

Для крышек переплётов картон следует подбирать равномерной толщины и с гладкой поверхностью. Чаще всего в переплётном деле применяется картон, вырабатываемый из древесной массы, он жёлто-коричневого цвета, достаточно гладкий и обладает удовлетворительной прочностью и гибкостью.

Наиболее употребительны клеи животного происхождения — мездровый, костный, рыбий, относящиеся к коллагеновым (или глютиновым), и казеиновый, а также растительного происхождения — крахмальный, декстриновый, мучной. В последнее время всё большее применение получают синтетические клеи <в том числе поливинилацетатная дисперсия — клей ПВА>.

*(Николай Мазок. Переплести книгу может каждый,
1970, отрывки)*

США, Нью-Йорк,
Генеральному секретарю ООН
Бутросу Бутрос-Гали

Уважаемый г-н Генеральный секретарь!

Позвольте преподнести Вам в подарок книгу «Изречения египетских отцов», только что вышедшую в нашем издательстве. Книгу перевела и откомментировала проф. А. И. Еланская, выдающийся коптолог, почётный президент Международного коптологического общества.

Этот подарок представляется мне вполне уместным, поскольку Вы являетесь коптом-монофизитом. «Изречения еги-

петских отцов», насколько мне известно, — первый столь внушительного объёма сборник переводов с коптского, появившийся в России.

Проф. Еланская обладает ещё большим количеством переводов христианских и гностических текстов, которые никогда не издавались в России и которые — при благоприятных обстоятельствах — будут выпущены в свет Издательством Чернышёва.

С уважением, Борис Останин,
главный редактор издательства.

<1993 год>

Ей снилась собственная кровь

«Летали брови без лица,
порхали мокрые ресницы
умерших женщин...» — до конца
июля это всем приснится.

Ей снилась собственная кровь
скорее плоской, а не красной,
ей снилась собственная кровь
не ситцевой и не атласной.

Ей снилось: кровь её висит
на длинной бельевой (не скажем:
верёвке) и почти кипит,
точнее — закипает. Важным

мне кажется её наклон
в горизонтальную тряпичность,
+ ветер с четырёх сторон,
четырежды асимметричный

пространству ветренного сна,
которое назвать пространством

нелепо, ибо так странна
сия страна непостоянства.

Ей снилась кровь как простыня,
хрустящая с мороза, даже
преувеличивая, я
преуменьшаю сон. Прикажем

ему окончиться в стихах,
но он возникнет за стихами...
Ей снилась кровь (читайте — прах,
читайте — страх) — читайте сами.

Ей снилась кровь, она могла,
но не сумела стать любовью,
и женщина изнемогла
изогнутой над кровью бровью.

Возобновляющийся взгляд
вернулся к ней, и кровь вскипела.
Она двенадцать раз подряд
пыталась вернуться в тело.

Она проснётся никогда,
точнее: никогда проснётся,
и сильно красная вода
над ней сомкнётся.

(Виталий Кальпиди)

5 марта 2003

Многоуважаемый Борис Владимирович,

как мы договорились, посылаю Вам некий текст в связи с чествованием Вардана Айрапетяна <вручение ему премии Андрея Белого>. Из-за постоянного и жёсткого цейтнота не имел возможности написать ни лучше, ни полнее. Сам этим текстом

МАРТ

5

понедельник

недоволен. И был бы не против, если бы Вы не дали ему ходу. Но всё зависит, конечно, от Вашего решения.

С добрыми пожеланиями

В. <Н.> Топоров

В лице чествуемого здесь и сейчас Вардана Айрапетяна мы имеем автора трёх выдающихся по своим достоинствам и прежде всего по их новизне книг по герменевтике русского слова и лучшего у нас герменевта, мыслителя, постоянно думающего об этом слове, исследователя, открывшего в нём глубины, до сих пор остававшиеся неизвестными.

Эти глубины открывают новый смысловой горизонт толкуемых слов, новые связи и переклички этих слов, расширяющиеся их контексты. Одним словом, исследователь трудится над тайной слова, которая и есть его душа, сердце его, которое нередко говорит об этой тайне больше, чем может сказать ум, рассудок, расчёт, ибо сердце всегда обращено к целому, всегда большему, чем сумма составляющих его элементов, к «огненности» слова, к тому в нём, что постигается сначала интуицией и лишь потом проверяется расчётом и результатами исследования. Это сочетание интуиции и расчёта вело и ведёт Вардана Айрапетяна к тем источникам, где можно найти живую воду — к нарочной речи, к фольклору, к Далю, наконец, к собственному языковому чутью, прошедшему долгую школу того языка, в котором открывает себя сама народная психея.

Дай Бог, чтобы эта подвижническая пахота на ниве русского слова продлилась, чтобы пример Вардана укрепил в других веру в правильности этого пути, чтобы герменевтика русского слова обрело всю возможную глубину своего дыхания.

Благодаря Вардану Айрапетяну в конкретной герменевтике русского слова произошёл тектонический сдвиг, мы узнали много нового о русском слове, которое самоуверенно считали вдоль и поперёк изученным и до конца исчерпанным. За радость этого открытия нового в старом наше спасибо Айрапетяну.

→ 22 ноября: Толкуя слово

Парадокс дней рождения (без решения)

Для группы в 27 и более человек вероятность совпадения дней рождения (число и месяц) хотя бы у двух людей превышает 60%; для группы в 37 и более человек вероятность такого совпадения превышает 80%. Собственно, это не парадокс, а всего лишь сопротивление *здорового смысла* точному математическому расчёту.

→ 27 января: Выбор богатой невесты

В вузовском учебнике «Антропология» читаем в императивной форме: «Древность человека. При разрешении этого вопроса следует основываться на определении человека как существа, производящего орудия труда. Древность человека, таким образом, это древность его орудий».

Такая уверенность предполагает либо очень определённое конкретное знание, для какого именно «труда» изготавливались эти каменные «орудия», либо, наоборот, неконкретные умозрительные постулаты. Но определённости нет: ведь ничего не удавалось пока реконструировать, кроме совсем другой и ограниченной стороны, а именно не характер труда этими орудиями, а характер труда по изготовлению этих орудий. Главное же — для чего? Как они использовались? Мировая наука за сто с лишним лет предложила лишь немного легко опровержимых допущений: для изготовления с их помощью деревянных орудий охоты и копания, для «универсальных трудовых функций» и т.п. Эта неопределённость и ненадёжность исключает познание экологии троглодитид <от австралопитеков до неандертальцев, которых Б. Поршнева не относит к людям> — их положения в природной среде.

МАРТ

6

вторник

МАРТ

7

среда

Автор этих строк предлагает свой вариант разгадки, дающий ключ к экологии всего семейства троглодитид на разных уровнях его эволюции. Объём настоящей книги не позволяет надлежащим образом изложить и аргументировать эту теорию. Придётся лишь кратко постулировать суть дела. Однако без этого нельзя обойтись, ибо современная систематика видов всё более немыслима на основе одной лишь морфологии, т.е. без экологии. Итак, характеризующая всех троглодитид и отличающая их экологическая черта — некрофагия (трупоядение). Зоологи, говоря о «хищниках» и «плотоядных», к сожалению, не всегда расчлняют два значения: есть животные-убийцы, которые, однако, не поедают свои жертвы, каковы, например, убивающие для самообороны, а есть пожиратели мяса животных, убитых не ими, а погибающих от других причин. Обе функции требуют совсем разных морфофункциональных приспособлений. Оба комплекса приспособлений не могли бы одновременно появиться в эволюции отряда приматов, где до того не были выражены ни плотоядение, ни умерщвление крупной добычи (оставляем в стороне хищную обезьянку галаго). Останки троглодитид всех уровней находят в сопровождении костей крупных четвертичных животных, нередко расколотых, но это не даёт права на логический скачок к заключению, будто они их убивали. В природе всё, что живёт, умирает тем или иным образом, и биомасса умерших организмов почти всегда кем-либо поедается. Наука об экологии животных свидетельствует, что объединение в одном лице источника смерти (убийцы) и потребителя трупа представляет собой биологически сложный и очень специальный феномен. Прежде чем таковым стал человек (в качестве охотника или скотовода), высшие приматы осуществили нелегкое приспособление к одной из этих двух функций — к поеданию мяса умерших крупных животных. И уже это было само по себе сложнейшей биологической трансформацией.

Исходным понятием в современной биологической науке служит биогеоценоз — взаимосвязанная совокупность, или «сообщество», видов и их популяций, населяющих данный биотоп. Пищевые связи между ними сложны и достаточно плотны; наука не могла бы объяснить, как внедрился новый вид хищников-убийц в биоценотическую систему позднего плиоцена или раннего плейстоцена. Принята такая упрощенная схема соотношения трёх «этажей» в биоценозе: если биомассу растений приравнять к 1000, то биомасса травоядных животных равна 100, а биомасса хищных — 10. Такая модель иллюстрирует огромную «тесноту» в верхнем этаже. Ни мирно, ни насильственно туда не мог внедриться дополнительный вид сколько-нибудь эффективных хищников, не нарушая всех закономерностей биогеоценоза как целого. К этой статической «пирамиде чисел» Семпера надо добавить закон флуктуации относительной численности травоядных и хищных, разработанный математиком Вольтерра и его продолжателями: при обилии травоядных число хищников возрастает, пока само не становится фактором уменьшения числа травоядных, что в свою очередь приведёт к резкому падению числа хищных, размножению травоядных и т.д. Эти циклы могут мыслиться и как относительно короткие и локальные, так и в масштабах порядка целых геологических эпох. Во второй половине цикла внедрение нового хищника вовсе невозможно ввиду возросшей «тесноты», да и в первой правдоподобно лишь, если сначала от этой «тесноты» вымерли или деградировали предшествующие ведущие формы хищников. Наконец, уж и вовсе невероятно, чтобы новый хищник сразу свалился откуда-то в мир столь мощным и адаптированным, что с ходу отеснил своих соперников от биомассы травоядных, не разрушив при этом биоценоз.

Нет, троглодитиды включились в биосферу не как конкуренты убийц, а лишь как конкуренты зверей, птиц и насеко-

мых, поедавших «падаль», и даже поначалу как потребители кое-чего остававшегося от них. Иначе говоря, они заняли если и не пустовавшую, то не слишком плотно занятую экологическую нишу. Троглодитиды ни в малейшей мере не были охотниками, хищниками, убийцами, хотя и были с самого начала в значительной мере плотоядными, что составляет их специальную экологическую черту сравнительно со всеми высшими обезьянами. Разумеется, они при этом сохранили и подсобную или викарную растительность. Но нет сколько-нибудь серьёзных и заслуживающих согласия аргументов в пользу существования охоты на крупных животных в нижнем и среднем палеолите, есть одни лишь фикции. Троглодитиды, начиная с австралопитековых и кончая палеоантроповыми, умели лишь находить и осваивать костяки и трупы умерших и убитых хищниками животных. Впрочем, и это было для высших приматов поразительно сложной адаптацией. Ни зубная система, ни ногти, так же как жевательные мышцы и пищеварительный аппарат, не были приспособлены к занятию именно этой экологической ниши. Овладеть костным и головным мозгом и пробить толстые кожные покровы помог лишь ароморфоз, хотя и восходящий к инстинкту разбивания камнями твёрдых оболочек у орехов, моллюсков, рептилий, проявляющийся тут и там в филогении обезьян. Троглодитиды стали высокоэффективными и специализированными раскалывателями, разбивателями, расчленивателями крепких органических покровов с помощью ещё более крепких и острых камней. Тот же самый механизм раскалывания был перенесен ими и на сами камни для получения лучших рубящих и режущих свойств. Это была чисто биологическая адаптация к принципиально новому образу питания — некрофагии. Лишь один род пытался адаптироваться иным путем (мегаантропы, парантропы, гигантопитеки) — путём наращивания мощи челюстей, но эта линия оказалась непродуктивной. Троглодитиды не только не убивали крупных животных, но

и должны были выработать жёсткий инстинкт ни в коем случае не убивать, ибо это разрушило бы их хрупкую экологическую нишу в биоценозе. Прямоходящие высшие приматы-разбиватели одновременно должны были оказаться и носильщиками. В самом деле, если условием их существования было применение острых или специально заострённых камней к тушам и останкам животных, то для сочетания этих двух элементов часто надо было или нести камень к местонахождению мясной пищи или последнюю — к местонахождению камня. Вот, в первую очередь, почему троглодиты были прямоходящими: верхние конечности должны были быть освобождены от функции локомоции для функции ношения.

Итак, «орудия труда» в нижнем и среднем палеолите были чисто природными новообразованиями — средствами разделки останков крупных животных и абсолютно ничем более. Для объяснения всего этого вполне достаточно биологических понятий, хоть мы и встретились с весьма своеобразным вариантом животного царства. Как можно видеть, такая реконструкция образа питания троглодитов действительно требует обособления их в зоологической систематике в особое семейство, так же как и обратно — выделение такого семейства по морфологическим признакам побуждает найти и эту специфическую его экологическую характеристику.

*(Борис Поршневу. О начале человеческой истории,
М., 1974, отрывок)*

Плотность уничтожения

I. Ты видишь стремительный фильм, который так быстро захватывает тебя, что успеваешь вспомнить напоследок только один эпизод из прошлого, вернее, не эпизод, а зрительный, то есть слуховой ландшафт, растворяющийся-

ся, просыпающийся, как голый песок с камня: как тихо на Сайме ночью поют невидные, неизвестные животные, результаты воображения беспокойно засыпающего человека, который, конечно, уже не ты. Тогда крики совы, или лай лисицы, или плеск воды, взбиваемой в схватке рыб, надвигаются вплотную, и видишь: лицо звука в окоченевших, схваченных полуторастолетним инеем, зеркальных осколках ветра. Их укрывает песок, льющийся как вода, и тогда всё окончательно меняется, становясь на свои места, оборачиваясь настоящей противоположностью. Но медленно проходя вдоль зимних заборов, оборачиваясь поминутно вокруг своей оси потребное для магического обескровливающего ритуала количество раз, всматриваясь в уродливым узорчатым инеем изъеденные линзы глаз, приходит и приносит своё неназываемое имя тот, кого больше всего ждал ты, и отдаёт то, что немедленно тебя уничтожит. Так, обращаясь в непрерывную сновидческую цепь, настигает призванное бездвижным неистовством будущее, не оставив от себя и следа, словно ничего не было, как несколько тысяч лет назад, падает в песок глиняный осколок, но лишь для того, чтобы ты нашёл его, тихой кисточкой расчистив упавшее зеркало, зорко всмотревшись в рисунок на глине, различил свой точный, точёный, прекрасный профиль, в который нельзя не влюбляться снова и опять — тебе самому, иначе вернёшься в песок, прекратишься, станешь бесповоротно, ядовито вечен.

II. Камень — оружие земли, простирающейся под жёлтым туманом от горизонта до горизонта; серая корка, образующая слой твёрдого, несокрушимого с виду наста, истёрлась бы в пыль от любого прикосновения, кроме прикосновения тумана. — Некому сделать шаг, совершить разрушительное прикосновение. Тогда корке остаётся расти, nastу — утолщаться, простираясь в любую сторону до

бесконечности. Вплоть до отсутствия предела. Обрываясь лишь с одного края, в месте, где слышен шорох отъединяющихся, исчезающих в темноте провала песчинок, комьев — сгустков серой породы. Внизу они исчезают, поглощаемые темнотой, неслышно несущимися потоками воды или предполагаемой волей быть поглощёнными. Волей срываться вниз, будто уменьшая на ничтожную долю поверхность наста, край которого уступает провалу не равномерно, но неровно, зубчато, как будто вещество поверхности состоит из фракций, подверженных разрушению в неравной мере. Перемещения тумана, создающие подобие — приблизительную модель — ветра, не ускоряют разрушение поверхности у обрыва, скорее, фиксируют непрерывное, ничем не управляемое сокращение, уничтожение частиц серой породы в глубине (высоте?) провала. — Над ветром (и тьмой, предполагаемой тьмой небес) есть тонкая прослойка огня («тонкая» с учётом ветра и тьмы, но — обезоруживающая любое представление о «тонкости»), милая себе, кружащаяся в непримечательном танце, поглощает любое всё. Над ней, пресекая волю к описанию, простираются последующие слои. — Представление о чёрном как бесцветном становится неверным, когда абсолютное отсутствие распределяется по градациям густоты, плотности уничтожения.

(Станислав Снытко. Короли ацетона, М., 2014)

Глухонемые хулиганы

Два глухонемых хулигана
три глухонемых хулигана
четыре глухонемых хулигана
хватит?
можно ещё.

Пять глухонемых хулиганов
шесть глухонемых хулиганов
семь глухонемых хулиганов
теперь достаточно.

Семеро здоровенных
глухонемых хулиганов —
это целая толпа.
Безобразничают они скромно:
не матерятся
не пристают к девушкам —
просто стоят на мосту
и чего-то ждут
а на мосту стоять не положено.
Милицционер свистит
но они не слышат
потому что они глухонемые
и получается безобразие.

Семеро совершенно немых
и безнадёжно глухих хулиганов
ждут на мосту какого-то чуда.

Но если вам кажется
что их всё же слишком много
можно оставить только шестерых
или пятерых
можно ограничиться четырьмя
или даже тремя.

Давайте оставим на мосту
двоих глухонемых хулиганов
одному будет скучно
ждать чуда

(Геннадий Алексеев)

Афродита из пены

Расхожая формула о рождении Афродиты (Venus Marina) из морской пены близ острова Кипр (помню советско-французский одеколон «Шипр» с беломраморной богиней любви на фоне талассы) недолго сбивала меня с толку (Посейдон ведь *не был* её отцом!), здравый смысл подсказал имя другого отца и её рождение из семени Урана в момент *его осколнения*. А это, среди прочего, значит, что Афродита приходится Зевсу тёткой.

Когда и зачем ураново семя переделали в морскую пену — Бог весть: то ли сработала оберегающая любопытных ребятшек цензура, то ли рядовая фигура умолчания (*sapientii sat*).

Сходный казус известен в «Младшей Эдде»: выбор мужа, которого Скади облюбовала по ногам — в футбол ей с ним, что ли, играть? — скорее всего, речь шла о более насущном для молодожёнов органе. Боги-претенденты, сокрыв головы и торсы плащами, свой низ бестрепетно обнажили: божественные дроны соревновательно взметнулись перед Скади, подсказывая победителя. Тем не менее, с выбором она несколько промахнулась: элитным дрононосцем (девушка-то мечтала о боге молодости Бальдре, у которого *всё* должно быть прекрасным) случился старик Ньёрд. Впрочем, в мифах, в отличие от науки, ошибок не бывает; наверняка я что-то здесь недопонимаю, о чём-то не догадываюсь. Вот одна из возможных тропинок: Ньёрд — отец богини любви Фрейи (срв. Уран всё с той же Афродитой), есть о чём подумать.

Занятная всё-таки сценка: шеренга полуголых претендентов и стоящая перед Скади непростая проблема (по-гречески *προβλημα* дословно означает «то, что торчит, выпирает», «предмет», срв. глагол *προβάλλω*, «метать вперёд, выдвигать»): какой из дронов выбрать — в надежде получить в придачу достойного мужа, желательно Бальдра. Особый вопрос — в пандан к женихам — о степени одетости/раздетости самой невесты (двойная спираль любовного возбуждения).

→ 29 октября/2017: Дрономахия

МАРТ

11

воскресенье

Ты растворён,
как молоко в воде,
не распознать
Тебя.
Где хозяин,
где раб —
я не знаю,
кто велик
и кто мал.
О Бог, белый как жасмин!
Даже муравей,
если полюбит Тебя,
если хвалу вознесёт,
он исполнится
демонских сил.

(Махадеви, XII век)

МАРТ

12

понедельник

...у современной войны, войны демократической и тоталитарной, войны народов, национальным осталось только название. Опыт последней <Первой мировой> войны в достаточной мере просветил нас в этом отношении. У тоталитарной демократической войны национальные цели, но она не способна их достичь, потому что не может привести к миру, достойному этого имени. Тоталитарная демократическая война, война народов является лишь острой формой состояния общей хронической анархии, которое делает ненадёжной любую новую организацию. Тоталитарная демократическая война, война всех против всех, война любыми средствами, является разновидностью катастрофы, за ходом которой следят военные и политики, делая вид, что они ею управляют, хотя на практике она остаётся такой же стихией, как землетрясения и наводне-

ния. Она не является, как в древности, «последним доводом разума», в ней нет и тени разумного, никто не стремится к разуму, все запрещают себе даже думать об этом, и выгода, которую политики якобы извлекают из текущего момента, может обмануть лишь наивного человека. Они лишь мародёрствуют на развалинах, несмотря на закон военного времени, подобно грабителям в сожжённом городе.

(Жорж Бернанос. Дневник 1939–1940)

→ 25 апреля: Бернанос, 3

Баня

Я обожаю жгучий пар
Запихивать за щёки разом
А грудью лечь на доски нар
И венчиком хлестать по тазу.
За шайку я хватаюсь цепко
Чтобы ошпариться вкрутую
Ты как невеста или репка,
Я выбрал бы себе большую.

Иссохшим горлом равномерно
Я жирный воздух потребляю
Здесь исчезает смысл нервов
Здесь капитаном корабля я.
Выдавливаю пар горстями
По взбухшим членам волос ходит
Вот ноги, руки с якорями,
И звук отлип, повис в гортани.

Люблю облобызть плечо
Коленки ласково потрогать
Люблю обнять себя ещё

Объятьем страстным недотроги.
Руками подымаю веки
Болото я — одна вода.
Я — Пушкин Александр Сергеич!
Когда придут за мной, когда?

*(Поэты группы «Мухомор» —
С. Гундлах, К. Звездочётов,
В. Мироненко, С. Мироненко //
Часы, № 70, 1987)*

→ 28 сентября: «Мухомор», 2

Пшедомбский Станислав, 1885–1938. Знаменитый польско-французский живописец.

Станислав Пшедомбский родился в Варшаве. Ещё в детстве он обнаружил выдающиеся способности к рисованию. Это заставило родителей П. переехать в Петербург, где по окончании гимназии в 1903 г. талантливый юноша поступил в Академию художеств. Через пять лет он окончил академию по классу исторической живописи, получив золотую медаль и командировку в Италию за программную работу «Morituri te salutant», сразу создавшую ему известность в России. Драматический сюжет этого полотна, выразительные образы римских сенаторов, оживлённые лица взволнованного народа, свободная и смелая композиция, хотя и выдержанная в академических принципах, превосходное знание бытовых особенностей римской жизни — всё это определило успех картины П. Её воспроизведения широко распространились во всех европейских странах. Было очевидно, что молодой художник, так удачно начавший деятельность, ещё больше создаст в будущем.

Петербургская академия дала ему превосходную школу, главным образом в отношении рисунка. Теперь П. следовало пополнить свои знания и расширить творческие

горизонты упорным изучением работ старых мастеров, с одной стороны, и знакомством с новейшими живописными течениями — с другой.

Он проводит год в Италии, а затем переезжает в Париж, ставший его постоянным местом жительства. С этих пор судьба П. связывается с историей французской живописи: он потерял связи с родной страной, которая и не имела сколько-нибудь значительной самостоятельной живописной культуры; он порвал связи и с русским искусством, не успевшим стать ему близким.

В 1910–1912 гг. П. работает в разнообразных областях. Он заканчивает большое полотно «Александр Македонский в Египте» и в то же время занимается копированием старых мастеров. Развивая ярко начатую Э. Мане манеру творческого копирования, он создаёт ряд копий с картин Тициана, Рубенса, Тьеполо, Гойи, которые, вернее, следовало бы определить как творческие варианты своих прототипов, подобно тому, как в музыке мы по-новому воспринимаем старую мелодию, вдруг совершенно оживающую в звучании современного большого оркестра, или в сильных и чистых звуках рояля Стейнвея вместо дребезжащего клавирина, или, наконец, в неожиданных ритмах джаза вместо привычного струнного ансамбля. Следует подчеркнуть, что эти, ставшие в наши дни столь ценными работы, составляющие гордость их собственников-коллекционеров, в процессе деятельности художника были лишь необходимым элементом учения, упражнениями, от которых П. не мог ждать тогда ни успеха, ни выгоды.

Отходя от академической историко-археологической тематики, П. много и успешно работает над портретом. В этом мы видим естественное для художников последних десятилетий XIX в. и начала нашего столетия стремление познать реальный мир и отразить своё понимание действительности. И, мы уверены, в области живописного и психологического портрета П. обеспечено место в ряду таких мастеров, как Каульбах, Менцель и Ленбах в Германии, Уист-

лер в Англии, Каролус-Дюран и Боннар во Франции, Репин и Серов в России, Цорн в Швеции...

<...>

В 1912 г. П. совершил путешествие в Испанию, результатом которого явилась картина, доставившая автору мировую известность. На этот раз была выбрана тема, позволившая художнику сочетать живописный дар с масштабным размахом, свойственным академическим композициям.

Мы говорим о знаменитой «Корриде», превосходный отзыв о которой дал А. Франс:

«Когда я вижу эту едкую, пронизанную солнцем пыль арены, чувствую раскалённый воздух, пропитанный терпким запахом крови, наблюдаю кричащую, беснующуюся толпу, мне не нужно ехать в Испанию, впечатления так переполняют всё моё существо, что я будто уже устал, я пресыщен экзотикой, жарой, криком; мне хочется скорее вернуться домой, в Париж, укрыться в сумраке кабинета, в прохладе Люксембургского сада, дышать влажной свежестью Сены».

Менее одарённый художник мог бы с этого момента ощутить себя классиком, стал бы беззаботно повторять найденную манеру, превратился бы в рантье, получающего бездумные лёгкие доходы с собственного таланта. Вообще можно сказать, что широкая публика не любит, когда признанный ею художник изменяет привычному направлению, ищет новых путей. Но П. резко порвал с поклонниками своих прославленных произведений.

В 1915–1916 гг. он переходит к ярко выраженному лирическому импрессионизму, возрождающему традиции Э. Карьера.

Такова его известная «Натурщица». Но и этот приём был только коротким этапом. Увлечшись изучением Сезанна, П. работает над формой и объёмом как первоосновой живописи. Его письма отцу свидетельствуют об этих напряжённых поисках твёрдых принципов изобразительного искусства.

<...>

В результате этих исканий появилась картина «Семья». Шарообразная природа и живых и мёртвых персонажей этой картины, очевидно, выражает ту стабильность жизненных начал, ту их слаженность, консервативность, стандартность, которая поразила художника во многих своих согражданах и которую он считал важнейшей чертой их национального и социального характера.

К тому же направлению относится и большое полотно «Город» — вещь, написанная П. в Чикаго в 1920 г., а также ряд портретов, выполненных в Америке или вскоре по возвращении оттуда.

В 1922 г. П. выступает с новой картиной «Натурщица», где ещё последовательнее чувствуется стремление выявить идею человеческого тела как совокупности объёмных форм, сохраняя, однако, его единство во внутренней гармонии, в согласованности пропорций и ритма. Написанная в трёх цветах — бледно-зелёном, светло-розовом и ярко-лиловом, эта вещь может быть определена как блестящее разрешение одной из самых трудных колористических проблем, которые когда-либо ставились перед собой живописцами.

К этому времени П. значительно углубляет свой метод.

«Теперь для меня ясно, — писал он автору настоящих строк, — что все существующие на свете предметы могут быть сведены к двум основным формам: к шару и к кубу.

Признаюсь, я долго колебался относительно конуса и пирамиды. Но сейчас я отчётливо понимаю, что и пирамида и конус представляют собою лишь разновидность (или, вернее, часть) шара или куба: всё дело в том или ином сечении этих основных форм...»

В 1924 г. П. организовал выставку своих новых работ — 53 картины, — которая полностью раскрывала огромные усилия художника решить мучившие его проблемы.

Картины назывались либо «Шар», либо «Куб», либо «Шар и куб».

Однако внутренняя логика вела неутомимого мастера всё дальше.

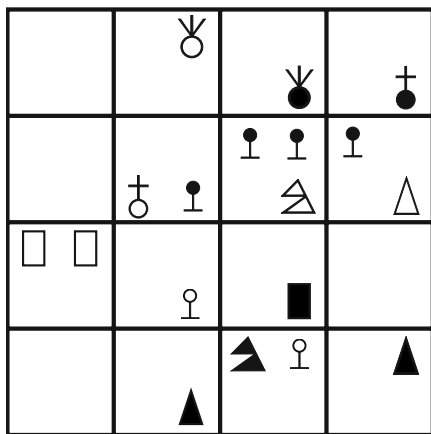
«Я окончательно убедился, — читаем мы в одном из последних писем П., — что и шар и куб являются, по существу, лишь кажущимися первичными формами. На самом деле их не существует...»

Последние полтора десятка лет жизни П. провёл в новых исканиях. Его картины заключительного периода характеризуются отказом от передачи объёма. Всё внимание сосредотачивается на попытке выразить мировосприятие через цвет. Дело осложнялось тем, что П. добивался выявления цвета без участия света и тени. Мы не помещаем в приложение репродукций картин этого периода: никакое воспроизведение не в силах передать всю прелесть живописной игры этих неповторимых полотен...

(Д. Л. Андреев, В. В. Парин, Л. Л. Раков. Новейший Плутарх: Иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времён, М., 1991)

→ 13 апреля: Новейший Плутарх, 2

МАРТ
15
четверг

Конрад Байер (1856). Мат в 9 ходов.

→ 29 апреля: Сааведра

Преподобный Герасим

На реке на Иордане
пребывают вечно с нами
кроткий лев и мудрый старец.
Занозили мы не палец.
Старче, душу излечи,
послушанью научи!
Лев златой, подай напиток
нам смирения водицы!

Кровоточит сердца рана,
бродим мы, не зная броду.
На смиренных возят воду
из святого Иордана.

*(Ольга Кушлина.
Считалки с Богом)*

→ 21 мая: Считалки с Богом, 3

время наступило не то что тяжёлое — бесконечное какое-то, сплошные разговоры в одной и той же ноюще-вопросительной тональности, как разговаривают «здесь-и-сейчас» четверо мужчин, от 30 до 40 (акмэ!), кучно сидя в тупичке широченного коридора коммунальной квартиры и пия — что за дивная деепричастная форма — «пия»! помнишь это великолепное опущение диафрагмы в конце пушкинского «...тихие слёзы лия...» — «и улыбалась ему, тихие слёзы лия...»? — и пия чай, разговаривают приглушённым разговором на виду (отчасти на слуху) многочисленных жильцов-соседей-соквартирников, попробуй посиди так на виду лет даже двадцать назад, попробуй поговори так на темы отвлечённые — завтра же все четверо, по одному окажутся в другом месте, приспособленном для другого сидения и для другого, более напряжённого, может быть,

МАРТ

16

пятница

МАРТ

17

суббота

и творческого в смысле фантастичности — диалога, но не будет разговора вчетвером, не будет предмета достойного собеседников, — это «сейчас-и-здесь» можно вечерок-другой скоротать за пустым разговором, не рискуя навсегда исчезнуть из виду, навсегда затвориться от соседей, исчезающих неслышно за дверьми своих комнат, где течёт загадочная, своя жизнь, неслышно они возникают снова, чтобы исчезнуть за дверью общей ванной, общего туалета, общей кухни, не то что тяжёлое время, конечно, и не чтобы они стали добрее за эти двадцать лет, да и нас не умудрило течение времени, просто все — и они, и мы — обмякли как-то, приустали, бесконечно тянется вяловатый разговор, истины, которые открываются через него, не будут уже оплачены жизнью и благополучием — так мизерны и робки эти истины, время вечернее, похожее на долго засыпающего ребенка, то и дело за дверьми какой-нибудь из комнат раздаётся ноюще-вопросительный тоненький голос, требовательно-зависимый голосок, тупые гаммы просеиваются сквозь музыкальное решето, разговор всё более подпадает под обаяние вопросительной интонации — жалующийся отдалённый разговор, и тупиковый не только по месту и времени, но, главное, — по теме, так сказать, — по предмету: обговаривается тупик современной прозы (русскоязычной), хотя тупик — только одна из точек зрения, крайняя, принадлежащая хозяину комнаты в конце коридора; но ему, как хозяину, позволено иметь крайние взгляды, это вроде бы одно из условий игры, где он играет роль хозяина — роль достаточно условную в условиях, мало соответствующих уровню его интеллектуально-пространственных притязаний, и в самом деле, кто может окончательно быть уверенным в том, что он — хозяин в доме своём, в доме, где живёт, в комнатке, где приходится жить, в растущей тесноте мира, когда самое время вспомнить начало послания Климента Римского, третьего папы после Петра, первые же слова звучат так: «Церковь Римская, странствующая в Ри-

ме...» — заметьте: не находящаяся, не пребывающая — но странствующая, всё равно, что сказать об уехавшей в штаты приятельнице и осевшей там: она «странствует в нью-йорке» — ага, тут-то он и возникает — образ полуголодной, измождённой женщины, с выразительными глазами и расчёпанными волосами, в джинсовом рубище, бедная, лихо радочно листает записную книжку с адресами и телефонами таких же странников, составивших странную общину, где известие о том, что кто-то получил от фонда помощи бывшим политзаключенным месячный абонемент на бесплатный проезд в метро, воспринимается как жесточайшая обида, как трещина в хрупком, яичном универсуме каждого беженца, которому русский язык — не чужой, и если язык, как говорит немецкий философ, — это дом бытия, то бытие дома, где живёт (странствует) любой из моих героев (героев? переспросите вы, ладно: пусть будет нейтральное — персонажей, фигур условно-литературных), язык их, повторяю, — вещь ещё более условная, чем разговор, который (пока пишутся эти строки) не может сдвинуться с мёртвой точки, не может набрать силу и скорость, заговорить языками человеческими и ангельскими, как не может и вдруг прерваться внезапным обрывом, молчанием, звонком телефона или в дверь, шоком от моментального сознания обрётённой истины, мхатовским выражением удивления при виде приятеля, стоящего на пороге; классическая сценка для бытового театра — человек «после-столь-долго-отсутствия» на пороге, хозяин (условно говоря) дома при дверях, в дверях, и стоит на пороге человек, о нём (пока ещё третье лицо) ни слова не произнесено, до «ты» ещё доли секунды, о нём уже полгода известно, что он то ли сидит, то ли сослан (кажется, все-таки сидит) — однако нет, вот он — здесь, не сидит и не сослан, а стоит на пороге, из горького приехал, имеется в виду город, а не писатель, но это сообразишь много позже, когда новый гость, снимая пальто, оживит замолкший разговор историей о провод-

нике общего вагона, который, закупаая водку для ночной торговли, отстал от поезда в кинешме, непонятным образом вернулся в тот же горький, как-то добрался до военного городка, там его брат служил начполитотдела в летной части, уговорили двух молодых ребят всего за пару полбанок взлететь и посадить бомбардировщик на военный аэродром под в., где он и догнал странствующее по стране место своей службы как ни в чём не бывало, никто из бригады не спохватился, думали: напился пьян и спит где-нибудь в мягком вагоне, запершись с дамой, всю оставшуюся до ленинграда дорогу не мог изжить головокружительного чувства скорости и полёта, нашел двух собутыльников, в том числе моего приятеля, показал, как нужно поднимать военный самолет в воздух и, показывая, увлёкся: ударился виском о железный угол, потекла кровь, потерял сознание, на московском вокзале вагон уже встречала медсестра с чемоданчиком и ждала у грузового лифта в начале платформы «скорая помощь» с шофёром и врачом — и когда окончательно поймёшь, что здесь никаким писателем не пахнет, окажется, что разговор перекинулся на Сахарова (только-только включено радио, повествовавшее об условиях жизни ссыльного академика в горьком) и что новый гость, будучи сослан в горький за тунеядство перед олимпиадой, попал на четверть часа к тому же Сахарову, он и раньше поговаривал о каком-то Сахарове, но разве могло прийти в голову, что подразумевался не известный московский детский писатель Сахаров, нарком и алкоголик (некоторые почему-то считают алкоголизм и наркоманию несовместимыми), буйан, клептоман и скандалист, морганатический муж любовницы вернувшегося из горького приятеля — той самой, что сейчас в нью-йорке что-то пишет о русском феминизме, что-то вроде книги в жанре новой журналистики — с документами и яркой личностью автора, а точнее, авторши, хотя присутствие женского рода в русском языке, в отличие от безродного английского, должно бы служить серьёзным ар-

гументом в пользу противников женского движения в рос-сии; пишет, кажется, по-английски, — вот что странно по-настоящему: года три назад все её попытки освоить разговорный английский были плачевны, и будто бы даже написала, только никто её (книги) не видел, не могла же она (книга), появившись, исчезнуть бесследно, как появляются и исчезают жильцы огромной квартиры, — бесследно, как исчез полгода назад приятель, только что вернувшийся из горького, и никто не знал, где он, думали: исчез навсегда, ухнув в неву с железнодорожного лифляндского моста, укатил в крым расписывать пляжную галька видами карадага, уехал спасаться от китайской войны в деревню вознесение на онеге, куда в случае чего приглашал всех нас набирающий силу писатель, набравшийся чёрных пригородных впечатлений и подозрительно русских идей в москве, во время кухонных, тайком от жены, сидений у критика кожинова и перебирания имён, когда срабатывала полускрываемая обида, как пружина, похожая на часовую, в детской игрушке — в заводном автогонщике с магнитом и специальным жестяным полем, с которого по условиям не должен был съезжать, но ездить кругами, пока не кончится завод, вокруг эмблемы олимпийских игр с кругами, всё-таки — это довольно определённая цель в тумане повседневности — возрождение русской прозы, пускай проза будет более русской, чем прозой, но здесь заманчива чёткость позиции, чего не скажешь о двойственности кожиновского собеседника: покидая гостеприимную кухню и унося в себе часть выпитой бутылки, он существовал двояко — отчасти русским, отчасти писателем и, налаживаясь примирить одно с другим, как бы проваливался в щель (отношение «автомат-монета») между литературным штампом и штампом бытового языка — нырял в зияющую расщелину и исчезал на несколько месяцев, а то и на год, чтобы снова ненароком вынырнуть, как ни в чём не бывало вытаскивая из портфеля свеженький молодёжный журнальчик со своим старым,

новонапечатанным рассказом; его рассказы были литературной записью анекдотов, бытующих в пригородах больших городов, — там жили полусельские-полугородские одичавшие люди, много и тяжело пили, часто вскрикивали: «и-эх!», толпились у привокзальных пивных ларьков, ханыжили, разливали явившийся на халяву портвейн, ночевали в холодных вагонов электропоездов, отогнанных на ночь в такие тупики, откуда ночной город виден лишь как мутный световой пузырь в низу неба, кричали, дрались, поминали сталина и американцев в неподцензурных выражениях, а в подцензурных — сталина меняли на калинина, американцев на немцев (давешних немцев — на нынешних), что ж, входящий горьковский приятель явился именно из неподцензурной версии: его, оказывается, отпустили на несколько дней в отпуск — без паспорта, с какими-то тюремными бумажками, — такое допускается, хуже было, если б он бежал сам, безо всяких бумажек, а вот он появился и вписывается в общий разговор о тупике современной прозы, разумеется, русскоязычной, но пока молчит — осваивается, потому что разговор этот в щели между двумя спецкомендатурами, в коммунальной пропасти после рабочего общежития, звучит за пределами акустической реальности, и ему приходит в голову мысль потусторонняя — что он попал на тот свет...

(Виктор Кривулин. Шмон, отрывок, 1980-е)

Лучшее из известных мне определений провинции принадлежит японскому монаху-отшельнику. Оно содержится в «Записках из кельи» и звучит так:

Я сижу в своей уединённой хижине и, кажется, наступила уже ночь. Выпив немного вина, я играю на цитре и пою. Игра моя плоха, и голос едва справляется с песней. Но что мне до того — никто ведь и не слышит меня...

В определении выдержаны все параметры, включая и самооценку. Ибо, помимо наименований, даваемых извне — будь то в форме насмешки, в форме показного или спрятанного сочувствия, да и иронии более тонкого свойства, помимо такой же встречной отповеди, провинция имеет ещё и собственное бытие-в-признанности, но как раз оно никогда не вступает в спор, поскольку это не выгодно обеим сторонам. Дело в том, что креатосфера принципиально асимметрична, и в круговороте происходящего должны быть зоны усталости и одновременно успокоенности духа. На излете Божественного творческого Выдоха энергии уже не хватает на одухотворение: её достаёт лишь на анимацию, на шевеление глины.

Но ни пространственная удалённость, ни разделение на внутреннее и внешнее не имеют никакого отношения к сути дела. Участки усталости и отдыха находятся скорее внутри — в прослойках между силовыми линиями, в окрестностях точек биения и пульсации. Есть точное русское слово для локализации полусонного царства затянувшегося Седьмого Дня — глубинка. И здесь бессилие пространственных метафор становится особенно заметным: мы говорим через запятую «глубинка», «периферия», не замечая абсурда — как если бы синонимами вдруг стали «да», «нет».

Игра на цитре и голос, едва справляющийся, доносятся оттуда, где можно собраться с силами, поскольку есть место, укрытое от непрерывной саморастраты духа, поскольку вообще есть место (пред-местье), ведь в эпицентре культуры места как такового нет, вернее, оно определяется негативно: предместья, сдвигаемые со всех сторон, уплотняют среду обитания вплоть до начала цепной реакции самореализации — сплошного производствования, не разбирающего ни дня, ни часу, ни материала. Идёт колоссальный выброс объективаций в масштабах нового, тут же синтезируемого реального времени (это время, конечно же, совершенно не реально для обитателя кельи,

так же, как и его время не реально здесь) — реактор непрерывно выдаёт тексты, оценки, котировки, фрагменты образа жизни.

Имеет значение:

1) Прочность стенок. Если нет перепадов времени, если всем всего хватает и не зияет провал провинциальности за ближайшим углом — реактор не заработает. Только Дух, истомившийся в унылых носителях, может усмотреть себе подходящего Агнца для всесожжения.

2) Бесперебойность фильтрации. Должна осуществляться непрерывная поставка сырья и топлива — подпитка. Для всесожжения требуется мощная тяга; не её ли социологи именуют тягой молодёжи в города, к очагам культуры?

3) Выброс отработанных материалов. Наверное, самая типичная причина остановки реакторов высокого синтеза — это засорение продуктами полураспада. Вышедшие в тираж авторы не желают покидать поприще, свой майдан, а условий для принудительной вентиляции не создаётся, как правило, ни в одном эпицентре.

Поэтому:

Центры событийности переходят в режим тления и угасания, хронологически гораздо более длительный, чем предшествующая взрывная стадия. Угасающие солнца ещё долго излучают тепло. Их много, гораздо больше, чем действующих. Всё так называемое массовое искусство, в т.ч. и в самом лучшем смысле, как хлеб насущный, готовится на тлеющих очагах культуры. Духовный общепит, без чего в принципе не может существовать ноосфера, ибо непосредственное приобщение к эпицентру требует такой скорости ассоциаций и интенсивности событийного времени, которые превышают нормальную человекообразность.

Центровые существуют в необычайно жёстких условиях, когда искусство творится сейчас и подается ещё горяченьким — ещё пишется Вертер, улыбка Джоконды ещё может смениться выражением отчаяния. Нет ни чужого, ни запретного, только лёгкое потрескивание уплотнённого времени взрыва. Некий способ бодрствования — им бодрствует юный красавец Шеллинг, генерирует свои проекты маэстро Африка, едва успевая сбрасывать их в объективацию, и Аркадий Драгомощенко демонстрирует мгновенный телекинез по маршруту компьютер-кафедра-Калифорния.

В чреве гудящего реактора мелодия цитры, мало сказать, слышна — она расходится в сотни резонансов, реагирует даже на пробу струны — попробуй превысить квоту ошибок — и твоя песня, начавшись здесь и сейчас, закончится в хижине отшельника — только где ж тебе взять его нехитрую самодостаточность, его глубинку...

Глубинка создаётся медленно, по мере того как остывающий очаг покрывается слоем пепла, это категория археологическая — пласты залегания, стадия куколки в длинном метаморфозе духа.

Не хочется вдаваться в социологическую аналитику смены центров по причине «усталости элит» (В. Парето) или комментировать блистательное французское *bon mot*: «Гений рождается в провинции, а умирает в Париже».

Попытаюсь вместо этого описать картинку, всплывшую из аналитического круговорота — возможно, она имеет какое-то отношение к теме.

Вот обширное царство, со многими народами, центрами торговли и роскоши. Царство как царство — царь щедр, соблюдаются какие-то законы и моральные предписания, воздаётся должное традициям; люди, как и везде, любят, ненавидят, прощают, мстят и т.д.

В глухом лесу, на самой окраине царства живёт отшельник — аскет, воспринимающий добродетель как свою

личную проблему. Жители царства, услышав о нём, только пожимают плечами: ну, допустим, святой человек — что из этого? Они, конечно, и не подозревают, что всё относительное благополучие их царства есть, в известном смысле, максима его воли.

Да и в самом деле, непросто понять, каким образом множество воинов или сравнительная точность мер и весов могут оказаться отдалёнными производными тихой праведности отшельника. Некоторое разъяснение можно обнаружить в стихотворении средневекового китайского поэта Се Лин-юня:

Одинокий дракон
Затаился в пучине морской,
но летящего лебедя крики
повсюду слышны.
Я стыжусь перед ним,
перед дерзкой его высотой,
и дракона стыжусь,
сокровенной его глубины.

(перевод Л. Бежина)

Если вдруг, в один прекрасный день, отшельник переменит свою волю и уйдёт в базарные торговцы, произойдёт малозаметная поначалу вещь: некого станет стыдиться. Небеса и глубины опустеют, исчезнет око, для которого есть смысл проецировать прекрасную видимость. И тогда благосостояние начнёт постепенно убывать: сместится в сторону открытой лжи хрупкое равновесие мер и весов, уменьшится вообще весомость всего производимого: царство придёт в упадок.

Вероятно, напоследок вспыхнут все реакторы высоко-го синтеза, по странному закону, согласно которому сре-занный бутончик розы непременно распускается перед смертью. И всё — общество, лишившееся глубин, резервуаров-накопителей духовной мощи, — обречено.

И всё — разве что отважные кочевники-номады грядущей эксцентрированной культуры порадуются изобилию роскошных цветов зла. И, задержавшись на мгновение, чтобы вдеть их себе в петлицу, помчатся дальше.

(Александр Секацкий. *На Кавказе есть гора // Митин журнал, № 51, 1994*)

О происхождении слова «ать»

В русской армии с давних времён бытовала команда «Ать, два, три!» или «Ать, два!» (вместо «Раз, два, три!» или «Раз, два!»), зафиксированная неоднократно в русской художественной литературе. Эта форма считается вульгарной, своего рода армейским просторечием, но как пережиток встречается и по сию пору.

Каким образом возникло этимологически неясное *ать* на русской почве? <...>

Ни в русском языке, ни в других славянских не видно никаких данных для возникновения этого военного жаргонизма.

Гораздо разумнее предположить, что искомое *ать* образовалось и, возможно, в ещё до-петровскую эпоху из шведской военной команды «Ett, två, tre!»

Фонетически такое заимствование совершенно прозрачно и тем более убедительно, что *ть* часто произносится как удвоенное, а это вполне соответствует шведскому *ett*, которое при команде тоже произносится с удвоением. К тому же и *а* звучит нередко как переднее, приближающееся к *е*.

Исторически происхождение *ать* из *ett* также вполне объяснимо. Северо-западная Русь (Новгород и Псков) в начале XVII века были захвачены войсками Карла IX и его преемника Густава-Адольфа. В 1611 году воевода Салтыков осадил оккупированную шведами Старую Ладугу

и предложил им сдаться на почётных условиях: шведам предоставлялся беспрепятственный выход из крепости с сохранением оружия, а желающие могли перейти на русскую службу. Шведы приняли условия Салтыкова и сдали Ладугу.

На службе у Алексея Михайлович в качестве военных инструкторов находились и шведы, и выходцы из Прибалтики. Эти последние, разумеется, знали шведский язык и, по всей вероятности, пользовались им как языком военной службы. Ведь в XVIII веке Швеция как военная держава была одной из самых мощных в Европе, и неудивительно, что порядки, принятые в шведской армии могли оказаться заразительными для других стран. В Прибалтике же влияние Швеции и шведского языка было весьма сильным.

Также велика вероятность, что шведские офицеры занимались обучением русских солдат и при Петре I. <...>

Обилие лексических заимствований в петровскую эпоху общеизвестно, они подвергались иногда переосмыслению, как это было с английским морским «yes, sir», превратившимся в русское морское «есть!»

Вполне возможно, что и *ett* — *ать* было на пути к некоему переосмыслению. Отрывистость, краткость этого слова вызывали в языковом сознании русские формы типа «глядь!», «хватъ!» или императивные инфинитивы типа «встать!», «молчать!» <...>

То, что форма *ать* фиксируется значительно позже петровской эпохи, не может служить соображением против предлагаемой здесь этимологии, ибо это форма бытовая, жаргонная, которая, разумеется, не должна была употребляться в деловой прозе XVIII века. Она появляется письменно только в художественной литературе, да и то после возникновения т.н. натуральной школы.

Жаргонность самого словатъ *ать* делает невозможной сколько-нибудь точную хронологизацию его, но как бы то

ни было, шведское происхождение этого слова является пока единственным объяснением, которое удовлетворительно исторически и абсолютно возможно фонетически.

<1972?>

(Сергей Петров)

Блаженный Павел Простой, ученик апы Антония, рассказал нашим отцам о том, как он пришёл в один монастырь, чтобы навестить братьев и принести им пользу. Поговорив друг с другом, они вошли в церковь Божью свершить положенную службу. Сказал же апа Павел: «Я смотрел на каждого из входящих, каковы их души». У него была такая благодать от Бога видеть каждого, каков он, как мы видим у другого лицо. У всех входящих лица были ясные и радостные, причём ангел каждого радовался о нём, но он увидел одного брата, всё тело которого было тёмным, а лицо мрачным и которого демоны окружали со всех сторон, удерживая его, увлекая к себе и надевая ему на лицо узду. Его святой ангел следовал за ним в отдалении, весьма опечаленный. Павел заплакал и много раз бил себя рукой в грудь, он сидел возле церкви и плакал о том, что ему открылось. Те же, кто увидел плач и скорбь старца, смутились. И они стали его уговаривать, чтобы он рассказал им всё, что видел, ибо боялись, не видит ли он недостатки их всех. Братья просили его, чтобы он пошёл с ними к службе, но он отгонял их от себя и продолжал плакать. Он сидел снаружи и громко плакал над тем, что ему открылось. Немного спустя служба кончилась, и все вышли. И вновь Павел смотрел на каждого, зная, каким он вошёл. Он увидел того, который был тёмным и мрачным, теперь, когда он выходил из церкви, тело его всё светилось и лицо было светлым. Демоны следовали за ним в отдалении, ангел же святой, сопровождавший его, радовался и веселился об этом человеке, и ликовал. Павел же радостно вскочил, бла-

гословляя Бога: «О, неизреченное человеколюбие Бога и Его благость! О, Его святое милосердие и Его безмерная благостыня!» Он взошёл вверх по высокой лестнице и возгласил громким голосом: «Придите и узрите дела Божьи, страшны они и достойны всякого удивления!..»

(Изречения египетских отцов // Книга коптов, СПб., 2017)

МАРТ

21

среда

письмо Б. Останину

вот ты купил дом, слышал я,
слышал я: кончено всё.

но вот — лес, где-то озеро,
дорога длиной в жаркий день,
дом,
у порога слепящая лужа.

Счастливы ли ты теперь?

Позовёшь ли меня пожить в нём,
когда придёт, в конце концов, осень?

<1984>

(Аркадий Драгомощенко)

МАРТ

22

четверг

Из отдельных фраз, обронённых кем-то в доме у Бергов, и нескольких эпизодов, случившихся уже на моей памяти, я запомнил, что чуравшийся гимназических сверстников дед учился ровно и безразлично, чувствуя себя в гимназии в точности так, как в детстве с деревенскими мальчишками. Зато не расставался со свистулькой, служившей ему своего рода оберегом. После окончания гимназии юноша по настоянию родителей поступил на правоведение, разумно решив, что эта специальность исключает душевную заинтересованность, а добросовестности у него хватит сполна. Равнодушно окончив университет, отбыв пять необходимых лет в должности помощника, дед сделался полноправным при-

сяжным поверенным, разобрал множество тяжб, защитил нескольких безвинных, женился и родил детей, просуществовав в состоянии сомнамбулы едва ли не половину жизни. Но однажды он вдруг проснулся — произошло это в обыкновеннейшей ситуации, когда судейский приятель, осведомлённый о тонком слухе деда, попросил сопроводить его на птичий базар для выбора ребенку подарка.

Вот там случилось то, что не укладывалось в рамки поведения уважающего себя чиновника и вообще непьющего человека, хотя всю эту историю приятель замаял при помощи нескольких ассигнаций.

Когда приятели вышли из экипажа и вошли в рынок, на них обрушился звуковой хаос: щебет, щёлканье, трели, росчерки, коленца, клёкот, свист, постукиванье, а также множество писклявых, звонких и бархатных нот, которым в языке нет названия, сливающихся воедино, перебивающих друг друга и разбегающихся. На длинных прилавках в клетках самой разной формы, громоздящихся одна на другой, прыгали, разевавая клювики, и голосили зяблики, зарянки, славки, иволги, пеночки, варакушки, дрозды, щеглы, трясогузки, канарейки, коноплянки, снегири, синицы-лазоревки... Одни птицы выводили мелодию громко, с горделивыми модуляциями, у других голоски были застенчивые, у третьих песенка напоминала короткие позывные. Приятели стояли под звенящим стеклянным куполом, о который ударялся и бледным веером рассыпался птичий грай.

«Бери зяблика, не прогадаешь», — помолчав, сказал дед и добавил: «А иволга напоминает флейту». Затем он наступил брови, склонил к плечу голову, пытаясь сосредоточиться и выделить в окружающей мелодической сумятице мотив иволги, низкий бархатный напев фиу-лиу-ли. Несколько мгновений — пока он вылавливал напев в звуковой кутерьме — выражение лица у него было напряжённым и отсутствующим. Но спустя минуту оно изменилось, сделалось растерянным, рот слегка приоткрылся, глаза на-

полнились слезами, он всплеснул ручками и выпал из времени. Теперь он с рёвом бежал по тропинке к дому, захлебываясь непонятными словами и размахивая кулачками, в одном из которых была зажата свистулька, а другим размазывая по щеке слёзы, потому, что все они вредные, вредные и плохие... это его иволга, он её поймал и может, как хочет, с нею делать... птичкам надо летать, он всё скажет маме...

Дед всплеснул руками, отскочил от приятеля, бросился к ближайшему прилавку и, схватив клетку с какой-то серой птицей, открыл дверку. Вслед за тем он принялся метаться между прилавками и судорожно распахивать дверцы клеток.

Дальнейшее светопреставление нет нужды описывать, его легко себе представить без лишних слов. Приличный господский вид спас деда от побоев, а несколько ассигнаций, вручённых пострадавшим, спасли от полиции, уладив неожиданную неприятность без её вмешательства. В экипаже, который развозил приятелей по домам, дед глубоко вздыхал и утирал кулаками глаза. Изумлённый и заинтригованный приятель решил, что случившееся скрывает какую-то семейную тайну и, оказавшись порядочным человеком, на службе не проболтался: дед продолжал добропорядочно отправлять свои обязанности в суде. Однако через несколько дней он отправился в театрик при Измайловском саде и, сговорившись с оркестрантом, купил у него флейту и стал брать уроки игры. Уроки, впрочем, он брал недолго, поскольку выказал редкие способности и спустя некоторое время в учителе нуждаться перестал. С того времени, однако, он всё больше манкировал прямыми профессиональными обязанностями, отказавшись от нескольких важных и выгодных судебных тяжб на том основании, что, ведя такого рода процессы, — утверждал он, — приходится сталкиваться с неисправимо порочными натурами, и это его глубоко огорчает. Более того, его начали ставить

в затруднительное положение такие вещи, как необходимость приходиться к элементарному логическому заключению и в соответствии с ним делать выбор и принимать решение. Он всё больше и глубже сомневался в чьих-либо неотъемлемых и незыблемых правах, включая свои собственные. Обязанность иметь твёрдое одностороннее суждение и неукоснительно следовать ему повергала деда в оторопь. Требовательный мир юридических правил стал его пугать. Он всё больше предавался музыке, наслаждаясь пребыванием в пространстве, не ведающем диктата сухой логики и бесстрастного закона, хотя и там, в пространстве музыки, царствуют логика и закон, но иные: божественные, ликующие, совпадающие с дыханием свободы.

Он отказался от должности присяжного поверенного, согласившись занять освободившееся в это время место нотариуса, и некоторое время с относительным успехом делил занятия на реальные, имея в виду занятия музыкой, и сомнамбулические, имея в виду всё остальное. Но недолго, потому что постепенно нотариальные дела тоже стали его тяготить. Он мог, например, взять и не явиться в присутствие из-за того, что фиксация смерти была актом, побуждавшим его к бесконечному размышлению, а препирательства родственников из-за наследства производили на него неприятное впечатление. От естественных родительских обязанностей он тоже стал отстраняться, хотя никакого умысла на этот счет не имел: просто он стал забывать, например, в каком классе учится младший сын и что старшая дочка недавно вышла замуж. <...>

В итоге дед, обладающий небольшим состоянием, которое он считал достаточным для существования семьи, устроился в маленький любительский оркестр старинной музыки. Вероятно, эту последнюю недолгую часть его жизни можно назвать абсолютно счастливой. На лице у деда постоянно блуждала неопределённая и отчасти загадочная

улыбка, которая его не покидала, даже если ему говорили о том, что на улице пасмурно и нужно на прогулку захватить зонтик. Однажды из счастливой улыбки на дедовском лице уличный городской вывел заключение, что он выпил лишку, и вежливо помог ему добраться до дома. Иногда дед заказывал экипаж и уезжал на побережье залива слушать истошные крики чаек. В одиночестве, с той же блуждающей улыбкой он сидел в плетёном кресле на берегу, оперев голову о руку и озирая серо-сизые плоскости берега и воды и неровные горизонталы мысов на флангах. Трудно сказать, имелись ли у него в эти минуты какие-нибудь доставлявшие ему удовольствие отчётливые мысли, но то, что в душе у него звучало тихое блаженство, которое, возможно, как-то соотносилось с исполняемыми им на флейте мелодиями, не вызывало сомнений. Не вызывало сомнений и то, что узел должен был неким непредсказуемым образом развязаться, и ждать этого осталось недолго. Так вскоре и случилось: в один прекрасный день, когда по каким-то причинам репетиционная зала оказалась занятой декорациями и репетировать не было никакой возможности — дед отправился домой и занимался у себя в кабинете. Там практикуя безбрежное счастье и усердствуя в стремлении к совершенству, он не соблюл меру — флейтиста нашли на полу в состоянии забвения всего и вся. Его привели в чувство, но из своих эмпириев он уже больше не возвращался.

(Вера Резник. Флейта)

Представление поэзии Александра Горнона в Доме учёных в Лесном

<...>

Уважаемая публика, после упомянутых мной «живой культуры» и «живой философии» в связи с творческой лабораторией «Поэтическая функция» вас вряд ли удивит появление

перед вами живого поэта Александра Горнона и мои восторженные слова о нём.

По-видимому, определение «живой» вообще следует использовать как своеобразный пароль или метку — по крайней мере во времена нарастающего пассаизма и эклектики, когда главным орудием литератора оказываются ножницы и клей, коллаж становится важнейшим способом организации «своего» произведения, робкое ученичество приравнивают к мастерству, а плагиат провозглашают законным художественным приёмом. Соблазняющие и расслабляющие творческую личность теории постмодернизма звучат порой столь убедительно, что подчиняют себе публику — но это до тех пор, пока она не столкнётся со столь неординарным и масштабным явлением, как, например, поэзия Александра Горнона. Её живое и деятельное присутствие, её фантастически самобытный облик напрочь разносят теории эклектики, согласно которым современный литератор, изнемогающий под бременем эрудиции и массовой культуры, способен разве что на механическое, пусть порой и искусное соединение чужих стилей, на вторичный (иронически или агрессивно составленный) коллаж.

Мне известно несколько случаев, когда поражённые стихами Горнона критики активно принимались за их аналитический разбор, но так и не могли довести его до конца. Отчасти это свидетельствует о слабости литературной теории и критики, которые до сих пор не выработали достаточно богатого языка описаний и разнообразного арсенала методов, но больше — о самом Александре Горноне, чьё поэтическое творчество стремительно выпадает за пределы формального литературного анализа. Сейчас вы сами услышите, что он делает с языком, как превращает слова — первейший материал и орудие поэтического строительства — из мёртвых кирпичей в живые, подвижные, одухотворённые существа.

Ничуть не собираясь восполнять усилия аналитиков, но единственно из желания подсказать слушателям одно из возможных направлений слушания поэзии Горнона, произнесу несколько слов об используемом им приёме *расщепления* и последующего *уплотнения* речевого потока или, правильнее сказать, расплетания/сплетания словесных нитей в сеть.

Тому, кто изучал иностранный язык, известно, что на первом этапе знакомства с чужой устной речью главная проблема — научиться членить непрерывный речевой поток *на фрагменты* (такие, как слова и слоги), быстро и не задумываясь определять грани словоразделов, автоматически разбивать поток слышимой речи на дискретные части, что и позволяет восстанавливать целое речи по её фрагментам и понимать её.

Поэзия Горнона устроена таким образом, что описанное определение словоразделов, разбиение речевого потока на части и последующее восстановление целого не удаётся слушателю ни быстро, ни автоматически, ни однозначно...

Звучащий текст Горнона побуждает слушателя членить его на звуко-смысловые фрагменты не одним-единственным, а сразу несколькими способами. Иначе говоря, речевой поток *полиартикулируется*, расщепляется на несколько рядов, причём разными слушателями нередко по-разному. Эта (не единственная) особенность поэтики Горнона открывает в языке и поэзии неординарные, «неклассические» возможности.

Приведу простейший пример: «грим массы»; более сложные вскоре предложит сам поэт. Линейный звуковой поток расщепляется на ряды с разными звуко-смысловыми (фоносемантическими) единицами, которые воспринимаются как бы мгновенно, все сразу и к тому же в сложных сетевых взаимодействиях — как в целом, так и по частям (по принципу контраста, дополнения, развития и т.п.). Всё это приводит к тому, что процесс слушания резко убыстряется, обгоняя речевой поток: сознание и подсознание пробегает по звуковому ряду сразу в нескольких ветвящихся направлениях, превращая слуховое восприятие в изощрённое перемещение по слоистой звуко-пространственной сети. В этом, к слову сказать, причина того, почему поэзия Горнона — явление не только звуковое, но и провоцирующее на нестандартное размещение в пространстве листа, над чем автор сейчас активно работает.

И в звуке, и в записи в поэзии Горнона возникает эффект перетекания слов, «ноздреватой» строки, эластичных границ, мерцающего смысла — слово, которое мы привыкли воспринимать в жёстко фиксированных границах, как будто оно кристалл, перестаёт быть таковым, обретает витальность и спо-

способность к биоморфной жизни: оно оживает, расщепляется, распадается, снова собирается, расплавляется, пульсирует и пр. Это происходит не только за счёт динамизации слово-разделов и общего энергетического подъёма, но и благодаря «объёмности» отдельных звуков: в русском языке многие согласные и безударные гласные воспринимаются не однозначно, а как *поле звуков*, что позволяет им стать дополнительными точками расщепления речевого потока, узлами ветвления звуко смыслов.

Феномен многосмыслия (фоносемантики) стихотворной строки — явление, укоренённое в культурной традиции, как и феномен её многозвучия (полифонии), причём реализуются они самыми разными способами, в связи с чем упомяну хотя бы четыре смысловых поля библейских текстов: буквальное, символическое, моральное и провиденциальное. Особую роль «двусмысленность» и «игра слов» играют в комическом, которое возникает из-за как минимум двойного понимания текста: первое — с отсылкой к высокому или нейтральному, дозволенному, второе — к низовому, неприличному, запретному.

В отличие от поэтов-концептуалистов, которые ориентируются преимущественно на комические и сатирические эффекты, возникающие при расщеплении и новом слиянии словоряда, Александр Горнон осуществляет мощный поэтический *синтез*, замечательным и непростым образом уравновешивая в своей поэзии торжественное и игровое, священное и низкое, вечное и злободневное, волновое и дискретное, энергетическое и логическое. Поэт развивает упомянутые мной две традиции (и многие иные) «множественного» стихосложения, обогащая их великолепными звуко смысловыми находками и изобретениями, созидая свою небывалую поэтику. Речь идёт именно о *новой, полифоносемантической поэтике*. Сочинять отдельные двусмысленные строки, нацеленные на комический эффект, не так уж трудно, как нетрудно, допустим, профану извлечь на рояле несколько случайных аккордов... Однако создание полноценной поэтической композиции с многообразными связями частей, с полнокровной образно-поэтической системой, с уникальной внутренней музыкой, со стихийной жизнью стиха удаётся лишь подлинному мастеру. Сейчас

мы его услышим, сейчас рассыплемся во всех направлениях по эксцентрическим словесно-звуковым лабиринтам Александра Горнона.

<1987?>

→ 27 марта: Горнон, 2

МАРТ

24

суббота

Как бережно отпаривают марку,
снимается с Днепра бумажный лёд.
Переводной картинкой каждый год
мне кажутся метаморфозы марта.

И как всегда, нисколько не иначе,
церква кристаллизуется из снов.
Вся первый приз, она в балетной пачке
белилами запачканных лесов.

Магнитная, серьёзная вода,
в ней полнота немых книгохранилищ,
в ней провода запущенных удилиц
и тронного мерцанья правота.

Опять причал колотит молотком
по баржам — по запаянным вселенным,
и звук заходит в воду босиком
и отплывает брассом постепенно.

(Алексей Парциков, 1973)

Бумажные тигры

Т

Согласно одному из английских советников, Махараджа Рева предпочитал свой особенный способ охоты на тигров:

МАРТ

25

воскресенье

«Он утверждал, что для тигриной охоты ему нужна лишь обезьяна на длинной веревке да какая-нибудь интересная книжка. Забираешься, мол, на махан (специально устроенный помост на дереве), отпускаешь обезьяну, которая тут же скрывается в ветвях, и спокойно читаешь свою книгу. Только приближается какой-нибудь тигр, обезьяна принимается кашлять — это у неё особый такой обезьяний знак, по которому обитатели джунглей сразу узнают о приближении „Шер-Хана“. И вот тогда Его Высочество быстро кладёт книгу в сторону и берёт в руки ружье».

Перелистнул страницу — а перед тобой тигр.

У

Бергассе, 19; 10 марта 1933 года. Х. Д., одна из последних пациенток Фрейда, так рассказывала о своих сеансах с профессором:

«Как только я представляю себе какого-нибудь тигра, меня одолевают странные мысли. Что если я сама — тигр? А ну как этот тигр на кого набросится? Вдруг он нападет на старого, слабого, беззащитного профессора? И вообще, пугает ли меня мой собственный страх, или таящийся во мне „зверь“ в самом деле способен убить его? Как-то под видом давнишней детской фантазии я рассказала ему обо всём этом. Что, мол, будет, если он возьмёт и явится во плоти? „У меня есть защитница“, — ответил профессор и указал на Иоффи, маленькую львицу, свернувшуюся у его ног».

И несколько дней спустя:

«Я вновь говорила с профессором про игрушечных зверей, и он вспомнил о моих тигриных фантазиях. Нет ли какой-нибудь истории, которая называлась бы как-нибудь вроде „Женщина и тигр“? И я сразу вспомнила: „Женщина или тигр“».

G

Некий царь придумал странную процедуру суда. Обвиняемый выходил перед всем народом на арену и должен был открыть одну из двух совершенно одинаковых дверей.

За одной сидел тигр, готовый тут же пожрать подсудимого, устанавливая таким образом, что тот виновен. За другой скрывалась женщина, «подобающая ему возрастом и положением», которую он немедленно получал в жены в награду за свою невиновность. (И не имеет никакого значения, женат ли он, содержит ли семью, или сердце его принадлежит другой; царь и мысли не допускал, что подобные пустяки могут помешать претворению в жизнь его великой идеи о сущности награды и воздаяния). Итак, обвиняемый готов был «открыть любую из дверей, совершенно не представляя, что ждёт его через мгновение: кровожадная пасть тигра или объятия новоявленной супруги».

Как и следовало ожидать, у царя была дочь, которая, конечно же, однажды полюбила красивого простолюдина. Прослышав об этом, царь повелел отправить преступного юношу на ту самую арену. За одной дверью его, как водится, поджидал тигр, свирепейший из всех тигров, что бродят по лесам страны, а за другой — девушка, красота которой могла бы поспорить с красотой самой принцессы.

Перед самым испытанием принцессе хитростью удалось разузнать, что именно таилось за одной и за другой дверью; когда юноша вышел на арену, она незаметно махнула ему правой рукой. И тогда он, не колеблясь, открыл правую дверь... Но вот вопрос: какое зрелище сильнее могло огорчить «полудикарскую принцессу с горячей кровью»: возлюбленный, на куски разорванный тигром, или он же — но живой и в объятиях женщины, быть может, ещё привлекательней, чем она сама? Что означал её знак? Или, как говорится в конце рассказа: «Кто появился в распахнутой двери, женщина или тигр?»

Е

«Женщина или тигр?» — этот рассказ Фрэнка Стоктона был напечатан в 1882 году в «Сентчури мэгэзин» и скоро завладел умами читателей во всём мире. В то время литературные произведения с неопределённой концовкой ещё не вошли в моду и раздражали публику, и потому последние

20 лет жизни читатели порядком донимали Стоктона с вариантами завершения истории, а иногда и с угрозами. Например, в 1896 году сан-францисская газета «Уэйв» сообщила, как однажды пошутил с ним Редьярд Киплинг: шутка его, впрочем, несколько смахивала на остроты какого-нибудь восточного деспота.

Стоктон и Киплинг как-то встретились на литературном вечере. После обмена приветствиями Стоктон сказал: «Кстати, Киплинг, я ведь тоже собираюсь как-нибудь побывать в Индии», — на что г-н Киплинг с подозрительной теплотой в голосе отвечал: «Милости просим, старина! Мы все с нетерпением ждём вас! А знаете, что будет с вами там, вдали от родных и друзей? Прежде всего мы заманим вас в джунгли, изловим и крепко свяжем — тут нам помогут верные слуги-индусы. Ну а потом бросим под ноги самому огромному, какой у нас найдётся, слону и велим, чтобы он наступил вам на голову, а когда он уже занесёт свою ногу, сладчайшим голосом я скажу вот что: „Ну, Стоктон, так кто же всё-таки там был, женщина или тигр?..“ <...>

R

<...>

В Европе первое письменное сообщение о тиграх появилось в связи с подарком, преподнесённым ещё Селевкы I (312–280 гг. до н.э.) (Правда, Александру Македонскому наверняка попадались тигры где-нибудь в Персии). В латинской поэзии слово *tigris* — женского рода (его основное значение — «стрела» — использовалось как сравнение в описаниях быстрых движений животных или течения реки). В древнеримском искусстве изображали обычно не тигра, а тигрицу. В паре с ней, как правило, мы находим льва (вспомним «львицу» Фрейда Иоффи, охранявшую его от нападения тигра Х. Д.). В повозку Вакха запряжена именно такая пара.

(Элиот Уайнбергер, Бумажные тигры // Митин журнал, № 47–48, 1992, отрывок, с изменениями)

Он <Мартов> происходил из зажиточного одесского семейства Цедербаумов. Когда ему было 3 года, в Одессе произошёл погром. Он был остановлен и не дошёл до их дома. Но, вспоминая, Мартов пишет:

«Был ли бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жалости заботливо сохранить спасительную ненависть».

Здесь приоткрывается совсем новый фактор. Мы всегда считали, что революционерами двигала «любовь к народу», как бы своеобразно она ни понималась; наконец, стремление воплотить в жизнь социалистическую утопию. Но оказывается, одним из стимулов была ещё «спасительная ненависть»; у одного ли Мартова? Очевидно, были какие-то причины, делавшие притягательным непосредственное, личное участие в ЧК, расстреле царской семьи, преследованиях православной церкви, несмотря на опасность навсегда посеять вражду между своим народом и основной массой населения.

В «Дневнике писателя» Достоевский говорит:

«...мне иногда входила в голову фантазия: ну что, если б это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов — ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им свободно сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди них свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того: не содрали бы кожу совсем? Не избивали бы дотла, до окончательного истребления, как дельвали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?»

(Игорь Шафаревич. Трёхтысячелетняя загадка, 2002)

→ 3 июня: Шафаревич, 2

Попяток-всё-таки-пяточек
Попяток-всё-таки-пяточек
Попяток-всё-таки-пяточек
Попяток-всё-таки-пяточек
<звучит на протяжении
всего стихотворения>

В день трав ли гав
В на су ка пнём
Ломая Ваньку надо гнём
Стал па па рим
Без права лочек
Все я ма сква жена
И с-точник
Рус-и-грек сплав
Итиль сырём

Бежим-на-во-да во-да-ём

Прёт сквозь няка
До б ра ка ре та
Легко во в се ребро одето
уПряжки ходики конём

Бежим-на-во-да во-да-ём

И клялся год что будет гадом
Большой дур дом заходит за дом
Блед вали дол га с бабылём

Бежим-на-во-да во-да-ём

Лик без греха всё за мали на
Земле пологой гор былина
И гол ка роль
Но с коро лём

Бежим-на-во-да во-да-ём

И кажет нам при по на рошки
И дут ка пилкам изо кошки
Рос кос мос сква кшами подъём

Бежим-на-во-да во-да-ём

Не досчитать
Во т руб до копу
Таймень шинство
Спасай Европу!
Али ба ба юшки поём

Бежим-на-во-да во-да-ём

Взял три из бук в
И те ма мая
И крови ват! манн гол у бая
Поп арт обстре лом пасху ём

Бежим-на-во-да во-да-ём.

(Александр Горнон, 1989)

В былые годы в Малороссии существовали странствующие поэты, которые проживали в домах богатых панов и оживляли семейные празднества своими импровизациями. В XVIII веке по Малороссии в каникулярное время расхаживали киевские студенты и представляли духовные драмы, бандуристы распевали возле церквей духовные гимны, а на площадях и в домах — думы (род баллад) и патриотические песни. Из всего этого не осталось теперь и следа, но у русских помещиков ещё в начале XIX столетия проживали в подмосковных и в приволжских усадьбах домашние поэты и сочинители, которые в дни тезоименитств своих помещиков писали на эти торжества вирши, сочиняли пьесы, шарады в лицах и т.д. Из таких дворовых сочинителей известны по оставленным или печатным трудам Матинский,

дворовый человек графа Разумовского, и Вроблевский, таковой же крепостной графа Шереметева; первый из них написал комическую оперу «Петербургский Гостиный двор», которая долго не сходила с репертуара; второй известен также, помимо театральных пьес, многими учёными переводами с немецкого и других языков.

В старину поэзия и бедность были почти синонимы, и многие такие прислужники или жрецы Аполлона ходили по линиям Гостиного и Апраксина двора в рубище, в дырявых сапогах, по лавкам, подавая каждому встречному чётко написанный акростих, в довольно звучных стихах, начальные буквы которого воспроизводили фамилию поэта, а остальные гласили, что автору нужны сапоги и кусок хлеба.

(Михаил Пыляев. Замечательные чудачки и оригиналы)

→ 21 апреля: Пыляев, 3

На этих страницах упоминается дневник семерых матросов, в 1633 году зимовавших на небольшом острове Святого Маврикия в Северном Ледовитом океане. «Гренландское общество» Голландии высадило их там с их согласия для изучения арктической зимы и полярной астрономии. Летом 1634 года, когда китобойная флотилия возвращалась обратно, на острове был обнаружен дневник и семь бездыханных тел.

Одновременно с этим эпизодом в другой части планеты вновь вспыхнул великий спор о свободе воли. Спор, который в своё время затеяли Лютер с Эразмом и который, вслед за теологическим, неизбежно повлек за собой и политико-территориальное размежевание. В 1634 году в Эгере был убит Валленштейн — наступил момент некоторого замедления. Смерть же Колиньи в 1572 году, напротив, представляется нам упрощением и ускорением развития в рамках описываемой картины.

Мы судим так потому, что в централизованном государстве со всеми типичными для него чертами обычно усматриваем цель, которой мировой дух стремится достичь посредством искусных ходов. А посему триумф Ришелье и Кромвеля кажется нам исполненным смысла, тогда как крушение Валленштейна предваряет эру второстепенных и третьестепенных государств.

Но кому вообще известны истинные величины истории и оборотная сторона тех медалей, которые чеканит сознание? Кто знает, что потеряла Франция в Варфоломеевскую ночь и что на самом деле предотвратила несчастливая звезда Валленштейна? Однако всё это — не более чем досужее мудрствование, коему предаешься, сидя у камина или коротая время в часы бессонницы. Зачастую мы переоцениваем значение политических фигур и отдельных шахматных ходов.

За сто лет до того как люди, умирая от цинги, вели на Святом Маврикии свой дневник, Коперник сделал набросок новой космографии. Вполне справедливо, что даты подобного рода кажутся людям важнее, нежели даты истории государств и войн. Ведь они к тому же сопряжены с несравненно более серьёзной опасностью. В 1633 году престарелый Галилей предстал перед судом инквизиции. Приписываемая ему знаменитая фраза «E pur si muove» относится к числу наших судьбоносных изречений; видно, как крепко разум держится последнего слова.

Между тем мы постепенно свыклись с мыслью, что обитаем на некоем шаре, со скоростью пули несущемся в глубинах пространств навстречу космическим вихрям. Уже во времена Рембо быстрота езды превосходит всякое воображение. И любой антикоперниканский ум, пытаясь осмыслить ситуацию, в какой-то момент понимает, что неизмеримо проще наращивать движение, нежели снова вернуться к спокойному следованию. На этом зиждется преимущество нигилиста перед всеми остальными. Тем же объясняется и крайняя рискованность намечающихся в наши дни теоло-

гических акций. Существует предел скорости, за которым все покоящиеся предметы становятся со своей стороны угрожающими и приобретают форму снаряда. В арабской сказке достаточно упоминания Аллаха, чтобы, словно звездой, испепелить летящих демонов.

<...>

Те семь матросов уже являются персонажами коперниканской вселенной, для которой, кроме всего прочего, характерно стремление к полюсам. Их дневник — это новая литература, а её главный отличительный признак — отделение мысли от объекта, автора от мира. Отсюда следует изобилие открытий. Неотъемлемая часть этого мира — добросовестное наблюдение, крепкое сознание, одиночество и, наконец, боль.

Со времени того, первого, при умерших было найдено и опубликовано посмертно множество подобных дневников. Живущие ныне тоже дают возможность познакомиться со своими записками; со времен *diners chez Magny* с этим больше не связано никакого риска. Дневниковый характер становится скорее отличительной приметой литературы. Причин тому много, и вышеупомянутая скорость — не самая последняя. Восприятие, разнообразие оттенков могут усиливаться до такой степени, что — как хорошо видно на примере современной живописи — грозят разрушить всякую форму. В противоположность этому дневник как литературный жанр является оптимальным средством. А в тотальном государстве он, по существу, остается последним из возможных способов диалога.

Даже в философском отношении ситуация становится опасной, когда сочинение в чём-то уподобляется вахтенному журналу. «Воля к власти» — первый и наиболее яркий пример. Это заметки, сделанные во время путешествия по морю: они позволяют заглянуть в пучины Мальстрёма, откуда внезапно всплывают чудовища. Мы видим штурмана: он следит за приборами, которые постепенно раскаляются,

он обдумывает курс и свою цель. Он изучает возможные пути, крайние маршруты, на которых практический ум должен потерпеть крушение. Духовное осознание катастрофы более страшно, нежели реальные ужасы огненного мира. Пойти на риск готовы лишь самые отважные, крепкие умы, они доросли до масштабов события, но ещё не знают, какой груз придётся взвалить на плечи. Так была сломлена судьба Ницше, бросать камни в которого считается сегодня хорошим тоном. После землетрясения разбирают сейсмографы. Но не стоит наказывать барометр за тайфуны, если не хочешь быть причисленным к дикарям.

По, Мелвилл, Гёльдерлин, Токвиль, Достоевский, Буркхардт, Ницше, Рембо, Конрад часто оживают на этих страницах в роли авгуров Мальстрёма, бездны, затягивающей нас в свою пучину. К числу сих недюжинных умов относятся также Леон Блуа и Киркегор. Они предвидели катастрофу до мельчайших подробностей. Их иероглифические тексты зачастую казались нам непонятными, а до некоторых из них мы как читатели созрели только сегодня. Они подобны транспарантам, надпись на которых проступает лишь в огненном зареве нового мира.

<1942>

(Эрнст Юнгер. Сады и дороги, М., 2008)

МАРТ

30

вторник

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon cœur
D'une langueur
Monotone.

Tout suffocant
Et blême, quand
Sonne l'heure,

Je me souviens
Des jours anciens
Et je pleure;

Et je m'en vais
Au vent mauvais
Qui m'emporte
Deçà, delà,
Pareil à la
Feuille morte.

*(Поль Верлен,
Осенняя песня)*

Следы одного

После смерти человек встречается с Богом и спрашивает: — Боже, почему ты так часто оставлял меня одного?

Бог показывает человеку его жизненный путь: — Видишь, на песке следы двоих — это я шёл рядом с тобой.

Человек (с упрёком): — А вот тут следы одного!

Бог: — Так это я нёс тебя на руках!

(Хасидская притча)

АПРЕЛЬ

Советские цены

1 коп. коробок спичек, стакан газированной воды без сиропа, газета «Пионерская правда», карандаш, кусок хлеба в столовой

2 коп. разговор по телефону-автомату, газета

3 коп. стакан газированной воды с сиропом, проезд в трамвае, стакан чая в кафе, карандаш с ластиком, пулька в тире

4 коп. проезд в троллейбусе, электроэнергия за 1 квт/час, пирожок с ливером

5 коп. проезд в метро и автобусе, пирожок с повидлом, шарик для настольного тенниса, зубной порошок «Мятный»

5–10 коп. соль 1 кг, стакан семечек подсолнуха

6 коп. почтовая открытка, котлеты на развес за 1 шт., рогалик, бублик с маком, витамин С

7 коп. фруктовое мороженое в бумажной стаканчике, стрижка «под ноль», салат в столовой, французская булочка

8 коп. тульский пряник, блокнот, плюшка с повидлом или маком

9 коп. пирожок с картошкой в столовой, треугольник школьный пластмассовый

10 коп. стакан томатного сока, бутерброд с варёной колбасой в столовой, билет в кино на детский сеанс, картофель 1 кг, проезд в такси за 1 км (до 1973 г.), пачка табака, пуговица для школьной формы, плитка гематогена, горчичники

11 коп. беляш с мясом в столовой, «Литературная газета», сантиметр хозяйственный, тетрадь для нот, мороженое «Эскимо»

12 коп. морковь 1 кг, мыло детское, пустая водочная бутылка 0,5 л., полстакана сметаны в столовой

- 13 коп.** яйцо куриное, батон
- 14 коп.** коктейль молочный, сигареты «Прима»
- 15 коп.** арбуз за 1 кг, стакан виноградного сока, пустая бутылка из-под молока
- 16 коп.** мука 1 кг, треугольный пакет молока 0,5 л., чёрный хлеб, сигареты «Астра», шило, чебурек, кекс с изюмом в столовой
- 17 коп.** батарейка «Элемент 373», пустая бутылка из-под вина 0,7 л., новогодняя открытка с конвертом
- 18 коп.** свечи бенгальские (10 шт.)
- 19 коп.** мороженое «Пломбир» в стаканчике
- 20 коп.** проезд в такси за 1 км (с 1973 г.), школьный завтрак без первого, прищепка, мухобойка, сигареты «Дымок», пустая бутылка из-под шампанского
- 22 коп.** мороженое «Ленинградское», пирожное «Корзиночка», «Песочное», «Картошка», бутылка пива «Жигулёвское» 0,5 л., кружка пива, папиросы «Беломорканал»
- 23 коп.** сыр плавленый «Дружба» 100 г.
- 24 коп.** бутылка уксуса 0,5 л.
- 25 коп.** батон («нарезной»), стакан сметаны в столовой, сигареты «Астра»
- 25–50 коп.** билет в кино
- 26 коп.** пачка маргарина, набор швейных иголок (30 шт.), перловка 1 кг
- 27 коп.** консервный нож с деревянной ручкой
- 28 коп.** бутылка молока 0,5 л.
- 30 коп.** бензин А-76 1 л. (с 1981 г.), кефир 0,5 л., школьный обед (первое, второе, третье, булочка), фотозакрепитель, билет денежно-вещевой лотереи, мыльница, краски школьные оформительские (сухие, 8 цветов)
- 31 коп.** лампочка
- 33 коп.** килька в томатном соусе
- 35 коп.** кружка пива 0,5 л., расческа пластмассовая, маникюр, фотоплёнка (36 снимков, ч/б)
- 40 коп.** бензин АИ-93 1 л. (с 1981 г.), пачка сигарет «Космос», набор швейных игл, мужская стрижка, рис 1 кг
- 41 коп.** розетка электрическая круглая
- 45 коп.** майонез «Провансаль» в стеклянной банке

46 коп. бутылка молока 1 л., гречка 1 кг

48 коп. мороженое «Гломбир»

50 коп. комплексный обед в столовой, тюльпан на рынке, билет денежно-вещевой лотереи, сигареты «Аполлон», пла-
стилин детский (12 цветов), кисточка для рисования

51 коп. альбом для рисования

55 коп. банка сгущённого молока, пионерский галстук
(100×30, 1 сорт)

60 коп. пачка сигарет «Столичные», диафильм, обед
в студенческой столовой, спичечная коробка мотыля

65 коп. катушка для намотки магнитной ленты, ножницы

70 коп. пачка сигарет «Космос»

80 коп. записная книжка (средняя), сковородка чугунная

85 коп. раскладной нож «Минск»

90 коп. крепления для лыж, шоколад «Алёнка», полотенце
махровое для рук, носки мужские, сахар-песок 1 кг (1-й сорт),
яйцо куриное 10 шт. (1-й категории), линейка логарифмическая
(малая, 12,5 см.)

94 коп. сахар-песок 1 кг (высший сорт)

98 коп. самоучитель игры на фортепиано, набор спиц для
вязания

99 коп. домино

(Известно от Бардаковского)

→ 13 мая: Советские цены, 2

Призывание Духа Святого на всякое доброе дело

Царю Небесный, Утешителю, Душе истины,
иже везде сый и вся исполняй,
Сокровище благих и жизни Подателю,
прииди и вселися в ны,
и очисти ны от всякия скверны,
и спаси, Блаже, души наша.

Пётр

Скажу, что между камнем и водой
червяк есть промежуток жути. Кроме —
червяк — отрезок времени и крови.
Не тонет нож, как тонет голос мой.

А вешний воздух скроен без гвоздя,
и пыль скрутив в горящие девятки,
как честь чужую бросит на лопатки,
прицельным духом своды обведя.

Мария! пятен нету на тебе,
меня ж давно литая студит ересь,
и я на крест дарённый не надеюсь,
а вознесусь, как копать по трубе.

Крик петушиный виснет, как серьга
тяжёлая, внезапная. Играют
костры на грубых лирах. Замолкают
кружки старух и воинов стога.

Что обсуждали пять минут назад?
Зачем случайной медью похвалялись,
зачем в медведей чёрных обращались
и вверх чадающим зеркалом летят?

(Алексей Парщиков)

СПРАВКА

Тов. Останин Борис Владимирович командирован Ассоциацией за экологию культуры в Польшу, Данию, ГДР, ФРГ сроком на 40 дней с 20.7.90 г. в качестве участника регаты за культуру, экологию и мир.

<...>

АПРЕЛЬ

3

вторник

АПРЕЛЬ

4

среда

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1964–1970 Студент Ленинградского государственн. университета, мат.-мех. факультет

1970–1971 Ст. научно-техн. сотрудник Лен. отд. Института истории, естествознания и техники АН СССР

1971–1972 Ст. инженер лаборатории содержания обучения средних ПТУ ВНИИ профессионально-технического обучения

1972 Ст. инженер экономического фак. ЛГУ

1973–1974 Приёмщик заказов производ. объединения «Невские зори»

1974 Ст. инженер НИИ комплексных социальных исследований

1974–1975 Кочегар хозкомбината Ленэнерго

1975–1979 Оператор по обслуживанию лифтов треста «Лифтремонтаж»

1979–1981 Начальник караула в Отделе вневедомственной охраны при УВД Василеостровского райисполкома

1981–1983 Аппаратчик химводоочистки ДФК «Петроградце» Управления спортивных сооружений

1983 Хлоратор спорткомплекса 1-го Лен. Медицинского института

1983–1988 Оператор газофицир. котельной Лен. машиностроительного завода

1988 Кочегар Лен. ветеринарного института

1988–1989 Оператор газовой котельной НПО «Лотос»

1989 Оператор котельной кооператива «Вест»

1990 Главный редактор редакционно-производственного отдела кооператива «Обертон»

Медицинских противопоказаний для выезда в Польшу, Данию, ГДР, ФРГ не имеет.

Снова весна.
Приходит новая глупость
Старой на смену.

(Исса)

АПРЕЛЬ

5

четверг

Книгу Бориса Останина «Пунктиры» (издательство Ивана Лимбаха, СПб., 2000) я читал всю неделю напролёт. Вот так она меня захватила. Ложась спать, я прятал «Пунктиры» под подушкой, и она мне снилась. Так что и во сне я с этой книгой не расставался.

«Пунктиры» — произведение необычное. Это книга, пришедшая к нам из небытия. Не совсем чтобы из небытия, а из прошлого. Теперь уже из легендарных 70-х. В то время молодой Борис Останин вёл что-то вроде дневника. В какие-то свои тетради или блокноты Борис Останин записывал мысли, наблюдения, ощущения. Совершенно беспорядочно и вне всякой системы. Предполагалось, что из этих фрагментов со временем что-нибудь получится. Скажем, возьмёт Останин какую-то особенно парадоксальную мысль и разовьёт до размеров философского трактата или поэтического эссе. Но шли годы, «Пунктиры» множились, копились. И было совершенно непонятно, что с ними делать.

Посудите сами, какой прок, например, от такой мысли Бориса Останина, сочинённой им в далёком 1974 году: «Китайцы едят мирными бамбуковыми палочками, европейцы и за обеденным столом устраивают сражения (нож, вилка)». Не совсем понятно, что делать и вот с этой останинской фразой: «Не использую ли я свою лень для сокрытия внутреннего беспокойства?» И уж совсем трудно совладать с таким «пунктиром»: «Камень, Бог, человек — явления одного порядка».

Между прочим, эти мысли радуют своей вневременностью. Можно даже сказать, что долгие годы непечатания не повредили «Пунктирам». А даже наоборот, за четверть века

АПРЕЛЬ

6

пятница

мысли Бориса Останина набрали вес, стали солиднее, мудрее. Теперь «Пунктиры» — это единый цикл, своеобразная «книга перемен». И увековечивает она не время, не эпоху (и уж тем более не строительство социализма), а изменчивость духа. Его волнения и капризы. Лабиринты мышления, тупики воображения. И прыжки парадоксов. «Пунктиры» — это что-то калейдоскопическое, только вместо разноцветных стёклышек автор использует категории, понятия, субстанции. Практически всё, что попадает в промежуток между Вселенной и атомом. А порою заглядывает Борис Останин и туда, куда и заглянуть-то страшно. <...>

Книга Бориса Останина не так уж и велика по объёму (176 страниц). Но это почти 1300 «пунктиров». Каждый волен выбирать из них прямые «пунктиры» или извилистые. Прямота пунктира — это не прямота азбуки Морзе. «Пунктиры» Бориса Останина всё-таки больше похожи на спиралевидные шурупы. Между прочим, в голову они «закручиваются» сами. Без помощи отвёртки.

Особое очарование книге «Пунктиры» придают рисунки художника Бориса Свешникова. Лёгкие, фантазийные, сюрреальные. Они-то как раз и демонстрируют, что из «лабиринта мышления» можно, не мудрствуя лукаво, выйти в пространство чистых образов. И отдохнуть там от причин и следствий, от индукций и дедукций...

(Т. Греков <Михаил Кузьмин> // Смена, 7 июня, 2000)

Есть книги, похожие на шелест опавших листьев, и есть — на шелест перелистываемых страниц. Есть книги ветра и сквозняка, и есть — песка и воды. Есть книги, исчезающие в процессе их чтения. Есть безымянные книги. Есть книги, переписывающие написанное в других. Есть книги-пророчества и книги-пепелища, книги — шаровые молнии и книги — мыльные пузыри. Есть книги, стремящиеся изменить природу чтения, и книги, чья природа не-

уловима. И есть, благодаря издательству Ивана Лимбаха, книга Бориса Останина «Пунктиры», одновременно и похожая, и непохожая на все остальные.

Пунктир, напомню, это прерывистая линия, линия «прскоков» и стремительных переходов от пункта к пункту. Множественное число в названии ещё более усиливает эту прерывистость, делает текст подчёркнуто несводимым к какой бы то ни было целостности, целостности мировоззрения или системы. Мысль перескакивает с одного на другое, она мимолётна, непоследовательна, внезапна, «зерниста». В результате мы имеем россыпь замечаний, суждений, максимум, афоризмов, фрагментов, связанных круговой порукой неотступно возникающих тем: литература, творчество, жизнь, отшельничество, аскеза, Россия, Запад, Восток, философия, религия, вера, свобода, лень, ничегонеделанье, любовь, государство, спасение... Общий пафос — отказ от общепринятых и почитаемых за высшие ценностей в пользу некоего необъяснимого порыва, вполне безумного с точки зрения нормального человека: «Гениальность, как принято считать, — высший дар, и вряд ли найдётся человек, способный ею пренебречь. Отказ от гениальности — путь к святости, к безумию. Поступки Паскаля и Рембо таинственны, величественны, невероятны».

(Александр Скидан // Время СПб., июль, 2000)

<...> В неё <в книгу «На бреющем полёте», СПб.: Амфора, 2009> вошли вещи, так или иначе фигурировавшие в андеграундных публикациях (в основном, в журнале «Часы»). Часть из них перепечатывалась позже в других журналах (в основном, в НЛО в конце девяностых). Я расскажу о нескольких вещах, особенно меня тронувших.

Во-первых, это «стенограмма» летнего семинара «Оредежские чтения», посвященная анализу поэзии Елены Шварц. Этот семинар действительно имел место: в конце

1970-х Борис Останин оказался совладельцем просторной двухэтажной дачи в Вырице и пытался устроить там «дом творчества» для деятелей неофициальной культуры — в рамках деятельности этого «дома творчества» и проходило, видимо, обсуждение стихов Шварц. Однако стенограмма на самом деле представляет собой литературоведческую пьесу, в которой не только раскладываются на «кирпичики»-образы стихи Е. Шварц, но и даётся ироничский портрет участников этих чтений: они возражают, спорят, обижаются, бегут за автором, отказываются бежать за автором и т.д. Участников зовут Бонч (он читает доклад), Бруевич, Неслухов, Горчаков-Горбунов, Драгомыслов, Осьмёркин. Дважды в пьесе появляется сама Елена Шварц. Пьеса — помимо того, что читается с интересом к основному докладу — ещё исподволь иллюстрирует разные литературоведческие подходы, иронично олицетворяя их в разных персонажах и ставя тем самым вопрос об их истинном происхождении: не из личности ли автора идёт первым делом наука? Сказать такое прямо — всё равно что сказать глупость (тут же опровергнут). Сказать такое исподволь — значит приоткрыть истину.

Замечателен в своём роде и диалог «Перчатка с левой руки». Здесь по дороге к пивному киоску философско-литературоведческую беседу ведут Бонч и Бруевич (текст написан совместно с Аркадием Драгомощенко). Замечательный по остроумию текст, в котором тонко пародируется рамка платоновского диалога, структуралистские разборки текстов и бытовые реалии 70-х. Меня в связи с этим текстом поразила мощь гуманитарной образованности авторов. Удивительно, но профессиональные философы, которые учили меня в университете в 90-е, никогда такой виртуозности в структуралистских операциях не достигали. Но хуже того — профессиональные философы редко ставили тот вопрос, который имплицитно в данном диалоге содержится: а где граница применения структуралистских методов? Не

превращаются ли они при безудержной эксплуатации всего лишь в сложную интеллектуальную игру, оставляя без ответов важнейшие вопросы? То есть андерграунд 70-х, получается, был продвинутое и образованнее академического сообщества 90-х. Интересный урок.

Этот вывод подтверждается и ещё одной статьёй из журнала «Часы»: разбором номера «Беседы» — журнала, издававшегося в Париже Татьяной Горичевой. Удивительно было читать, что в 1986 году в «Часах» обсуждались книги М. Серра и П. Слотердайка. Слотердаик, впервые вышедший по-русски в 2001 г., я помню, наделал много шуму среди профессиональных философов в университете. Казался горячей новинкой. Опять андергаунд оказался впереди «специалистов». Или появившаяся в 1987 г. в «Часах» подробная рецензия на «Имя розы» Умберто Эко. Как-то даже непостижимо. Выходит, все 90-е годы мы подъедали уже отработанное в андеграунде?

Но вот что ещё важно. Всё, производившееся «второй культурой», производилось на общественных началах. Из чистого интереса к предмету. Не ради славы. Не ради денег. И не то, чтобы все с радостью кидались навстречу скромным публикаторским возможностям самиздата. Нет. Об этом в книге есть специальная типология потенциального автора журнала «Часы»: вопросы о деньгах, о славе, о тщете осмысленного писательства вставали тогда с той же остротой, что и сейчас. Но всё же продукт производился. И очень симпатичный. Неизбежный вопрос: куда эти продукты утонули в наше время, когда возможностей для некоммерческой публикации стало безгранично больше (хотя бы в интернете), а вопрос о личной безопасности авторов подобных текстов вообще отпал? Загадка. Раньше говорили: пропал интерес. Сейчас ясно, что это не так. По крайней мере, не совсем так.

Видимо, ответ может быть такой: порыв к уничтожению иерархичности в культуре (которому, если мерить по часам мировой культуры, а не по нашим местным, уже лет сорок),

мечта о её ризомном, сетевом, нишевом и пр. устройстве привели на деле к уничтожению живого интереса к культуре. В 90-е и начале 2000-х мы так долго осваивали наследие «современных» французских философов, что упустили простую вещь, о которой пишет Останин в своих афоризмах (тоже вошедших в книгу): «Отказ от ценностей иерархии приводит к стагнации, а потом и к развалу общества. Иерархия — та самая щука в море, что не позволяет карасю дремать». <...>

(Ольга Серебряная // 812'Online, 15 декабря, 2009)

АПРЕЛЬ

7

суббота

Господи Иисусе Христе, Сын Божий,
помилуй мя, грешного.

Красное яичко

Дорого яичко
Ко Христову дню,
Но не знал я долго,
Как и почему.

Только, Слава Богу,
Он мне сам открыл,
Чтобы я яичко
Красное ценил.

Взял я как-то в руки
Свежее яйцо
И смотрел я долго
С думой на него.

Ни костей не видел,
Ни пера, ни ног,
В том яйце я птицы
Увидать не смог.

АПРЕЛЬ

8

воскресенье

Как же так бывает,
Где найти ответ —
Птичка вдруг выходит
Из яйца на свет!

В этом вот и чудо,
Бог так сотворил,
Что яйцо сырое
В птицу обратил.

Тот пример я понял
Сердцу дорогой:
Так Господь когда-то
Сотворит со мной.

Та же сила Божья
Прах мой соберёт,
А из праха снова
Тело оживёт.

В этом нам порукой
Чудо из чудес —
Первенец из мёртвых
Днесь Христос воскрес!

На кресте Он умер,
Так Он нас любил,
Что за нас за грешных
Кровь свою пролил.

С той поры яичко
Красное, как кровь,
Мне напоминает
Про Его любовь.

А ещё узнал я
Тайну от яйца,
Что и мы воскреснем
К жизни без конца.

И теперь обычай
Добрый я храню —
Красное яичко
В день Христов дарю.

Чтобы знали люди
Что Христос восстал
И во гробе сущим
Жизнь всем даровал.

(Неизвестный автор)

Пока молод, недомогания приносят известное удовольствие. В них видишь столько новизны, столько богатства! С возрастом они теряют способность удивлять — слишком хорошо ты их знаешь. Между тем если и стоит терпеть немощи, то только ради непредсказуемости, пусть это будет какая-нибудь малость.

Труд можно считать законченным, когда улучшить его уже нельзя, хотя он остаётся неполным и несовершенным. Ты чувствуешь, что он так тебя измотал, что ты не в состоянии изменить в нём ни запятой, даже будь это необходимо.

Критерием степени завершенности труда служат не требования искусства или истины, а усталость и в ещё большей мере — отвращение.

Сочинение самой пустяковой фразы требует некоего подобия изобретательности, тогда как для проникновения в любой, даже самый трудный текст достаточно внимательности.

Нацарапав почтовую открытку, мы ближе подходим к творческой деятельности, чем читая «Феноменологию разума».

Чем явнее искусство заходит в тупик, тем больше становится художников. Это перестаёшь воспринимать как аномалию, стоит задуматься, насколько выдыхающееся на глазах искусство стало и невозможным, и лёгким одновременно.

Никто не несёт ответственности ни за то, кем он является, ни даже за то, что он делает. Это очевидно, и с этим более или менее согласны все. Почему же тогда одних мы возвеличиваем, а других охаиваем? Потому что существование равнозначно вынесению оценок, суду, а уклонение от этого, если только оно не вызвано апатией или ленью, требует таких усилий, на которые не готов никто.

Сын раввина Т. сетовал, что, несмотря на период страшных репрессий, не появилось ни одной *оригинальной* молитвы, которую могло бы принять всё сообщество и которую можно было бы читать в синагогах. Я уверил его, что он напрасно удручается и переживает, — великие бедствия никогда ничего не приносят литературе или религии. Плодотворны только половинчатые несчастья, поскольку они обладают способностью быть и служить отправным пунктом. Слишком совершенный ад почти так же бесплоден, как рай.

Философия всегда видела свою задачу в разрушении веры. Когда началось распространение христианства и стало ясно, что оно почти победило, философия сблизилась с язычеством, ибо его суеверия казались ей предпочтительнее торжествующих глупостей. Нападая на богов и ниспровергая их с пьедестала, она полагала, что служит освобождению разума; на самом деле она лишь навязыва-

ла ему новое рабство, куда хуже прежнего: единый бог, явившийся на смену многим богам, оказался лишён снисходительности, терпения и иронии.

Но разве философия несёт ответственность за присутствие этого бога, возразят нам. Ведь она отнюдь не выступала в его защиту. Это верно, однако она должна была догадаться, что нельзя безнаказанно вредить богам, потому что им на смену придут другие, а она в результате ничего не выиграет.

В «Евангелии от египтян» Иисус провозглашает: «Пока женщины будут рожать, люди останутся жертвами смерти». И добавляет: «Я явился разрушить сотворённое женщиной».

Когда прикасаешься к последним истинам, высказанным гностиками, хочется зайти ещё дальше, если только это возможно, хочется сказать что-нибудь такое, чего не говорил ещё никто, что заставит окаменеть и сотрёт в пыль всю историю, что-нибудь такое, что было бы достойно космического Нерона и взбесившейся материи.

Пресыщенные люди ненавидят сами себя — и не тайно, а открыто — и мечтают, чтобы другие тем или иным способом с ними покончили. Впрочем, они предпочитают принять в этом непосредственное участие. В этом-то и заключается самый любопытный и необычный элемент революционной ситуации.

(Эмиль Чоран. О злополучии появления на свет, 1973)

→ 21 мая: Чоран, 2

Постоянная тонкой структуры α — безразмерная величина, образованная комбинацией фундаментальных констант (подробности опускаю):

$$\alpha = e^2 / 4\pi\epsilon_0\hbar c \approx 1/137,$$

где e — элементарный электрический заряд,
 ϵ_0 — электрическая постоянная,
 \hbar — постоянная Дирака,
 c — скорость света в вакууме.

Рамадас Авалокитешвара-Чхандогия, 1858–1938.

Индусский мыслитель, религиозный
и общественный деятель.

Рамадас Авалокитешвара-Чхандогия родился в поместье Балярамपुर на берегу р. Ганга, вблизи города Бенареса. Обстановка старинной браминской семьи, проникнутая философскими интересами и преданиями индуизма и в то же время не чуждая некоторым формам умственной европеизации, определила в значительной степени те элементы, из которых сложилось мирозерцание Р. Отец его, поэт Ауробиндо Рамадас, пользовался в своё время широкой известностью благодаря своим переводам на бенгальский язык лучших образцов английской и французской поэзии, а также благодаря собственному сборнику лирики «Гирлянда Ханумана».

Сыну он дал превосходное домашнее образование, несколько односторонне, впрочем, воздействовавшее на впечатлительного мальчика своей религиозно-нравственной и содержательно-эстетической стороной. Позднее Р. совершил четыре путешествия в Европу, где установил дружественные связи с рядом выдающихся деятелей, боровшихся за культурное сближение Востока и Запада, в частности с Роменом Ролланом. Известно также, что умственная жизнь молодого Р. была осложнена длительными увлечениями

естественными науками, в особенности зоологией, которую он изучал в продолжение трёх семестров на естественном факультете в Кембридже.

В 1891 г. Р. выступил перед индусской общественностью с капитальным религиозно-философским трудом «Покровительство животным как основа общечеловеческого единения». В последующие годы, обосновавшись в Калькутте, Р. сближается с обществом «Брахма самадж» и религиозно-философским обществом «Ramakrishna mission», на посту председателя которого он пребывает, с небольшими перерывами, от 1901 до 1912 г. В эти же годы возникает его дружба с великим Тагором. Известно, что Тагор чрезвычайно высоко ценил нравственный облик Р., называл своего друга «великим молитвенником за всех бессловесных». В этот период Р. опубликованы два основных исследования. Если одно из них — «Животная символика в новейших течениях индуизма» — доказывает, как глубоко и всесторонне овладел автор исследовательским методом сравнительной религиологии, то второй из этих трудов, всецело относящийся к образцам нравственно-философских сочинений, свидетельствует с не меньшей выразительностью об оригинальном направлении, в котором работала настойчивая мысль нашего писателя. Уже заглавие этого труда говорит само за себя: «Идея сострадания к паразитам как веление человеческой дхармы, согласно учению Могавиры».

Повышенный интерес к подобным вопросам приводит Р. к признанию недостаточности тех мероприятий, которые проводились в указанном направлении существовавшими доселе организациями, и следующий период деятельности Р. ознаменовывается горячим и неустанным участием его в деле устройства госпиталей и богаделен для животных. В особенности широкой, можно даже сказать, всемирной известностью пользуется учреждённый им в городе Нагпуре санаторий для кобр.

Новейшие достижения европейской науки в области консервирования крови открывают перед неутомимым апостолом любви к животным новые горизонты; в 1931 г. им организуются добровольный «Всеиндийский союз доноров-паразитофилов» и «Ассоциация общественной помощи насекомым», ставящая своей задачей создание и поддержку особых приютов для престарелых блох и клопов.

Этот период оказывается для Р. весьма плодотворным также и в литературном отношении: с 1912 по 1932 г. им опубликовано свыше 120 брошюр и статей, об общем характере которых может дать представление заглавие одной из них: «Молитва и её значение для преодоления трудностей в деле зубоврачебной помощи крокодилам». Однако тип позвоночных меньше интересует Р., — быть может, вследствие того, что облегчением участи этих животных всё-таки занимаются уже многие учреждения. Больше всего привлекает его этическая проблема взаимоотношений между человеком и паразитами, этими, как он выражается, «обречёнными и всеми гонимыми существами, ниоткуда не получающими помощи и гибнущими без ропота и жалоб в неравной борьбе».

Даже описанных выше, несколько чрезмерных с нашей точки зрения усилий оказывается недостаточно для строго-последовательного мыслителя. В 1935 г. Р. выступает перед экзальтированной аудиторией своих адептов с несколько странной лекцией на тему о том, что человечество, испокон веков истребляющее паразитов триллионами, может искупить своё злодеяние, только принеся себя в добровольную жертву потомкам собственных жертв. Полемизируя с Ганди, он утверждает, что практическое осуществление этой истины является миссией Индии, и указывает на то, что психологический склад и религиозно-нравственный уровень индийского народа позволяют уже в наше время превратить в реальность эту «высочайшую мечту».

Столь экстравагантный, мы бы даже сказали, болезненный уклон мысли оказался для престарелого философа роковым: в 1938 г. в Нагпуре, при обширном стечении публики, Р. дал себя заживо съесть потомкам тех, кого бесчеловечно уничтожали его предки.

(Новейший Плутарх)

→ 8 мая: Новейший Плутарх, 3

АПРЕЛЬ

12

четверг

Возможно, если бы относящиеся к шестидесятым-семидесятым годам графические и живописные работы Леона Богданова были в своё время каким-то образом примолвлены наряду, скажем, с произведениями Е. Михнова и Ю. Галецкого, к сложившейся на сегодня картине ленинградского «неофициального» искусства, — ведь его публиковавшиеся в самиздате и отмеченные «неофициальной» же премией Андрея Белого «тексты текущих событий» обрели в итоге устойчивую, достаточную для их дальнейшей жизни литературную репутацию, — мы бы увидели в этой выставке вызывающий сейчас почти ностальгию порыв «мороженой самобытности», как писал сам автор, к общепринятой (не то что вся наша жизнь) артистической норме, ещё не отлакированный, не поименованный и не обрамлённый контекстом «художественного процесса». К сожалению, никто, а главное, сам Богданов, не дал на этот счёт никаких указаний: более того, если бы не дружба Кирилла Козырева и Владимира Эрля, собиравших и теперь предоставивших тщательно «расчавшиеся» их автором работы, не было бы и его первой отдельной выставки. Восприятие современного искусства слишком зависит от волеизъявления самого художника или куратора, и зритель уже привык послушно следовать за указателями, продиктованными устройством того или иного личного мифа, не преступая намеченную смутными представлениями о «художественном» черту безопасности. Поэтому на этой выставке, среди кажущихся немymi «окон,

открытых вовнутрь», чаще всего беспредметных или смутных сцен, лучше всего говорить о не знающей ограничений Поэзии, которая вовлекает и мучает, заставляет искать и никогда не раскрывает некоего тревожного и сугубо личного смысла, складывающегося из вроде бы случайных, непреднамеренных и непредсказуемых ребусов и шарад: оплывающих в странные ландшафты красочных штрихов и размывов, человечков, пляшущих буквами на странице.

Всегда как бы по ту сторону «литературы», «живописи» и т.п., творчество Леона Богданова было настоящей поэзией по степени цельности восприятия жизни и по самозабвенной чистоте жеста познания этой жизни, в чём бы он ни заключался. Это поэзия, лежащая за гранью психического автоматизма, с которым набрасывается «рисунок» или сочиняется «рассказ», заключается не столько в форме, сколько в способе её переживания и выражения, — здесь разворачивающиеся в мыслимую территорию размывы и коллажи, скрупулёзная дневниковая запись, чутко фиксирующая все в прямом и в переносном смысле происходящие сейсмические толчки, — и представляет собой, в конечном счёте, форму того непрерывного всеобъемлющего Опыта, в ходе которого наши обычно полезные с точки зрения эстетики дефиниции не столь важны.

*(Василий Кондратьев. Анонс к выставке Леона Богданова
в Музее Ахматовой в апреле 1994 года)*

Тайная нищета

Кто нищий человек? Кто ум имеет свой,
Кто несть ни тварь, ни Бог, ни мёртвый, ни живой.

Бог — малое дитя

Безмерно умалясь, в дитя облёкса Бог:
Блажен, коль в Нём себя я чадом обретох!

Сердце

Низ сердца узок есть, а верх его широк,
Чтоб в Бога я вошёл, а мир в меня не смог.

Кто агнец, тот и лев

Тот, кто смирился весь, себя преодолев,
Есть не один, а два — и агнец он, и лев.

Духовное оплодотворение

Кабы Мариєю душа твоя была,
То Бога в тот же миг она бы зачала.

Всё то, что в Боге — Бог

Всё то, что в Боге — Бог: и меньший из жучков
Для Бога — не один, а целый сонм богов.

Вечность

Что вечность есть? Она не это и не то,
Ни днесь, ни здесь, нигде и просто невесть что.

Шесть тварей — все в одной

Узнай — как человек, Господь, младенец, царь,
Овца и лев сошлись в одну едину тварь.

(Ангел Силезский. Херувимский странник)

→ 25 декабря: Ангел Силезский, 3

Ереван, 14 апреля 2003

Дорогой Борис,

уже месяц как я побывал в Петербурге и познакомился с Вами; Вашу книгу «Пунктиры» я прочёл с удовольствием, другой не сумел бы записать такие летучие мысли. Я часто вспоминаю Ваш замысел словаря русских ключевых слов, это очень нужный словарь и я терпеливо жду его от Вас. Спасибо за петербургские дни. Передайте, пожалуйста, мой привет Борису Ивановичу Иванову и Виктору Лапицкому.

На всякий случай вот электронный адрес моего друга Левона Абраамяна <...> — он мне передаст.

С добрыми пожеланиями.

Ваш Вардан <Айрапетян>

Поля посевов зеленеют, а поля битвы алеют и прыщут пурпуром, и кое-кто, вероятно, задаёт за меня вопрос, когда и где застигнет разбойника в награду за все его хорошо продуманные злодеяния и пропитанные уверенностью беспутства этот выстрел. То, что он обязан его получить, не подлежит сомнению, уже потому, что ему необходимо отворить кровь. Это его немного облегчит. Но пока этот важный вопрос остаётся открыт. Какой прохладой и красотой блестят рапсовые поля под лазурью неба, а то, что лес всегда настроен зеленеть, это просто замечательно и говорит о его постоянстве, но мы бы не отказались, если бы иногда он представлял перед нами в другом, изменённом виде, для разнообразия, не правда ли? Какой новый и невиданный цвет предложили бы вы для лесного покрова? Пожалуйста, представьте мне ваш выбор на рассмотрение, я всегда рад слышать. И тут разбойник вспомнил, что многие годы назад читал о повстанцах, которых медленно распилили в качестве устрашающего наглядного примера. Он прочитал надлежащую статью в одной из самых первых в истории газет, к статье же прилагались изображения из соответственной эпохи.

АПРЕЛЬ

14

суббота

АПРЕЛЬ

15

воскресенье

Распиливанием можно было спокойно наслаждаться наряду с кофе глясе, с полным комфортом втягиваясь в способность впечатляться, словно бы въезжая в широкие ворота. Он ещё помнил ту улицу, на которой располагался ресторан. По обеим её сторонам стояли деревья, а в его комнате неподалёку, то есть в одном из прилежащих домов, лежал больной художник. Совсем бледный лежал он на постели, приговариваясь к смерти, но силы к нему, в конце концов, вернулись. А по случаю прогулки поздним вечером, нежно серебрившим контуры тихо и тонко расставленных по крутлому склону деревьев, словно в награду за их неприхотливость и невыразимое смирение, — потому что, согласитесь, деревья выглядят так, словно обладают чем-то вроде смирения, — окантованных бриллиантовыми нитями, ему припомнилось, как когда-то так называемые сильные мира сего убили императора, и как этих оскорбителей тела и духа величественности казнили, а их жён принудили смотреть на муки преступников, дабы все ощутили сполна, что наказание неминуемо. Эти женщины, которым пришлось смотреть на казнь тех, кто был им опорой, были, может быть, ещё жалче, беднее, надорванной, измученной, чем сами преступники, причём наказание организовала тоже женщина, родственница императора. Эта история врезалась разбойнику в память ещё в школьные годы, а теперь он думал: эти сильные кажутся себе порой слишком уж сильными, теряют способность оценивать собственное значение и уже не знают, как держаться по отношению к себе и к окружающему миру. Может быть, они начинают сами на себя дивиться, обнаруживают, что находятся в плохом настроении, и поскольку, в отличие от малых мира сего, имели опыт власти и привыкли отдавать одышливые приказы, то легко и просто и по совершенно гладкой логике, которую даже можно назвать элегантностью вывода, приходят к злодеянию. Высокое положение опьяняет, но чего стоят все высочайшие посты в сравнении с тронном невинности, с божественной идеей неприкосновенно-

сти и с возвышенным пьедесталом гуманности, на котором восседает император, причём благосостояние беднейшего подёнщика или батрака беспокоит его так же, как и процветание богатых. Император никому не отдаёт предпочтения, если только под крайним принуждением, супротив собственной императорской воли. Только под давлением обстоятельств. Он всеобщий отец, и вот этому-то защитнику всеобщего благополучия бунтари нанесли непоправимое увечье, за что и сами таковым поплатились. Их следовало наказать уже в интересах малых мира сего, наказать этих высокопоставленных особ, которые вдруг утратили вкус к обязательствам, налагаемым высокопоставленностью. Только выполняя обязанности просвещения, могу я считаться человеком образованным. Тут схожий случай. Этим высокопоставленных наказали, потому что они пали ниже самых опустившихся, сверзились прямо с вершины рыцарства, а когда рыцари становятся преступниками, они в сотни раз преступней обычных нарушителей, чьи проступки можно понять, поскольку на их долю не выпало воспитания, которое призвано предотвращать эксцессы. В первую очередь народу обязаны великие однозначно блюсти величие, сохранять твёрдость духа и гибкость суждения и деяния. Они отдают себе отчёт в том, что связаны долгом, а разорви они узы, падут так низко, как только можно извратиться, ведь им назначено служить примером, а именно, не беспутства и распушенности, а твёрдости в следовании законам.

<1925>

(Роберт Вальзер. Разбойник, 2005)

С радостью — Останину Б.
За озером стоит дом
К вечеру он розовеет, а днём
слепит своей белизной

Погода держится уже десять лет
Десять лет солнце
 опалает воду,
десять лет вода тянется к свету
Я подплываю на лодке к берегу
 и вижу (в который раз?) стены
— Ракушечник материал непригодный
 для вечности — думаю я —
вот уже трещина появилась
она похожа на утренний шёпот
а подальше стремительно разрастается
 изображение неба...
— Так нельзя, так невозможно, —
 говорит мой приятель —
Десять лет ты переплываешь озеро,
десять лет стоит изумительная погода,
 а мы ни разу не видели здесь людей!
— говорит в сердцах он и
бросается в воду
Я наклоняюсь зачерпываю воду
Наступает вечер и недолговечные
 стены из белизны уходят
в розовое отдаление.

(Аркадий Драгомощенко)

Отделить кладбище от государства

Кладбище — мир огромный, таинственный, и любое прикосновение к нему (например, через изучение причин современного вандализма на кладбище) лишней раз убеждает в сложности и цельности этого мира, выявляет в нём множество взаимосвязанных уровней: религиозный, мистический, нравственный, культурный, общественный, материальный, финансовый, административный, уголовный... Не сомневаюсь, что ответы на анке-

ту комиссии «Некрополь» дадут её составителям немало полезных советов касательно каждого из перечисленных уровней, но вряд ли они окажутся сколь-нибудь действенными, если обойдут стороной главнейший — *религиозный*.

Кладбищу необходимо вернуть традиционный религиозный статус, который единственно его отличает от свалки (предмета забот санэпидемстанции), архива (интересующего горстку историков) или парка отдыха (притягательного для любопытствующих экскурсантов). В последние 70 лет духовный горизонт кладбища искусственно загромождался как раз такого рода периферийными, непринципиальными для него моментами. Но разве не утопично надеяться защитить умерших от вандализма живых, отринув при этом религиозное ядро кладбища и сосредоточившись на скорлупках санитарной, исторической и эстетической полезности? Самое большее, что в этом случае удастся: незначительный и временный подъём общественного интереса к кладбищу. Можно, конечно, ужесточить уголовное законодательство, бросить на кладбища дополнительные наряды милиции, дворников и реставраторов... Но все эти меры, даже по видимости результативные, окажутся поверхностными, эфемерными и, в конечном итоге, тщетными, если не будет затронуто главное — религиозное ядро и смежные с ним мистический и нравственные слои, ибо указанные меры затрагивают человека лишь извне, не высекая искр внутреннего горения и самоотверженности и не перерастая в благоговение перед кладбищем как реальной религиозной святыней. Только поместив кладбище и его обитателей в сердца живущих, можно надеяться на радикальное изменение отношения к нему, на поворот от безразличия и вандализма к благоразумию и благочестию.

Прежде всего необходимо изменить в отношении к кладбищу общую духовную установку, а для этого *отделить кладбище от государства* и вернуть в ведение Православной Церкви и иных религиозных общин — остальное приложится само.

Насколько реальна предлагаемая программа в стране победившего атеизма, сказать трудно. С одной стороны, сомнительно, что атеистическое государство возьмёт на себя роль

религиозного пропагандиста; с другой — экономический и идеологический кризис общества всё настойчивее вынуждают государство на поворот в сторону религии (как ни трудно он даётся), на возвращение к таким фундаментальным религиозным категориям, как смерть, грех, душа, бессмертие, искупление, воскресение, поминовение... Наши расторопные учёные-гуманитарии и общественники конечно же придумают какое-нибудь научное обоснование необходимости религии и Церкви для советского человека, а атеизм объявят, скажем, скрытой формой религиозности, терпеливо поджидавшей своего часа, чтобы стать формой открытой.

Но скорее всего радикальный разрыв со своим богоборческим прошлым атеистическое государство сочтёт слишком резким и неграциозным и предпочтёт тактику *постепенного* нарастания религиозных настроений. Можно посоветовать для этого учение Н. Фёдорова о воскрешении мёртвых посредством науки, совмещающее в себе религиозную задачу, гуманистическую психологию и научные методы. Научно-техническая интеллигенция наверняка сочтёт фёдоровство более «прогрессивным» (и потому приемлемым) мировоззрением, чем «обскурантистское» Православие, тем более что подъём в обществе охранительных и традиционалистских настроений всё сильнее ориентирует людей на прошлое и уже умерших — вместо будущего и ещё не родившихся. В случае постепенного вращивания советского общества в религию борьба с вандализмом на кладбище также получит мощный внутренний импульс и обоснование.

Но какую бы разновидность религиозной политики не избрало в ближайшие годы государство, общественным организациям и частным лицам следует настаивать на скорейшей передаче кладбищ в ведение Церкви, то есть на возвращение того, что принадлежит ей по смыслу, праву и традиции. (Для закоренелых атеистов можно сохранить какие-нибудь спецзахоронения с административным церемониями). Церковь лучше знает, что ей делать, чтобы вернуть кладбищу приличествующий ему облик и благочинный строй, и здесь необходимо положиться на её тысячелетний опыт. Без возвращения кладбищу религиозного статуса и отделения его от государства самые

благие намерения общественных организаций могут не столько улучшить положение дел, сколько его ухудшить (вследствие искажения духовной перспективы, административного рвения и материальных выгод, которых будут домогаться новые бюрократы и авантюристы). Об этом следует помнить и общественной комиссии «Некрополь», в благородстве *намерений* которой я несколько не сомневаюсь.

И ещё одно пожелание: как можно меньше беспокоить мёртвых, а лучше вообще их не беспокоить, не осквернять древний прах (предмет чрезмерного любопытства историков и археологов), усматривая во всяком вмешательстве в чужую загробную жизнь — оскорбление действием и нарушение закона о свободе личности.

(Борис Останин. Наше наследие, № 2, 1990)

Он не замог отключить дверь,
а трирь звонка была глуха,
как этот пятник... Нет, четверг,
или когда?.. Здесь был ухаб.
Он испустил под тверью клич,
он опустился на этаж
всем сразу. Он увидел луч
сквозь щёлку твари. И атак
его закинул на дыбы,
метнул о стену и косяк.
Он стиснул кляч. Он жил добыл,
сревнувши шею, как гуся
и смаху включья разоврав
убивку, где скрывалась зверь...
Но тут опять пошёл овраг,
не то субботник... Нет, четверг,
или когда?.. Он бил плечом,
клычком, челом и сразу всем
об эту двердь, где был включён
или замочен тисклый свет;

но эта впредь была глуха
к его мольбаньям и стенам.
Замчалась с клюкотом дуга,
он был в которую. Слюна
вступала в силу через рот
и, накачав свои права,
его рванула в этот ров,
то ли овраг, не то провал,
или куда?..

(Владимир Строчков.

Лириум, отрывок)

14 апр., 92

Дорогой Борис,

я была очень рада услышать о вас и о том, чем вы заняты в последнее время. Журнал <<Лабиринт/Эксцентр>> впечатляющий, и я прилагаю \$25 на годовую подписку. Надеюсь скоро предложить вам свою помощь в качестве подписки других заинтересованных людей; займусь этим в течение лета.

Копию вашего журнала я послала Михаилу Эпштейну, который в настоящее время преподаёт в Emory University, Atlanta, Georgia.

Здесь всё довольно неплохо. Наша книга, отчасти основанная на статьях участников Летней школы <<Язык — сознание — общество>>, Ленинград, 1989>, существует в виде законченной рукописи и будет опубликована как отдельное издание этой осенью в University of Michigan Press. Я пошлю вам экземпляр, как только она появится.

Ещё раз спасибо за ту помощь, которую вы оказали нам в подборе материала.

С благодарностью и наилучшими пожеланиями,

Эллен Берри

Владимир Набоков родился в 1899 году и потому на год опережал календарное время: на календаре 19-й год (отъезд из России), а ему уже 20, на календаре 25-й (женитьба), а ему 26, что позволяло писателю, особенно в молодые годы, гордиться своим *авангардным* положением: «Всех обогнал!», и поощряло восприятие себя как *врождённого передовика*.

Ещё одну единичку Набоков получил, когда, слукавив немецким чиновникам, добавил при переводе своего дня рождения из юлианского календаря в григорианский 13 дней вместо законных 12.

Родись он не 10 апреля с/с, а 8-го, подставная единица катапультой перебросила бы его из зодиакального Овна в следующего за ним Тельца, что вполне в духе созвучных Набокову разрывных функций и минимаксной детской психологии (меняем чуть-чуть, а результат колоссальный: *мачта* и *мечта* различаются всего одной буквой).

→ 22 апреля/2017: День рождения Набокова

→ 1 июня/2017: Детские игры как разновидность катастрофы

Один из внуков известного вельможи, графа Р., принадлежал к числу самых странных людей и мог назваться совершенным чудачком; его избаловали в детстве, дав ему полную свободу. Мать его, проживавшая всегда в роскоши за границей, внушила ему склонность к бродяжничеству и исканию приключений.

Он несколько раз убежал из богатого родительского дома, скрывался у людей самого низкого звания — у разносчиков и рабочих, добывая у них скудное себе пропитание. Лет четырнадцати от роду он пропадал более двух лет, скитаясь по ярмаркам с цыганами и ворами. Замечательно, что при такой бродячей жизни он не утратил познаний в разных науках и не забыл знание языков. Отыскав его, заставили заниматься делами, которые даны ему рождением и богатством. Спустя год, он бросил все дела, начал кутить, мотать и задолжал до того, что должен был бежать за границу. Там,

АПРЕЛЬ

20

пятница

АПРЕЛЬ

21

суббота

без всяких средств, он рыскал по всей Европе и пускался в сумасбродства разного рода; по его рассказам, он был конюхом у своего двоюродного брата в Австрии, куда нанялся под чужой фамилией, затем был кучером, почтальоном, хлебопашцем, огородником, слугой весёлого дома в Париже.

Долго так странствуя за границей, он через Бессарабию перебрался в Россию; здесь он поступил в шайку очень ловких мошенников и более пяти лет разъезжал по ярмаркам, где сбывал фальшивые виды на жительство и поддельные ассигнации. Под конец он попал в скит к раскольникам; там он подвизался более двух лет и был самым ярым поборником одного из самых вреднейших изуверских толков — самосжигателей.

После этого он был арестован и содержался более пяти лет в Соловецком монастыре, откуда уже был, по принесении полного раскаяния, выпущен на свободу. Получив родовые богатства по смерти своей матери, он отправился жить в один из наших приморских городов, где выстроил довольно большой каменный дом с хитроустроенными тайниками, подземельями; в последнем у него был устроен такой мудрёный лабиринт, выход из которого был известен одному ему. Здесь была одна комната, отделанная в азиатском вкусе так роскошно и пышно, что живо напоминала одну из сказок «Тысячи и одной ночи»; в ней он и уединялся по целым месяцам и более, пищу и напитки он получал от дворецкого по запискам, которые клал ночью в одной комнате своего дома.

В такие дни его «самозакупоривания» слугам был дан строгий завет не встречаться с ним под угрозой смерти. Чем кончил свою жизнь этот более чем странный чудак, так и осталось неизвестным. Кто говорил, что он тайно убежал в Турцию, рассказывали также, что он был убит в своём тайнике ловкими мошенниками, нашедшими возможность пробраться в его заповедную комнату.

(Михаил Пыляев. Замечательные чудачки и оригиналы)

→ 10 сентября: Пыляев, 4

Астрологические характеристики Владимира Набокова Меркурий в Овне (мышление и общение)

При гармоничном развитии интеллекта формируется проциательность, ясность и гибкость ума, позволяющие видеть то, что не замечают другие. Характерна способность к стремительному усвоению нового, развиваются честолюбивые замыслы и редкостное рвение в учёбе. Человек характеризуется приверженностью лишь собственным идеям.

В дебатах он всегда ироничен, неистощим на аргументы, находчив, пристрастен и обидчив. В логике оппонента быстро и легко находит изъяны и слабые места. Прозорливость может сочетаться с коварством.

Многие считают такого человека придиричивым и противоречивым спорщиком, зато он всегда изобретателен и интересен как мыслитель. Глубоко уважает тех, кто равен ему по интеллекту. Характерно общее беспокойство ума, нередко заставляющее его придерживаться одновременно противоположных точек зрения. Это мыслитель, имеющий живой дух и острое чутьё на то, что ещё только начинает прорасти, но обещает успешное будущее.

Импульсивность суждений и субъективность выводов — его главные проблемы. Ему нужно научиться доводить доказательства до логического конца и уметь завершать начатые дела.

<...>

Марс в Раке (инстинктивные поступки)

Обычно человек с этим знаком больше говорит и мечтает, чем реально действует. Его чувства сильны, честолюбие ярко выражено. Двигателем поступков являются мощные и глубокие эмоции. Очень силен родительский инстинкт. В интимных отношениях безудержность влечения странным образом сочетается с податливостью и уступчивостью партнёру.

Взгляды и мнения глубоко субъективны, без внимательного анализа понять их другим не так-то просто. Такие люди ча-

сто встречаются множество препятствий, нередко жалуются на обилие перемен.

При гармоничном развитии характера они вырабатывают стойкий иммунитет к неприятностям и завидную выносливость, коренящуюся в их природном упрямстве. Перед грубыми нападками человек оказывается беззащитным, в нём может сформироваться нерешительность, целый комплекс необоснованных страхов и разочарования в жизни, связанного с глубинным ощущением собственной ранимости. Такие люди обычно за версту чувствуют грозящую им опасность и вовремя уходят от неприятностей. Они не мстительны, но прекрасно запоминают все обиды. Рано или поздно они расплачиваются с обидчиками, обычно используя методы тайной политики. В этом плане назвать их великодушными трудно.

Работать они любят в одиночестве, во всяком случае без навязчивого и болтливового партнёра. Эротическая жизнь этих людей одновременно возвышенна и низка, полна пылкой страсти и высокой чувственности. Главная проблема для них — дисциплинирование чрезмерного влечения ко всевозможным удовольствиям.

Их внешняя пассивность сочетается с непокорностью, стремление к тихой жизни — с редкостной недисциплинированностью.

<...>

Юпитер в Деве

(философские и этические взгляды)

Характер отличается необычной чувствительностью, склонностью к полезным уточнениям и вниманием к важным деталям.

Человек наделён редкостным педагогическим даром и способностью к методологическим, концептуальным исследованиям. Удачлив в литературном творчестве и коммерции. Осторожен в общении и осмотрителен в деловых связях. Возможен брак с более молодым партнёром.

Наряду с достижением главной цели такой человек неизменно стремится следить за каждой деталью, что нередко затрудняет завершение дел. Ему легко удаётся сделать из мухи слона

и наоборот. Порой в нём самым странным образом сочетаются алчность и щедрость, что нередко остаётся непонятным окружающим. Ради удовлетворения социальных нужд, либо для помощи своей семье он всегда готов включиться в работу.

Эти люди мыслят системно и тщательно одновременно. Они прекрасные шахматисты и великолепные логики. Они без труда разоблачают лжепророков, так как способны замечать в их учениях малейшие недостатки. Они прямо-таки любят подрывать ложные авторитеты и лжеучителей.

Такому человеку необходимо обеспечить себя помощниками, на которых он мог бы перекладывать ответственность и контроль над отдельными участками работы. В противном случае он будет вынужден ограничивать её масштабы.

Небрежность в одежде и интерьере возмущает такого человека до глубины души.

<...>

(Составила Ольга Ларина)

Переводчик Иван Алексеевич Лихачёв в бытность свою в ссылке работал дворником, но поскольку денег на жизнь не хватало, расклеивал на столбах объявления о частных уроках: «Даю уроки немецкого, французского, английского, итальянского, испанского, португальского и голландского языков. Адрес: такая-то улица, такой-то дом, *спросить дворника Лихачёва*».

В 1960 году на вопрос, помнит ли он наизусть «Переселенцев» Кузмина, Иван Алексеевич сказал: «Конечно. Я пронёс эти стихи *сквозь все тюрьмы и лагеря*». Именно так в журнале «Часы» (№ 24, 1980), но в «Панораме искусств» (выпуск 3, 1980) несколько по-иному: «Я пронёс эти стихи *сквозь времена и годы*» — изобретательная и по-своему виртуозная работа советского цензора.

(Слышал от Кирилла)

→ 18 октября: Кузмин — Переселенцы

Парнас дыбом: Бунин

АПРЕЛЬ

24

вторник

Поп сив и стар. Глаза красны от слёз.
 Одна забота — зажигать лампы.
 Жена в гробу. И дочка за оградой.
 Последний друг — худой, облезлый пёс.

Теперь попу уже немного надо:
 Кратюшку хлеба, пачку папирос.
 Но жаден пёс. С ним никакого сладу.
 Лукав, хитёр. И мясо он унёс.

Нет, так нельзя! В глазах усталых пламень.
 Поп, ковыляя, тащится в сарай.
 Берёт топор. И, наточив о камень,
 Псу говорит в последний раз: прощай.

Топор взлетел в широком плавном взмахе,
 И заалела киноварь на плахе.

(Парнас дыбом, 1927)

АПРЕЛЬ

25

среда

Французы лишились родины — с чем рифмуется слово «родина», столь хрупкое, что ни что уже не пригодно? С больной женщиной, которую каждое воскресенье навещают в приёмном покое больницы? С редким животным в зоопарке? Из каких великих сражений, из каких потасовок она когда-то выходила израненной, с разорванной блузкой, но со сверкающими от желаний глазами!

<...>

У французов украли родину, я хочу сказать, что её сделали неузнаваемой. Она не пробуждает больше представлений о чести или о справедливости — так как Государство не знает ни того, ни другого — у неё строгое лицо Долга, беспрекословного Долга, *Summa Lex*, безжалостное к грешникам. Франция больше не похожа на французов, у неё нет ни

их достоинств, ни их недостатков, ни одного из тех изъянов, которые им дороже, чем недостатки или достоинства, она даже не разговаривает на их языке, она не говорит ничего, она — немой идол болтливой нации. <...> И маклеры этого обмена, грязные законники Ренессанса, запачканные латынью и греческим, проводили эту операцию со всей свойственной ненависти пронизательностью. Так как они ненавидели старую Францию, они пренебрегали её наречием, они презирали её обычаи, её искусство, её веру, они отдали её всю в руки самой маленькой из республик за Альпами — современная Франция была создана людьми, презиравшими старую Францию.

<....>

У французов украли Францию, с тех пор как им вбили в голову, что Франция была не их произведением, а государства, и что единственная обязанность порядочных французов состоит в том, чтобы облегчить решение его задач. Каким бы очевидным не представлялся этот принцип, каким бы не был его вес в нашем сознании, мы не позволим себя закабалить. Наша история создана иначе. История нашей страны не является историей ученика коллеги или историей чиновника. В жизни великих народов, как и в жизни людей, рождённых для господства, ошибки или отчаянные неудачи вплетены в ткань самой судьбы, и один Бог знает, сколько греха в труде спасения. Если бы Церковь считала лишь посредственных священников и послушных прихожан, то мы могли бы спросить, а где место для святых?

(Жорж Бернанос. Дневник 1939–1940)

→ 4 июля: Бернанос, 4

В результате аварий на Чернобыльской и Фукусима-1 АЭС обширные территории Европы и Азии подверглись интенсивным радиоактивным выпадениям, образовавшим на поверхности земли области с большим содержанием техногенных

радионуклидов в почве. Почва является матрицей, в которую внедрены радионуклиды. Такое осадочное образование будем называть *отложением*.

Основные свойства радиоактивного отложения обусловлены процессом оседания радиоактивных аэрозолей и пыли на поверхность земли. Явление радиоактивного распада не оказывает непосредственного влияния на процесс атмосферных выпадений, поэтому отложение нерадиоактивных аэрозолей и пыли и отложение радионуклида имеют ряд общих черт. Таким образом, радионуклид, радиоактивный распад которого сопровождается испусканием гамма-излучения, можно рассматривать как удобный для выполнения измерений маркер, распределение которого по поверхности земли предоставляет информацию об особенностях распределения нерадиоактивного поллютанта. Таким образом, обусловленные атмосферными выпадениями статистические и структурные свойства радиоактивного отложения являются одновременно свойствами отложения нерадиоактивного поллютанта либо опасного вещества.

В (Grubich, 2015) было показано, что на распределение удельной активности существенное влияние может оказать распределение плотности почвы на участке. Поэтому распределением, обусловленным собственно процессом атмосферных выпадений, является исключительно распределение плотности активности. В случае нерадиоактивного поллютанта вместо плотности активности радионуклида следует подразумевать величину поверхностной плотности (кг/м^2) поллютанта.

Обследования загрязнённых территорий начинается с отбора проб почвы. Настоящая книга в основном и посвящена вопросам отбора проб. Фактически она является кратким введением в данную весьма обширную тему — см., в частности, книги (Cochran, 1977) и (Gilbert, 1987). Одновременно с отбором проб в книге рассматриваются также вопросы назначения измерительных площадок для измерений *in situ*. В заключительной 4-ой главе приведен ряд оригинальных результатов для свойств статистик (коэффициента вариации, среднего, стандартного отклонения), описывающих содержание радионуклида в почве. Изучаемый в ней материал — на-

боры данных и статистики для участков, загрязнённых радионуклидами в результате аварий на Чернобыльской и Фукусима-1 АЭС.

Геннадий Владимирович Анципов прочитал предварительный вариант рукописи и высказал немало предложений, способствующих улучшению книги, а также написал к ней краткое предисловие. Ольга Митрофановна Жукова постоянно поддерживала меня в проводимых исследованиях и высказала много ценных замечаний. Аркадий Аркадьевич Хрущинский прочёл окончательный вариант рукописи и обратил моё внимание на ряд некорректных формулировок, которые были исправлены перед изданием книги. Я благодарен Семёну Адамовичу Кутеню и Константину Аркадьевичу Силантьеву за обсуждение свойств мультифрактальности и лог-нормальности плотности активности и оказанную ими поддержку в исследовании этих свойств радиоактивного отложения.

Борис Останин и Болеслав Мартынов, мои школьные товарищи, всячески поощряли меня к работе над рукописью книги. Без их примера, книги-календаря «37 и 1» (СПб., 2015), настоящая книга вряд ли была бы когда-либо написана.

(Андрей Грубич. Отбор проб почвы: статистические методы, Минск, 2016)

→ 20 июля/2017: Никифор, Боян, Марина

...мирно беседуя, поджидали мы Учителя, который обедал с каким-то крупным интендантом. Вскоре он пришёл и, спрятав в маленький сейф пачку документов, измятых в кармане, весело сказал нам:

«Сегодня я хорошо потрудился. Дело идёт на лад. Теперь можно немного отдохнуть и поболтать. Только раньше, чтобы не забыть, я заготовлю текст приглашений, а ты, Алексей Спиридонович, снесёшь их завтра в типографию «Унион».

Пять минут спустя он показал нам следующее:

*В недалёком будущем состоятся
торжественные сеансы
УНИЧТОЖЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ
В БУДАПЕШТЕ, КИЕВЕ, ЯФФЕ, АЛЖИРЕ
и во многих иных местах.*

В программу войдут, кроме излюбленных уважаемой публикой традиционных погромов, реставрированные в духе эпохи: сожжение евреев, закапывание их живьём в землю, опрыскивание полей еврейской кровью, а также новые приёмы «эвакуации», «очистки от подозрительных элементов» и пр., пр.

*Приглашаются
кардиналы, епископы, архимандриты, английские
лорды, румынские бояре, русские либералы, французские
журналисты, члены семьи Гогенцоллернов, греки
без различия звания и все желающие.*

О месте и времени будет объявлено особо.

Вход бесплатный.

«Учитель! — воскликнул в ужасе Алексей Спиридонович. — Это невысказано! Двадцатый век, и такая гнусность! Как я могу отнести это в «Унион», — я, читавший Мережковского?»

«Напрасно ты думаешь, что это несовместимо. Очень скоро, может через два года, может через пять лет, ты убедишься в обратном. Двадцатый век окажется очень весёлым и легкомысленным веком, безо всяких моральных предрассудков, а читатели Мережковского — страстными посетителями намеченных сеансов! Видишь ли, болезни человечества не детская корь, а старые закоренелые приступы подагры, и у него имеются некоторые привычки по части лечения... Где уж на старости лет отвыкать!

<...>

«Учитель, — возразил Алексей Спиридонович, — разве евреи не такие же люди, как и мы?» <...>

«Конечно, нет! Разве мяч футбола и бомба одно и то же? Или, по-твоему, могут быть братьями дерево и топор? Евреев можно любить или ненавидеть, взирать на них с ужасом, как на поджигателей, или с надеждой, как на спасителей, но их кровь не твоя и дело их не твоё. Не понимаешь? Не хочешь верить? Хорошо, я попытаюсь объяснить тебе вразумительнее. Вечер тих, не жарко, за стаканом этого легкого вуврэ я займу вас детской игрой. Скажите, друзья мои, если бы вам предложили из всего человеческого языка оставить одно слово, а именно „да“ или „нет“, остальное упразднив, — какое бы вы предпочли? Начнем со старших. Вы, мистер Куль?»

«Конечно „да“, в нём утверждение. Я не люблю „нет“, оно безнравственно и преступно. Даже рассчитанному рабочему, который молит меня принять его снова, я никогда не говорю этого ожесточающего сердце „нет“, но „друг мой, обожди немного, на том свете ты будешь вознаграждён за муки“. Когда я показываю доллары, все мне говорят „да“. Уничтожьте какие угодно слова, но оставьте доллары и маленькое „да“, — и я берусь оздоровить человечество!»

«По-моему, и „да“ и „нет“ крайности, — сказал мосье Дэ-ле, — а я люблю во всём меру, нечто среднее. Но что же, если надо выбирать, то я говорю „да“! „Да“ — это радость, порыв, что ещё?.. Всё! Мадам, ваш бедный супруг скончался. По четвертому классу — не правда ли? Да! Официант, стаканчик дюбоннэ! Да! Зизи, ты готова? Да, да!»

Алексей Спиридонович, ещё потрясённый предшествующим, не мог собраться с мыслями, мычал, вскакивал, садился и наконец завопил:

«Да! Верую, Господи! Причастье! „Да“! Священное „да“ чистой тургеневской девушки! О Лиза! Гряди, голубица!»

Кратко и деловито, находя всю эту игру нелепой, Шмидт сказал, что словарь действительно надо пересмотреть, вы-

кинув ряд ненужных архаизмов, как-то: «роза», «святыня», «ангел» и прочие, «нет» же и «да» необходимо оставить, как слова серьёзные, но всё же, если бы ему пришлось выбирать, он предпочёл бы «да», как нечто организующее.

«Да! Си! — ответил Эрколе, — во всех приятных случаях жизни говорят „да“, и только когда гонят в шею, кричат „нет“!»

Айша тоже предпочитал «да!» Когда он просит Крупто (нового бога) быть добрым, Крупто говорит «да!» Когда он просит у Учителя два су на шоколад, Учитель говорит «да» и даёт.

«Что же ты молчишь?» — спросил меня Учитель. Я не отвечал раньше, боясь раздосадовать его и друзей. «Учитель, я не солгу вам — я оставил бы „нет“. Видите ли, откровенно говоря, мне очень нравится, когда что-нибудь не удаётся. Я люблю мистера Куля, но мне было бы приятно, если бы он вдруг потерял свои доллары, так просто потерял, как пуговицу, все до единого. Или, если бы клиенты мосье Дэле перепутали бы классы. Встал бы из гроба тот, что по шестнадцатому классу на три года, и закричал бы: „Вынимай надушенные платочки — хочу вне классов!“ Когда чистейшая девушка, которая, подбирая юбочки, носится со своей чистотой по загаженному миру, нападает в загородной роще на решительного бродягу, — тоже неплохо. И когда официант, поскользнувшись, роняет бутылку дюбоннэ, очень хорошо! Конечно, как сказал мой прапрапрадед, умник Соломон: „Время собирать камни и время их бросать“. Но я простой человек, у меня одно лицо, а не два. Собирать, вероятно, кому-нибудь придётся, может быть, Шмидту. А пока что я, отнюдь не из оригинальничанья, а по чистой совести, должен сказать: „Уничтожь «да», уничтожь на свете всё, и тогда само собой останется одно «нет“!»

Пока я говорил, все друзья, сидевшие рядом со мной на диване, пересели в другой угол. Я остался один. Учитель обратился к Алексею Спиридоновичу:

«Теперь ты видишь, что я был прав. Произошло естественное разделение. Наш еврей остался в одиночестве. Можно уничтожить все гетто, стереть все „черты оседлости“, скрыть все границы, но ничем не заполнить этих пяти аршин, отделяющих вас от него. Мы все Робинзоны, или, если хотите, каторжники, дальше дело характера. Один приручает паука, занимается санскритским языком и любовно подметает пол камеры. Другой бьёт головой стенку — шишка, снова бух, — снова шишка, и так далее; что крепче — голова или стена? Пришли греки, осмотрелись — может, квартиры бывают и лучше, без болезней, без смерти, без муки, например Олимп. Но ничего не поделаешь — надо устраиваться в этой. А чтобы быть в хорошем настроении, лучше всего объявить различные неудобства — включая смерть (которых всё равно не изменишь) — величайшими благами. Евреи пришли — и сразу в стенку бух! „Почему так устроено? Вот два человека, быть бы им равными. Так нет: Иаков в фаворе, а Исав на задворках“. Начинаются подкопы земли и неба, Иеговы и царей, Вавилона и Рима. Оборванцы, но чующие на ступеньках храма, — ессеи трудятся: как в котлах взрывчатое вещество, замешивают новую религию справедливости и нищеты. Теперь-то полетит несокрушимый Рим! И против благолепия, против мудрости античного мира выходят нищие, невежественные, тупые сектанты. Дрожит Рим. Еврей Павел победил Марка Аврелия! Но люди обыкновенные, которые предпочитают динамиту уютный домик, начинают обживать новую веру, устраиваться в этом голом шалаше по-хорошему, по-домашнему. Христианство уже не стенобитная машина, а новая крепость; страшная, голая, разрушающая справедливость подменена человеческим, удобным, гуттаперчевым милосердием. Рим и мир устояли. Но, увидав это, еврейское племя отреклось от своего детёныша и начало снова вести подкопы. Даже где-нибудь в Мельбурне сейчас сидит один и тихо в помыслах подкапывается. И снова что-то месят в котлах, и снова готовят

новую веру, новую истину. И вот сорок лет тому назад сады Версаля пробирают первые приступы лихорадки, точь-в-точь как сады Адриана. И чванится Рим мудростью, пишут книги Сенеки, готовы храбрые когорты. Он снова дрожит, „несокрушимый Рим“!

Евреи выносили нового младенца. Вы увидите его дикие глаза, рыжие волосики и крепкие, как сталь, ручки. Родив, евреи готовы умереть. Героический жест — „нет больше народов, нет больше нас, но все мы!“ О, наивные, неисправимые сектанты! Вашего ребёнка возьмут, вымоют, приедут — и будет он совсем как Шмидт. Снова скажут — „справедливость“, но подменят её целесообразностью. И снова уйдёте вы, чтобы ненавидеть и ждать, ломать стенку и стонать „доколе“?

Отвечу — до дней безумия вашего и нашего, до дней младенчества, до далёких дней. А пока будет это племя обливаться кровью роженицы на площадях Европы, рожая ещё одно дитя, которое его предаст.

Но как не любить мне этого заступа в тысячелетней руке? Им роют могилы, но не им ли перекапывают поле? Прольётся еврейская кровь, будут аплодировать приглашённые гости, но по древним нашёптываниям она горше отравит землю. Великое лекарство мира!..»

И, подойдя ко мне, Учитель поцеловал меня в лоб.

(Илья Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников, 1921)

Табулатура сказки

- А — вредительство,
- В — посредничество, соединительный момент,
- С — начинающееся противодействие,
- ↑ — отправка героя из дома,
- Д — первая функция дарителя,

Г — реакция героя,
Z — овладение волшебным средством,
R — перемещение к месту назначения,
Б — борьба с вредителем,
З — трудная задача,
К — клеймение, отметка героя,
П — победа над вредителем,
Р — решение задачи,
Л — ликвидация беды или недостачи,
↓ — возвращение героя,
Пр — преследование героя,
Сп — спасение героя,
Х — неузнанное прибытие,
Ф — необоснованные притязания ложного героя,
У — узнавание героя,
О — обличение ложного героя,
Т — трансфигурация,
Н — наказание ложного героя или вредителя,
С* — свадьба.

Функции действующих лиц (общим числом 31):

отлучка, запрет и нарушение запрета, разведка вредителя (выведывание) и выдача ему сведений о герое, подвох и пособничество, вредительство (или недостача), посредничество, начинающееся противодействие, отправка, первая функция дарителя и реакция героя, получение волшебного средства, пространственное перемещение, борьба, клеймение героя, победа, ликвидация недостачи, возвращение героя, преследование и спасение, неузнанное прибытие, притязания ложного героя, трудная задача и решение, узнавание и обличение, трансфигурация, наказание. свадьба.

Действующие лица (общим числом 7):

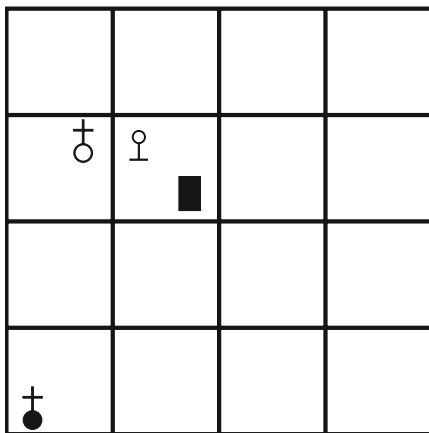
анатагонист (вредитель), даритель, помощник, царевна (или её отец), отправитель, герой, ложный герой.

Итоговая схема сказки:

А В С ↑ Д Г Z R {Б/З К П/Р} Л ↓ Пр Сп Х Ф У О Т Н С*

(Владимир Пропп. *Морфология сказки, 1928, фрагменты*)

→ 22 августа: Пропп и классика

Фернандо Сааведра (1895). Выигрыш

→ 2 августа: Рети

Решение задачи от 15 марта:

1. Лb7! Ф:b7
2. С:g6+ Кр:g6
3. Фg8+ Крf5:
4. Фg4+ Кре5
5. Фh5+ Лf5
6. f4+ С:f4
7. Ф:e2 С:e2
8. Ле4+ de
9. d4×

- Яму копал?
- Копал.
- В яму упал?
- Упал.
- В яме сидишь?
- Сижу.
- Лестницу ждёшь?
- Жду.
- Яма сыра?
- Сыра.
- Как голова?
- Цела.
- Значит живой?
- Живой.
- Ну, я пошёл домой!

(Олег Григорьев. Яма)

→ 6 марта/2017: Я ещё лечу

МАЙ

МАЙ

1

вторник

Почему же называется «Утром три?» Вот отчего. Обезьяний царь, раздавая каштаны, спросил: — Хватит ли утром по три, а вечером по четыре? Тут все обезьяны разгневались. — Тогда утром по четыре, а вечером по три? — спросил он. И все обезьяны обрадовались.

Чжуан-цзы

Я виноват, я не прочитал до конца манифест Бретона. А Беркли, буду ли я читать Беркли? Шекли, Шелли, Шеллинг? Я так необразован, глуп-с как пробка. Пропп, Болеслав Натанович Пруст. Сегодня, как говорят некоторые лучшие умы Евразии, 2 мая — значит, вчера был шабаш. Ум — это опечатки и отточия... Помню, лет десять назад мылся в ванной и пел (см. «Характеры» Феофраста): «А я иду, шагаю по Москве, и я пройди ещё смогу солёный Тихий океан, и тундру, и тайгу». Стоит ли говорить, что я в Москве ни разу не был. Везти девять дырок моего тела за 666 километров от родного красного ободранного дивана, которому как совершеннолетнему уже можно было бы выдать паспорт? Я ли тебя брошу, я ли тебя покину, я ли тебе изменю? Отвечаю: я.

Диван Тамарита. С Гёте отношения у меня не сложились. Он много смеялся и вёл себя не по-джентельменски, а я не хотел идти вперёд по трупам. Клопшток много лучше Гёте, хотя бы потому, что я не читал его.

Потом началось истребление личности. Сурож, где-то неподалёку строилась генетическая цепочка Николая Василь-

евича Гоголя и Остапа Вишни. Помню: вагон, погон, три выстрела из ракетницы — и началась война-14. Да, мы пили кумыс, а исландцы похожи на тибетцев. Снова город, ещё похуже Иерусалима. Русь. Пусть лингвисты об этом беспокоятся. Я только снимаю слепки с сознания. Дактилоскопия, ортопедия. Нет, с мальчиками не приходилось... Грех — нововведение в технологии жизни, непредусмотренная функциональность.

Бог заботится о мыслях, если они приходят мне в голову? Тут же фиксирую их. Так это и значит говорить правду? Скажем, истребление людей поставили на промышленную основу. Такова логика индустриального века. Сологуб знал, что говорит, когда предрекал: инженер нас съест. Во множественном числе дилемма Каина и Авеля упраздняется. Нравственная сторона просто перестает существовать.

Невиновных в XX веке нет. Иллюзии эпохи Просвещения развеялись как с белых яблонь дым. Человек — тёмный. Поэтому все создаваемые им институты общественной жизни несут на себе печать неизбежной убудочности. На этом беспрецедентном пепелище утраченных иллюзий разве что иногда вспыхивают угольки озарений. От такого уголька не грех и прикурить.

(Борис Ванталов. Утром три // Крещатик, № 9, 2000)

Зайцы и медведи

Простая карточная игра для детей. (Можно называть её с обычным ударением «Зайцы и медведи», а можно — *для большего шика* — со сдвигом ударения в обоих словах: «Зайцы и медведи».)

Колода в 36 карт, играют 3 человека (или двое). Каждая из карт оценивается по номиналу (шестёрка — 6, семёрка — 7, ..., валет — 2, дама — 3, король — 4, туз — 1 или 11 по желанию игрока). Банкир раздаёт всем, включая себя, по две карты.

Ближайший к нему по часовой стрелке игрок («объявитель») смотрит свои две карты и, в зависимости от того, мелкие они или крупные, и в предвкушении того, что банкир раздаст всем ещё по одной, объявляет, кто из троих в этой раздаче победит: кто возьмёт очков меньше всех («Зайцы») или больше всех («Медведи»). После объявления регистра игры («Зайцы» или «Медведи») банкир досдаёт всем по одной карте, оставшуюся колоду кладёт рядом (она пригодится для следующей раздачи) и наблюдает за тем, как оба игрока открываются и один из них выигрывает (при равенстве очков побеждает ближайший — по часовой стрелки — к банкиру). Теперь с победителем играет банкир (при равенстве очков он побеждает), записывает победителю 1 очко, сбрасывает использованные карты в отбой и раздаёт из колоды, не перемешивая её заново, карты для новой игры. После четырёх раздач ($3 \times 3 \times 4 = 36$) карты кончаются, колоду заново тасует новый банкир (ближайший сосед прежнего по часовой стрелке). После того, как все игроки побывают банкирами (один круг), игру можно закончить и определить победителя, а можно сыграть несколько кругов.

Если «Зайцы и медведи» наскучат своей простотой, можно разнообразить её третьим регистром («Очковая змея»): помимо игры по минимуму («Зайцы») или по максимуму («Медведи») позволить «объявителю» заявить игру «в очко» на три карты, в которую он сыграет сначала со вторым игроком, а если выигрывает (сумма очков у него окажется ближе к 21 «снизу»), — с банкиром.

Совсем маленькие дети могут играть в упрощённую разновидность этой игры под названием «Красное и чёрное». Как и раньше, банкир раздаёт всем по две карты, «объявитель» сообщает, красный или чёрный *цвет* он будет играть, банкир досдаёт третью карту и т. д.

(1990-е)

Куско

Вероятно, смерть каждого человека неким образом связана с тем, как он жил. Родни <Коллин> никогда не щадил себя физически и в последние недели, страдая от крайнего истощения, изнурял себя всё больше — проводил ежедневные встречи в Лиме, бесчисленные частные беседы, долгие часы движений. Он признался, что чувствует себя в Куско «довольно странно» — на высоте 11 800 футов над уровнем моря — и, нарушив свою привычку избегать лекарств, принял несколько доз корамина.

В день приезда он встретил в соборе нищего мальчика-калеку. После завтрака, когда другие члены группы отдыхали, он отвёл мальчика на гору к большой статуе Христа, которая возвышается над городом, и они вместе молились там о его исцелении. Затем они отправились в общественные бани, где Родни собственными руками вымыл его и вытер. После чего купил ему новую одежду. Возле магазина собралась толпа, наблюдающая за тем, как чужак-иностранец возится с бедным индейским мальчиком. Родни сказал собравшимся: «Этот мальчик — на вашей ответственности. Он — это вы сами. Если вы будете молиться нашему Господу о его исцелении, он выздоровеет. Вы должны узнать, что такое гармония; вы должны научиться заботиться друг о друге; вы должны научиться давать». Кто-то из толпы сказал: «Это всё для богатых». Родни ответил: «Каждый может что-то дать. Каждый может дать молитву. Если вы не можете дать ничего, вы всегда можете дать улыбку; это ничего не стоит».

В тот вечер несколько человек пришли к Родни в гостиничный номер, чтобы больше узнать о его работе. Во время беседы один из них сказал: «Всю свою жизнь я хотел молиться, но у меня не получается». Родни ответил: «А как вы думаете, что вы делаете сейчас? То, что вы только что сказали, разве это не молитва?»

МАЙ

3

четверг

На следующий день пришёл мальчик-калека, чтобы отвести Родни на колокольню собора и показать то место в углу под колоколами, где ему разрешали спать. Чтобы добраться туда, пришлось подняться по лестнице в девяносто восемь ступеней. Потом Родни отправился с остальными участниками группы в горы — осматривать инкские развалины.

После завтрака, когда остальные отдыхали, Родни вышел. Он поднялся на колокольню, нашёл там мальчика и сел рядом с ним под аркой. Он сказал мальчику, что хочет договориться с доктором, чтобы тот прооперировал его искривленную ногу. Говоря это, он смотрел на статую Христа на горе напротив собора. Вдруг у него перехватило дыхание. Задышавшись, он резко встал и пошёл вперёд по верху низкой стены, ухватившись за два деревянных бруса, которые поддерживали арку. Потом упал вперёд и, ударившись головой об один из них, вывалился на широкий карниз, а с него соскользнул на улицу. Он лежал на земле, раскинув руки крестом, с улыбкой на губах, с открытыми глазами, как будто глядел в небо.

Нет ничего необычного в том, чтобы умереть от сердечного приступа после подъёма по длинной крутой лестнице, на большой высоте над уровнем моря, после многих недель телесных усилий в состоянии истощения. Это естественное следствие физического состояния. Это естественно и на другом уровне, для человека, который всем своим существом верил: смысл жизни в том, чтобы отдавать всё, что имеешь, из любви к Богу — и в конце концов отдал самого себя.

На его могиле на кладбище в Куско выгравированы слова, которые он написал за два месяца до смерти:

Я был в Боге;
Я был послан на землю;
У меня отобрали крылья;
Моё тело вошло в материю;

Моя душа была поймана материей;
Земля вобрала меня внутрь;
Я замер.
Вырастает стремление;
Я собираю всю свою силу;
Рождается воля;
Я воспринимаю и размышляю;
Я поклоняюсь Троице;
Я пребываю в Боге.
Я неподвижен.

*(Джанет Коллин. Куско // Родни Коллин.
Теория сознательной гармонии, СПб., 1997)*

Идея избранничества — одна из кардинальнейших идей во всех религиозных системах, начиная с самых первобытных и кончая самыми высшими, монотеистическими. В основе самой ранней религиозной идеи, идеи удаи, счастья, лежит представление о чьём-то специальном покровительстве, чьём-то специальном расположении к тому или другому отдельному лицу.

Идея эта коренится в основном миропонимании первобытного человека. С того времени, как человек открыл в окружающем мире существование особых существ — духов — и в волевых актах этих последних стал видеть причины всех происходящих явлений, он стал приписывать все свои житейские успехи и превратности непосредственному вмешательству тех или иных духов.

Понятие «счастье» поэтому представляется ему совсем не в нашем смысле сцепления случайных благоприятных обстоятельств. Счастье представляется ему в виде особого специального покровительствующего духа. На языке юкагиров, например, слово пацуі означает «дух-покровитель», «хозяин» той или иной породы животных, посылаемых им

в добычу человеку, но этим же словом обозначаются и понятия «судьба», «счастье». Даже на Украине «доля», счастье человека, представляется в виде духа — двойника человека. Латинский термин для обозначения счастья — fortuna (греческое τύχη) — с древнейших времен до самых новейших обозначал вместе с тем особую богиню-покровительницу, и самое введение её в культ приписывалось легендарному счастливицу, рабу, ставшему царем, Сервию Туллию.

С точки зрения первобытного человека, всякий преуспевающий в жизни или выдающийся человек, всякий удачливый охотник, всякий талантливый, умный, красноречивый, даже всякий богатый человек — это *избранник*, т. е. человек, который почему-либо привлёк к себе симпатии того или другого властного духа или божества.

Идея эта настолько укоренилась в уме первобытного человека, что даже целый ряд трагических фактов жизни индивида приписывается избранничеству. Так, смерть от молнии, случайная гибель в огне, на воде, смерть, причинённая хищным зверем — тигром, медведем, крокодилом и т. д., приписывается тому, что тот или другой дух, возлюбив того или другого человека, убивает его, чтобы обладать им в мире духов.

Дальнейшего развития и завершения эта идея достигла в связи с представлением о возможности непосредственного общения человека с представителями мира духов. Благодаря этому общению избранник приобретает сверхъестественные силы, становится посредником между людьми и божеством и, наконец, глашатаем его воли, учения и велений. Отсюда — идея вселения божества, идея откровения, идея богочеловечества, идеи, породившие шаманов, жрецов, пророков, основателей религий.

(Лев Штернберг. Избранничество в религии // Первобытная религия в свете этнографии, М., 1936)

→ 14 августа: Избранничество, 2

В мире, нас окружающем, есть много таких лиц и предметов, с их относительным значением, о которых, говоря мимоходом, вскользь, мы выражаемся с уверенностью в полноте и непогрешительности их понимания; а между тем, в иную пору, спрашивая себя добросовестно о том или другом предмете, кажущемся нам как нельзя лучше ясным и понятным, мы станем в тупик и не придумаем, что отвечать на свой навязчивый вопрос. Кажется, понятно различие между санником и колесником: так вот, и думается, что санник ни за что не натягнет обода на спицы, а колеснику и вовек не умудриться накрутить вязок, уравнивать полоз и тому подобное, а спросите-ка иного краснбая, что такое санник и что колесник? Вот тут и выйдет запятая... А что такое ловчий? Слышится мне прежний вопрос, несмотря на то, что я уже имел честь докладывать однажды, что ловчий есть, во-первых, человек, как и все мы, люди, а во-вторых, охотник, правящий стаей гончих собак. Но чудится мне снова, что этот вопрос, словно нить Ариадны, потянется за мной далеко, если я не скажу теперь же несколько вразумительных слов о том, что такое ловчий.

<...>

Ловчих есть два, пожалуй, даже три рода: может быть, кто-нибудь отыщет их и больше, да о тех говорить не стоит, потому что они люди такого сорта, для которых все равно, быть ли ловчим или каменщиком, плотником, сапожником — одним словом, быть тем, чем им быть *приказано*. Следовательно, каждый из них попал в ловчие только потому, что ему не пришлось быть ни пастухом, ни дворником. Но ловчий по природе, по призванию, *по охоте* — это другое дело, и дело новое, невообразимое для тех, кто не испытывал на себе и не видывал из примера, на что бывает способен человек и что может сделать он по увлечению, по страсти, *по охоте*. Ловчий по призванию — это абрек, сорвиголова, жизнь — копейка! человек на диво другим, человек, по воле, по охоте обрекший себя на труд, на риск, на

испытание, на истязание... по натуре своей он должен быть не ровня другим людям: это — натура-особняк, это двух-жильный, железный человек!

<...>

Для отчетливого выполнения своей обязанности ловчому необходимо первейшее из условий: железное здоровье, и с ним вместе — страсть к своему делу. С ними не страшны для него ни бессонные ночи, ни те труды, о которых говорить не станем, потому что увидим их со временем на деле. С этими двумя качествами он должен совмещать в себе следующие необходимые достоинства: искусство в езде, то есть сметливость, проворство, находчивость, умение сбегать стаю, а главное — мастерская выдержка собак, неусыпное наблюдение за ними, заботливость об отвращении заразы и чумы; порсканье, удалство и прочие атрибуты, за которыми гоняются многие бары-охотники, я признаю в ловчём достоинствами второстепенными.

(Егор Дриянский. Записки мелкотравчатого, М., 1985)

→ 19 августа: Записки мелкотравчатого, 2

МАЙ

6

воскресенье

Дэниел О'Холиген лежал неподвижно, словно мертвец на палубе, под распластанной парусиной рухнувшего шезлонга. И лишь незадолго до того, как снизошло на него внезапное умиротворение, чувство безопасности, теплоты и благословенной укромности, он смог простить шезлонг. Хотелось забыть неловкие попытки его расставить, шквал вращающихся планок, внезапно выпростанных, чтобы боднуть его в живот и, беспомощного, подбросить к небу согласно мрачным законам рычага, а потом навалиться, как беспощадный борец, алчущий лёгкой победы.

Увы, опять неудача; но ведь лучше попытаться и проиграть, чем проиграть, даже не пытаясь? Он знал, что не лучше, ибо достичь без усилий поражения, как и достичь без

усилий чего бы то ни было, парадоксальным образом представляло бы собой выдающийся успех. Дэниел О'Холиген задумался над идеальной неудачей, а в это время земля медленно проворачивалась сквозь очередной воскресный вечер, и, фильтруясь сквозь полосатую парусину упавшего шезлонга, солнечный свет омывал его мир яркими лучами основных цветов.

Единственное, что омрачало столь ясную и счастливую перспективу, — приглушённый гул, который проникал из внешнего мира и напоминал о том, что рано или поздно придётся вновь погрузиться во вскипающие кошмары Дня открытых дверей и попытать счастья с диковатыми вкраплениями городского населения, рыскающего по кампусу.

В плотном гомонящем потоке он различал голоса своих университетских коллег, которые лжесвидетельствовали в рупоры, вознося славу степеням и дипломам «Золотого Запада». Высшее образование распродавалось в киосках, палатках и ларьках, паршой покрывших Центральную площадь. Не слишком популярный товар — точные и гуманитарные науки — находился на специальной распродаже «Только сегодня!» со вступительными требованиями, усечёнными до такого уровня, на котором уже не говорят «нет». Непрерывная какофония то и дело акцентировалась отдалёнными хлопками и грохотом — это кудесники прикладной науки изумляли и стращали свою оторопевшую аудиторию, демонстрируя ей напряжение, возгорание и энергию. Дэниела до сих пор не покидала надежда, что в один прекрасный День открытых дверей все университетские ученые-прикладники взлетят на воздух в результате какой-нибудь чудесной пиротехнической трагедии.

Где-то справа отвратительный хор музыкального факультета низводил беззащитный отрывок из Шуберта до такой бессмыслицы контрапункта, что звуки первых же тактов навсегда пресекали наслаждение последующими. Неподалеку от того места, где лежал Дэниел, дети, насупив-

шись, наблюдали дурацкую пиесу, разыгрываемую сотрудниками «Золотого Запада».

Чёрт возьми, как он ненавидел Дни открытых дверей: восемь напряженных часов бегства от человеческих нелепостей, характерных для этого провинциального городка, для этого безлюдного края, покинутого прогрессом где-то на полпути от очаровательного местечка, которым он был когда-то, к оживлённому мегаполису, которым он никогда не будет.

Послышались шаги, и Дэниел замер под парусиной. Лопнул воздушный шарик. Испуганно заверещал ребенок. Крикнул подросток. Родители постращали и наказали. Дэниел испугался вдруг, как бы его не затоптали, но вскоре все умолкло, и он с облегчением вздохнул. Ещё пять минут под шезлонгом, чтобы собраться с силами, и придёт пора выбираться на белый свет.

Хотя очки и соскочили от толчка, Дэниел О'Холиген сумел-таки сфокусировать взгляд в паре дюймов от своего носа, где происходила активная деятельность в почве и среди травинки, ибо его падение на землю вызвало великий хаос в насекомом царстве, где он массивно приземлился. Тысячи лохматых щупалец и дрожащих антенн, бесчисленные хоботки, щупики, усики и жгутики сучили в воздухе, собирая срочные данные, покуда обитатели производили переучёт в своей вселенной после наигорестнейшего события. Обезумевшими от страха фасеточными глазами они распознали, что на их землю сверзился великий бог вместе с таинственным радужным покровом. Сотни убитых и покалеченных. Разрушены обширные общественные постройки, тоннели, питомники, жилые кварталы. Потрясение сменилось лихорадкой, вскипающие волны муравьёв носились без видимой причины туда-сюда, героически перетаскивая взад-вперёд предметы во много крат больше себя. Блохи кусали друг друга, сконфуженные пауки кидались

во все стороны света и, оказавшись в окружении беспорядочных скопищ гнид, принимались суетливо описывать бесконечные круги.

Бог обозрел вызванное им смятение и постарался успокоить одержимых насельников травяного царства.

«Да не устрашитесь, — сказал он. — Я явился меж вас, дабы доставить весть о предстоящем в этом семестре путешествии по волшебным полям, лесам и уделам Средневековья».

Только одно создание, казалось, прислушалось к словам Дэниела. Зелёный трипс, более внимательный, чем остальные, спустился с травинки и настойчиво наблюдал за ним, покуда не был схвачен и раскушен случившимся поблизости богомолем. Богомол не спускал с бога дерзкого взора, праздно разрывая трипса на части. Он вовсе не был голоден, но поступок его оказал благоприятное воздействие на окружающих, и общая истерия прекратилась. Жизнь насекомых понемногу вошла в норму. Пауки и муравьи заспешили по своим делам, устыдившись бывшего смятения, большинство блох и гнид пали жертвой измождения. Выполз червяк, что-то срыгнул и удалился туда, откуда приполз.

Время шло, и Дэниел зевнул под солнечным теплом, бальзамом проливающимся сквозь парусину, обезболивающим и усыпляющим. Бог глубоко вздохнул. Ах, как бы он хотел провести здесь весь остаток воскресного дня! Чтобы отвлечься от внешнего шума, Дэниел выкопал для дохлого трипса могилу. Ловко прижав головореза-богомола сучком, он умыкнул у него останки погибшего и принялся составлять из самых сообразительных муравьёв похоронную процессию. Вскоре, к бешенству пленённого богомола, недоёденные части трипса весьма торжественно повлекли. Череда аккуратных устроенных препятствий направляла скорбящих, и когда траурный кортеж прибыл к небольшой ямке, Дэниел конфисковал трипса и уложил его в могилу. Этот поступок изрядно озадачил скорбящих, и бог поста-

рался облегчить их нарастающую неуверенность панихидой по усопшему, что потребовало его незамедлительного посмертного крещения. Бог остановился на имени Фабиан как, вероятно, наиболее правильном и достаточно нейтральном, дабы избежать в случае ошибки ненужных обид и кривотолков. «Возлюбленные мои, когда тот из нас, кто был дорог многим и с кем расправились с такой незамысловатой жестокостью, внезапно призван, — здесь бог пронзил взглядом хмурого богомола, — мрачное чувство безысходности и тщеты бытия проникает в ткань нашей повседневной жизни. Однако, скажу я вам, и останки Фабиана будут мне верным свидетелем, в этом фатальном мире успех и неуспех — бессмысленные критерии. Единственное, что имеет значение, — это триумф всего, что возвышенно, над всем, что посредственно. Возвышенное поражение намного превосходит посредственный успех и гораздо реже его, ибо мир засорён посредственностью, случайное соединение которой со склонностью к тяжкому труду обрекает самых упорных на успех, невзирая на его ничтожное качество.

С другой стороны, возвышенное предприятие, благородная мысль, дерзновенное деяние уже являются соответственно своей сущности таковыми, независимо от их успеха или неуспеха, и совершенно не зависят от наличия результата. Величественная дамба смелой конструкции, героически перекинутая через дикую предательскую реку, остаётся таковой, даже если она обрушится и смоем тех, кому призвана была служить, с земли в океан».

При этих словах богомол ускользнул из-под сучка. Метнувшись к могиле, он эксгумировал трипса, вызывающе вандалическим жестом откусил ему голову и убежал прочь, стиснув в жвалах то небольшое, что от него уцелело. Дэниел принялся уже сколачивать из участников похоронной процессии отряд преследователей, как вдруг упавший шезлонг был с него поднят и радужные чары оказались на-

прочь разбиты ничем не сдерживаемым потоком яркого света, порывом василискова дыхания и хорьей мордочкой Нила Перкиса.

— Ты в порядке, Дэниел?

— Перкис, ты только что растоптал похороны.

— Извини.

— Ничего страшного, ритуал вчерне уже завершён.

Нил Перкис собрал шезлонг и установил его.

— Лучше бы устроил свою экспозицию.

— Вот моя экспозиция, Нил. — Дэниел О'Холиген указал на шезлонг и мандолину, прислонённую к столбику с табличкой.

— Здесь не самое удачное место. Средневековая литература должна находиться в павильоне факультета коммуникации, а не скрываться за ним. Люди тебя не заметят, Дэниел.

— Слава Аллаху! — Дэниел осторожно опустился в шезлонг.

— Я имею в виду абитуриентов и их родителей.

— Я тоже. Здесь моё убежище, Перкис, в этом свихнувшемся мире.

Дэниел извлек из своего одеяния толстый журнал «Медиевист», открыл на случайной странице и углубился в чтение.

(Питер Уэйр, Безумие Дэниела О'Холигена, СПб., 2010)

→ 25 августа: Уэйр, 2

Б о м б е е в

— Кто вы, кивающие маленькой головкой,
Играете с жуком и божией коровкой?

Г о л о с а

— Я листьев солнечная сила.

— Желудок я цветка.

— Я пестика паникадило.

— Я тонкий стебелёк смиренного левкоя.
— Я корешок судьбы.
— А я лопух покоя.
— Все вместе мы — изображение цветка,
Его росток и направленье завитка.

Б о м б е е в

А вы кто там, среди озёр небес,
Лежите, длинные, глазам наперерез?

Г о л о с а

— Я облака большое очертанье.
— Я ветра колыханье.
— Я пар, поднявшийся из тела человека.
— Я капелька воды не более ореха.
— Я дым, сорвавшийся из труб.
— А я животных суп.
— Все вместе мы — сверкающие тучи,
Собрание громов и спящих молний кучи.

Б о м б е е в

А вы, укромные, как шишечки и нити,
Кто вы, которые под кустиком сидите?

Г о л о с а

— Мы глазки жуковы.
— Я гусеницин нос.
— Я возникающий из семени овёс.
— Я дудочка души, оформленной слегка.
— Мы не облекшиися телом потроха.
— Я то, что будет органом дыханья.
— Я сон грибка.
— Я свечки колыханье.
— Возникновенье глаза я на кончике земли.

— А мы нули.
— Все вместе мы — чудесное рождение,
Откуда ты своё ведёшь происхождение.

Б о м б е е в

— Покуда мне природа спину давит,
Покуда мне она загадки ставит,
Я разыщу, себе наперекор,
Своих отцов, и братьев, и сестёр.

(Николай Заболоцкий. Деревья, Пролог, 1933)

Умберти Бенито, 1888–1932.

Итальянский зодчий,
создатель первых архитектурных сооружений
в стиле «гимнастико».

Молодые годы Бенито Умберти, позднее заставившего так много говорить о себе архитектурные круги Европы, не ознаменовались никакими выдающимися творческими достижениями.

Специализировавшийся на проектировании частных загородных вилл для представителей деловых кругов Италии, архитектор проявил себя как убеждённый последователь школы Корбюзье. Художественное оправдание своим сооружениям, расположенным в загородной местности, он стремился найти не в гармонии между ними и пейзажем, а, напротив, в максимально резком противопоставлении их силуэтов, соотношении их масс, их архитектурных элементов, их облицовки и расцветки окружающей природе. <...> Постройка подобных вилл для богатых заказчиков привела к тому, что в руках архитектора вскоре оказалось значительное состояние.

Неразработанность биографических материалов и отсутствие сколько-нибудь обстоятельной монографии, по-

свящённой У., мешают нам уяснить, какими путями и под влиянием каких жизненных явлений мысль этого художника пришла к парадоксальным выводам, определившим второй, последний период его деятельности. Однако некоторые указания мы можем почерпнуть в его собственной книге «Жилище как орудие физического воспитания» — единственной теоретической работе, оставленной им потомству. Во введении к своему труду автор, между прочим, говорит следующее: «Обстоятельства моей жизни и работы способствовали тому, что при выполнении заказов для наиболее состоятельных представителей нашего общества я имел возможность всесторонне ознакомиться с укладом жизни, с будничным бытом этого круга, с характером времяпрепровождения, привычками и наклонностями, в нём господствующими. Я не хочу делать мрачных прогнозов. Ещё менее стремлюсь я очернить или принизить уровень умственного развития и эстетической утонченности людей этого блистательного мира. Именно горячее желание удержать этот общественный слой от движения по нисходящей, оградить его от ужасов деградации, способствовать его физическому и волевому оздоровлению стало руководящим началом моей профессиональной деятельности».

Это откровенное признание человека, сознательно отдающего свой талант на службу магнатам крупной собственности и с каким-то, сказали бы мы, наивным цинизмом полагающего смысл своей жизни в работе на пользу узкого круга баловней судьбы, достаточно характерно само по себе. Но что же, собственно, предлагает У. для спасения капиталистической верхушки от «ужасов деградации»? Какую панацею измыслил этот изолированный от своего народа эстет, этот поборник привилегированной касты?

Исходный тезис У. заключается в мысли, будто бы жилой комплекс должен быть не просто местом повседневного пребывания человека, но именно в силу того, что он является жизненной средой людей в продолжение большей ча-

сти суток, он призван максимально способствовать физической и нервной закалке своих обитателей. Если до сих пор усилия строителей направлялись на создание в жилом доме максимума комфорта, то отныне эти усилия следует направлять на почти противоположную цель: сконструировать жилище таким образом, чтобы каждый шаг, каждое движение обитателя наталкивались бы на физическое препятствие. Именно преодоление этих препятствий должно было, по мысли У., стимулировать всестороннее развитие мускулатуры, повышение жизненного тонуса, закалку нервной системы, укрепление воли. Всё здание понималось как своеобразный физкультурный комплекс, как сильное средство пробудить в изнеженном буржуа вкус к жизни и бесстрашие перед препятствиями. Такова глубоко реакционная сущность теории У.

Хорошо известно, как часто в эпоху упадка господствующего класса реакционные течения в искусстве облачаются в мнимо-революционную форму. Эта закономерность блистательно подтверждается и на примере теории У., или, как он называет её, «стиле гимнастико». Сверхфутуристический интерьер, ультралевое понимание и использование пространства, превращение дома в комбинат самых рискованных аттракционов, а всей жизни хозяев и слуг — в непрерывную цепь замысловатых трюков — таков рецепт, предлагаемый У. для того, чтобы повернуть вспять колесо социально-исторических процессов.

Понимая, что вряд ли он сыщет в Италии охотников пустить на ветер своё состояние ради осуществления подобного плана, У. решаете построить в стиле «гимнастико» виллу для самого себя. Затраты его не смущают. Покупается участок в самом фешенебельном районе Капри. Здание приподнимается над землёй и опирается на четыре наклонно стоящие фермы, напоминая своим экстерьером гимнастического коня. Этот несуразный силуэт делается господствующим над одним из чудеснейших уголков Италии. Но

главное заключается в интерьере здания. Этот интерьер, жизнь архитектора в необычайной обстановке и вскоре затем его смерть попадают на некоторое время в центр внимания итальянской общественности. Поднимается буря насмешек, рождаются анекдоты, возникают целые легенды о хозяине виллы Гимнастикко и о его приключениях внутри собственного обиталища. Каково же устройство этого обиталища в действительности?

Первый шаг посетителя, едва переступившего порог виллы, предупреждает его, что здесь следует быть осторожнее: панели, составляющие пол, начинают вдруг выскальзывать из-под его ног, двигаясь взад и вперёд, подобно тому, как это практикуется в низкопробных аттракционах Луна-парков. Ступени лестницы приходят в движение, едва нога человека опускается на первую из них. Они ёрзают справа налево и слева направо, в то время как перила предательски ныряют вниз, как только вы пытаетесь сохранить равновесие при их помощи. Понимание пола как ровной поверхности для спокойной ходьбы объявляется устаревшим: взамен него создаётся бесформенное нагромождение глыб разной величины, преодоление которых должно повседневно укреплять мускулатуру икр, бёдер и поясницы. Дверь, которую вы слегка толкаете вперёд, с неестественной быстротой устремляется в противоположном направлении, грозя расшибить вам лицо: это должно способствовать развитию вашего самообладания и находчивости. Когда вы заносите ногу, чтобы перешагнуть несуразно высокий порог при входе в гостиную, этот порог внезапно проваливается, и вместо него перед вами оказывается зияющая пустота, причём сверху молниеносно спускаются гимнастические кольца: уцепившись за них, вы можете, наконец, лопасть в помещение для приёма гостей, кстати поупражняя мышцы ваших рук, плеч и лопаток. Но вот опасное путешествие кажется оконченным: выбившись из сил, вы пробрались в гостиную и опускае-

тесь в низкое комфортабельное кресло. Но едва пружины кресла подаются под вашей тяжестью, как мощная струя ледящего ветра охватывает ваше разгорячённое тело: этим способом ваш организм должен приучаться к резким сменам температуры.

Наиболее экстравагантный номер был, однако, приписан хозяином для подступов к его собственному кабинету. По мысли архитектора, посетитель, измученный всеми мытарствами виллы Гимнастико, должен был тем глубже почувствовать сладость заслуженного отдыха в хозяйском кабинете. Эта комната отвечала всем современным требованиям самого изысканного комфорта. Но вход в неё имелся лишь один, и гость, не решившийся преодолеть этих последних испытаний, принуждаем был возвратиться к исходной точке своего путешествия, не получив даже насущно необходимой передышки. Кабинету предшествовал довольно обширный зал, около семи метров высотой, во всю свою ширину украшенный глубоким водоёмом. Вход, или, вернее, впаз, в кабинет виднелся в противоположной стене, на высоте четырёх метров над водой. Это было отверстие без двери, с небольшой, лишённой перил площадкой перед ним. Для того чтобы достигнуть этой площадки, следовало воспользоваться подобием пожарной лестницы, поднимающейся к потолку сразу же подле двери, через которую вы вошли в зал, загибающейся под прямым углом над водоёмом, проходящей горизонтально под самым потолком и спускающейся затем к воздушной площадке перед отверстием кабинета. Таким образом, посетителю предлагалось совершить часть путешествия, повисая на руках и перебирая ими металлические перекладины, в то время как тело его качалось в воздухе без всякой опоры. При этом его должна была утешать мысль, что в случае падения несчастье ограничится простым купаньем в холодной воде.

Естественно, что не только постройка, но и обслуживание подобного жилища требовало огромных затрат. Из-

вестны колоссальные, прямо-таки баснословные оклады, которыми У. привлекал к себе тех, кто составил штат его прислуги. Известно также, что ему не удалось найти человека, согласного обслуживать его кабинет; поддержание порядка в этом таинственном покое осталось неприятной, хотя, быть может, и оправданной в качестве наказания обязанностью хозяина.

Нас не должно удивлять, однако, что в Италии нашлись пресыщенные, жаждущие острых ощущений бездельники, усмотревшие в выдумках У. новый способ щекотанья нервов и насыщения жизни призрачным содержанием. Не говоря о Габриэле Д'Аннунцио, со свойственной ему страстностью выступившем на защиту «стиля гимнастико», и генерале Иниго ди Виченца, не решившимся, правда, лично посетить виллу Умберти, но выражавшим сочувствие его идеям, приходится упомянуть о графе Чиано, который часть одной из своих вилл оборудовал согласно указаниям У.

Но более широкого признания своих идей архитектору не суждено было дожидаться: в ноябре 1932 г., преодолевая препятствие по пути в свой кабинет, он сорвался с потолка и, падая в водоём, ударился затылком о ту самую воздушную площадку, которая сулила отдых всякому, решившемуся преодолеть сюрпризы виллы Гимнастико до конца.

(Новейший Плутарх)

→ 16 июня: Новейший Плутарх, 4

Было время, когда страны Скандинавии словно уподобились разбушевавшимся сторуким великанам, только вместо камней в ход шли морские дружины. Воинственные люди, вошедшие в историю под именем викингов, норманнов и варягов, садились на корабли, чтобы совершать набеги на дальние страны. Ирландия, Великобритания, Бельгия, Франция, Португалия, Испания, Италия, Марокко,

Алжир, Египет, Израиль, Ливан, Сирия, Турция, Нидерланды, Германия, Польша, Финляндия, Россия, Украина, Болгария — вот едва ли полный перечень современных стран, территории которых подвергались их нападениям. Это происходило на протяжении целого ряда веков, со второй половины VIII-го в. по конец XI-го. Порой пришельцы селились на новых местах; нередко набеги перемежались с торговыми экспедициями; сталкиваясь с силой, которая оказывалась непреодолимой, они из разбойников становились наёмниками. Их западные поселения на незанятых землях распространились на Исландию, Гренландию и Ньюфаундленд; их восточные владения, обретенные силой, включали Антиохийское княжество. Они явились основателями государственности Англии и России — двух стран, которым суждено было создать наиболее обширные империи в мировой истории.

Вместе с тем, за исключением Исландии, которую выходцы из Скандинавии застали необитаемой, всюду, где они поселились, они растворились среди местных жителей. Кто бы, в отсутствие исторических источников, заподозрил скандинавов в сицилийских королях? Если бы не «Повесть временных лет», знали бы русские, что их имя скандинавское? И в Нормандии, и на берегах Днепра ассимиляция скандинавов была быстрой и необратимой. Там они стали французами, здесь — русскими. Все они — и те, кто покинул дом, и те, что остались в Дании, Норвегии или Швеции, — стали христианами. Эти перемены национальности и религии подчас мешают видеть корни происходившей экспансии. Разумеется, между приобретением скандинавами Нормандии (911 г.) и норманнским завоеванием Англии прошло полтора века; и вожди, подчинившие себе Южную Италию, а вскоре затем и Сицилию, явились не из скандинавских стран, а из той же Нормандии. Но всё же эти события едва ли возможно оторвать от общего движения, эпицентром которого яв-

лялась Скандинавия. Более того, ввиду огромной роли вождей и рыцарей норманнского происхождения в Первом крестовом походе и это явление в известной мере может рассматриваться как эпифеномен скандинавской экспансии.

Выдвигаемый в данной статье тезис удобней всего сформулировать путём аналогии: я полагаю, что эпоха викингов была своего рода вторым изданием событий, имевших место уже в позднем бронзовом веке; что толчки, исходившие тогда из Скандинавии, сыграли важнейшую роль в перемещении воинственных групп и, возможно, целых народов на огромном пространственном протяжении и что, более того, они привели к широчайшей диффузии ряда культурных элементов, ставших общими, например, для Европы и Полинезии. <...>

(Дмитрий Панченко. Викинги бронзового века // Stratum plus, № 2, 2012)

→ 12 июня: Викинги, 2

Турецкая Венера

На старом флаге Турции изображены полумесяц и звезда (вероятно, Венера, которой посвящена священная для мусульман пятница), причём звезда находится «в объятиях» полумесяца, то есть в пределах полной Луны, нонсенс для учёных: Венера дальше Луны, такое положение астрономически невозможно. На турецком флаге-новоделе современные умники исправили «ошибку», не желая понять, что геральдическое изображение строится на своих собственных, вовсе не научных, основаниях. В новом флаге жестоко пострадали облик и смысл полумесяца — материнского гнезда для звезды, объятия заботливых рук, своеобразного золотого сечения, доставляющего зрителю психологическое успокоение и эстетическое удовольствие. На модернизированном

флаге ничего этого нет: два разрозненных фрагмента некогда цельной *семьи*, изгнанная из дома и превращённая в *блудную дочь* Венера...

- Реакционер он, конечно, закоренелый?
- Ещё бы!
- И ничего более оголтелого нет?
- Нет ничего более оголтелого.
- Более махрового, более одиозного — тоже нет?
- Махровее и одиознее некуда.
- Прелесть какая! Мракобес?
- «От мозга до костей» — как говорят девочки.
- И сгубил свою жизнь во имя религиозных химер?
- Сгубил. Царство ему небесное.
- Душка. Черносотенством, конечно, баловался, погомы и всё такое.
- В какой-то степени, да.
- Волшебный человек! Как только у него хватило желчи и нервов, и досуга! И ни одной мысли за всю жизнь?
- Одни измышления.

(Венедикт Ерофеев.

Василий Розанов глазами эксцентрика, 1973)

Студент Лэн

МАЙ
12
суббота

Студент Лэн из Пин-Чэна сначала был чрезвычайно туп. Когда ему минуло уже двадцать лет, он не знал ещё ни одной канонической книги. Потом к нему явилась лисица и стала с ним есть и спать. Все слышали, как он всю ночь болтает. Однако даже если спрашивали братья, он не хотел говорить об этом ни слова. И так прошло много дней.

Вдруг с ним случилась какая-то болезнь: припадки сумасшествия и вообще глубокая перемена. Бывало, сядет писать сочинение, возьмёт тему, запрётся и сидит, как высушенный, а немного погода разразится раскатистым смехом... Бегут смотреть — а у него уже рука безостановочно бежит по черновику, и сочинение совершенно готово. Когда затем он оторвётся, глядят опять — и что же? Всё — и стиль и мысли превосходны, изумительны.

В этом же году он вошёл во дворец «Круглого бассейна», а на следующий год был уже стипендиатом. Но вообще на каждом экзамене хохотал так, что эхо гудело в стенах зала. С этих пор имя хохочущего студента стало известно повсюду.

К его счастью, инспектор уходил в это время отдыхать и смеха не слышал. Но потом назначили такого, у которого во всём была суровая строгость и порядок. Он целый день сидел в зале, не пошевелившись, и вдруг слышит раскаты смеха. Рассердился, велел схватить студента и уже готов был наложить на него кару, но заведующий канцелярией рассказал о его помешательстве, и гнев инспектора стал утихать. Однако его имя он вычеркнул.

С этих пор студент принял безумный вид и погрузился в поэзию и вино. У него есть сборник стихотворений в четырёх книгах, под заглавием: «Наброски свихнувшегося». Стихи парят где-то вне земли, поднимают ввысь... Стоит читать!

(Пу Сун-лин. Лисьи чары)

Советские цены

1 руб. обед в столовой (борщ, гуляш с картофельным пюре, стакан сметаны, компот, ватрушка), весы бытовые для продуктов, койка на курорте в сезон (за сутки), дуршлаг пластмассовый, миска эмалированная (малая), крем облепиховый, губная помада, паяльник, конфеты (драже)

1 руб. 02 коп. вино «Каберне»

1 руб. 04 коп. сахар рафинад в пачке 1 кг

1 руб. 05 коп. яйцо куриное 10 шт. (диетическое), красное десертное вино

1 руб. 10 коп. белое столовое вино, полотенце махровое, ножницы складные, настольная игра «Уголки», бананы 1 кг

1 руб. 20 коп. компас

1 руб. 25 коп. ракетка для настольного тенниса

1 руб. 30 коп. яйцо куриное 10 шт. (диетическое, высшей категории), сигареты «Старт», колготки детские

1 руб. 40 коп. ночник (пластмассовый), индикатор напряжения-отвертка, очешник пластмассовый, апельсины 1 кг

1 руб. 50 коп. ежемесячная плата за домашний телефон, плоскогубцы, механическая копилка для монет, полотенце махровое пестротканое

1 руб. 65 коп. масло подсолнечное

1 руб. 80 коп. 1 доллар США (1990 г.), обед в столовой (борщ со сметаной, двойная порция вареников, салат, пирожное, стакан сока)

1 руб. 90 коп. килограмм свежего мяса, цыпленок 1 кг, кофеварка алюминиевая

2 руб. миска эмалированная (большая), игра «Эрудит», метр металлический складной

2 руб. 20 коп. колбаса вареная «Столовая» 1 кг, наволочка, ведро пластиковое (10 л.), щётка для швабры

2 руб. 30 коп. колбаса варёная «Докторская» 1 кг

2 руб. 38 коп. рефлектор медицинский бытовой

2 руб. 40 коп. вино «Ркацители», ноты, термос-кружка

2 руб. 50 коп. упаковка безопасных лезвий «Балтика», плавки мужские трикотажные, пассатижи

2 руб. 60 коп. сыр «Пошехонский» 1 кг

МАЙ

13

воскресенье

2 руб. 64 коп. торт «Сказка»

2 руб. 87 коп. водка «Московская» (зелёная этикетка), детские ботинки

2 руб. 90 коп. ситцевое платье

3 руб. мясо говядина 1 кг, сыр «Российский», «Голландский» 1 кг, обед в ресторане, кукла, кеды китайские, трусы мужские импортные, ежемесячная плата за электричество, рулон бумажных обоев, футбольный кожаный мяч со шнуровкой

3–7 руб. конфеты 1 кг

3 руб. 20 коп. спортивные брюки, ласты взрослые

3 руб. 38 коп. ручка перьевая в подарочной коробке

3 руб. 40 коп. бутылка белого портвейна «777», колготки

3 руб. 50 коп. логарифмическая линейка, сливочное масло 1 кг

3 руб. 60 коп. «Советское шампанское»

3 руб. 62 коп. водка «Пшеничная»

3 руб. 75 коп. кружка большая

4 руб. шахматы деревянные

4 руб. 12 коп. коньяк «Три звёздочки», водка «Экстра»

4 руб. 50 коп. килограмм свежего мяса (вырезка) на рынке, коньяк «Четыре звездочки», палтус копчёный

4 руб. 60 коп. барометр комнатный

4 руб. 80 коп. сковородка алюминиевая, ёлочные украшения (24 шт.)

5 руб. коньяк «КВ», утюг, штраф за курение в вагонах поездов, штраф за безбилетный проезд в пригородных поездах

5 руб. 25 коп. плата за комнату в коммунальной квартире

6 руб. полукопчёная колбаса 1 кг, полка навесная для книг

6 руб. 40 коп. термос-кружка

6 руб. 50 коп. подушка перьевая

6 руб. 70 коп. простыня

7 руб. электроприбор для выжигания по дереву «Узор 1», бинокль театральный ×2,5, школьный фартук для девочек, зарплата рядового в ВС

7 руб. 20 коп. кастрюля-пароварка, стул деревянный

7 руб. 50 коп. спиннинг

8 руб. футбольный мяч с ниппелем

8 руб. 50 коп. термос китайский

9 руб. бинокль-очки ×2,2

9 руб. 70 коп. пододеяльник 215×143

→ 4 сентября: Советские цены, 3

Император

Я в детстве знала мальчишку — он мог наполеоновских маршалов перечислить всех до единого. Встретит в книге «герцог Тревизский» — и мигом: а, Мортъе! «Герцог Экмюльский»: а, Даву! «А ты кто?» — спрашиваю. «Я — Ней, храбрейший из храбрых, герцог Эльхингенский, князь Московский!» И полез ко мне целоваться. Я его отпихнула, подрались, разругались и больше друг к другу не подходили.

Зачем князь, зачем герцог, если есть Наполеон?

Это как святой Христофор: он слуга и ищет себе хозяина сильнее всех, чтоб не обидно служить. Мне о нём рассказывал один лингвист, которого я любила, интеллектуал высшего класса. «Разумеется, — сказал он, — святой Христофор в конце концов находит Бога».

— Почему разумеется?

— Назидание на фольклорной основе, — и начал объяснять.

Я спросить хотела, разумеется ли Бог, и вообще о смысле жизни и последней истине. Но лингвист от таких разговоров краснел, смущался, вставал и беспокойно блуждал по комнате. Ходил, где место было — горячей сигаретой не ткнуть в пеленки. А я-то их поперёк комнаты вешала. Хороший он был человек, моего сына как своего принял, игрушки носил и на руках баюкал. Я умилялась, а иной раз и противно было...

Я его любила, но любовь была вторая и потому не годилась. А первая любовь был муж покойный, светило, Нор-

берт Винер, то есть Вернер фон Браун, друзья говорили — если б не такой суперсекретный, то хоть сегодня нобелевский лауреат. Вечером жду его, жду, наконец придёт — и не видит, какая на мне новая открытая кофточка. А было моё неглиже что бланманже, откуда что бралось, да, а теперь куда что девалось, ну и ладно, не жаль. Я всё своё уже сделала и доделала.

Муж придёт — и нос в телевизор. Репортажи, пейзажи, дурацкие фильмы с середины, всё подряд. «Да как можешь ты, — говорю, — этот ультрасуперэкстракретинизм смотреть! Ты интеллектуал или нет?»

— Понимаешь, — отвечает он, улыбаясь без участия глаз, — мне там устроили оптимальный режим, да не преткнётся нога моя о камень, и желанья мои да исполнятся прежде, нежели выскажу, — чтобы мой мозг работал и работал без помех и ни одна пылинка его не по назначению. Денег не жалеют, в буфете икра, и буфетчицу нашли красавицу из романа, да не сердись, она так — карманного романа, ты же — моя любовь земная и любовь небесная...

— И потому ты в ящик пялишься?

— А мне это идиотское мельканье — забвение, лотос, река Лета. Я иначе думать остановиться не могу. Или ты хочешь, чтоб я пил?

Это чуть ли не в первый раз и последний он со мной объяснился. Нет, я не была жена заброшенная или жена обиженная: пускай молча, но он мне доказывал, и так доказывал свою страсть... ну, это не для чужих ушей. Я хочу сказать, что дома у нас была страсть — но ведь тоже и там страсть! Не «любовь и долг», коллизия классицизма, а страсть на страсть. И той своей страсти он служил. А я ему служила, своей к нему страсти, его страсть со страстью ненавдя.

И тем утешалась, что Наполеон с женщинами тоже на ходу, не отстегнув шпаги. Я в муже искала сходство с Напо-

леоном — не внешнего, хотя Наполеон на Аркольском мосту чудо как хорош, ангел смерти с развевающимися волосами и со шпагой! Но уже очень скоро — толстый и жёлтый и волос мало, какие-то слипшиеся. На картине Делароша он сидит — и видно, что маленького роста. Я его в детстве видела: стоял у родителей телевизор, мы перед ним сидели, и в каком-то фильме Наполеон появлялся на коне. Однажды я сказала лингвисту: «Наполеон говорил, что дух, в конце концов, побеждает шпагу, я долго изумлялась, как это он, именно он, мог такое сказать. А теперь понимаю: он про тот дух, который равен его шпаге. А то ведь духом что попало зовут». Сказала — чтоб тонко ему польстить, ну и себе цену набить немножко.

А мужу я о Наполеоне не говорила. Он бы приревновал, наложила бы его ревность на мою ревность, и на мою обиду — его насмешки. И запуталось бы всё, не приведи Бог. С мужем и без того творилось неладное. Стал вялый и скучный. И грубый, друзья мне звонили: покрыл матом буфетчицу. Страшно мне было... «Поговори со мной, — просила я, — скажи словами!» Вдруг он приходит ко мне в кухню, в левой руке листок бумаги, в правой — американская ручка «паркер»: «Ты послушай, — говорит, — вот когда воин стоит в доспехах, в панцире чешуйчатом как черепица и совсем один, а по обе стороны враждебные толпы, ему надо стоять посредине,

Чтобы точно посредине
отразилось бы сверканье
справа-слева в чешуе,
глаз горит в чешуйке каждой.
Покориться бы не этим,
вровень на земле стоящим,
а единственному солнцу
независимому в небе
как вчера, так и сегодня,

и вовеки будет завтра:
не останется ни тени,
только солнце и земля.
Без обоих тёмных полчищ
на земле пустой и чистой
будет несравненно лучше, —
а пока пляши вприпрыжку
то на правой, то на левой
и кружись-вертись на месте,
с места не сходи, прикован
то ли страхом, то ли страстью...»

— Это ты написал? Ты и стихи можешь, как титан Ренессанса!

— Да полно, — усмехнулся он, — кто же стихов не пишет.

А через две недели...

Сказали — несчастный случай. По пьянке. Долохов, дескать, сидел на подоконнике с бутылкой и удержался, а он нет.

Это он-то. Который в рот не брал. Нет, тут другая музыка. Что мне медицинская экспертиза, экспертиза ничего не доказывает.

Но я молчала. Я хочешь не хочешь дальше жила, у меня сын маленький. Римский король, так я его звала, забывая для такого случая, что бедного мальчика в Шёнбрунне довели до чахотки. Только я-то сама кто была, скажите на милость: Мария-Луиза? Жозефина, графиня Валевская?

Но я всё-таки жила. И себя держала: если служить, так не кому попало.

(Тамара Корвин. Император // Часы, № 39, 1982)

→ 24 июля: Корвин, 2

Всесоюзный гуманитарный фонд им. А. С. Пушкина
119034, Москва, ул. Дмитриевского, 21.

Уважаемый Борис Владимирович!

Поскольку Вы являетесь членом Правления, сообщаем Вам, что 26 мая с 12 до 17 часов состоится собрание Правления Всесоюзного гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина. Проезд для иногородних членов оплачивается.

Повестка дня (проект):

1. Обсуждение повестки дня.
2. Доклад М. Н. Ромма о деятельности фонда.
3. Вопрос о регистрации ВГФ им. Пушкина.
4. Приём новых членов.
5. Доклад Л. Б. Жукова о финансовом положении фонда.
6. Вопрос о структурной реорганизации работы фонда.
7. Обсуждение новых заявок.

Напоминаем, что в случае неявки без уважительной причины Ваше представительство в Правлении замораживается до 1-го Правления, на которое Вы явитесь. О неявке по уважительной причине просим сообщить заранее.

С уважением, М. Ромм

<1990>

В директорской «эмке»

(митиюки)*

После пионерского лагеря я перестала спать. Вовкин отец дал мне записку к знакомому невропатологу, и папа повёз меня в Ростов.

Поезд у нас в Ростов ходит один раз в день рано утром. Мы с папой немного закопались и, чтобы поспеть, дёрнули

* Термин японской драмы. Означает проход, бегство, путешествие героев навстречу собственной гибели.

к станции что есть духу, потому что издали слышно было, как поезд уже гудит возле семафора, а стоит он у нас на станции всего две минуты.

И мы бы успели, но тут мимо нас по дороге проехала директорская «эмка»; на повороте она притормозила, директор высунулся и окликнул папу:

— Гогдон!

Мы остановились.

— Пгивет, Гогдон! — сказал директор. — Ты куда? В годод? Садись с нами, подвезём.

Обычно директор ведёт свою «эмку» сам. Но тут с ним за рулём сидел Теняков — начальник Верблюдского политотдела.

Теняков слегка кивнул папе, но видно было, что ему совсем неохота нас подвозить. Но тут поезд уже подошёл к станции и сразу же свистнул, что он уходит. Ясно стало, что нам уже к нему не успеть. Теняков ещё больше нахмурился и открыл заднюю дверку.

— Садитесь. Только быстрее.

Мы сели. Теняков захлопнул дверку и сразу же так дёрнул с места, что я чуть не прикусила себе язык. Наверное, он действительно очень спешил.

И пока мы не проехали все верблюдские отделения и все наши поля, он так всё время и мчался как ненормальный.

Но тут мы проехали последнее, двенадцатое, отделение и элеватор, и директор тронул его за руку и сказал:

— Не спеши, Тимофей. Не на свадьбу.

И Теняков стал ехать потише. А директор повернулся на своём сиденье и стал через мою голову смотреть в заднее окошко. Я поглядела туда же, куда и он. В заднее окошко был виден наш Верблюд: жёлтые поля, и элеватор, и белые домики отделений. А сзади на синем небе уплывал институт.

Так и было видно три цвета: жёлтое, белое и синее. А если и было что-нибудь ещё, то этого видно не было...

— Чётгт... — сказал директор. — Что ни говоги, а здогово мы его отггохали.

Он похлопал себя по карманам, потом полез в нагрудный карман к Тенякову, достал оттуда «Беломор» и закурил. И снова стал глядеть. Потом он заметил, что я гляжу вместе с ним, усмехнулся и подмигнул мне.

— Что, победительница, — сказал он, — нгавится?

— Очень.

— То-то.

И, помолчав, спросил меня:

— Ну как было в лагере? Хогошо отдохнула?

— Спасибо, — вежливо ответила я. — Хорошо.

Наверное, я сказала как-то не так, потому что директор поглядел на меня внимательно, а потом отвернулся и стал глядеть куда полагается.

А я стала разглядывать в зеркальце Тенякова. Мне было видно, что Теняков недоволен тем, что мы с папой сидим с ними в машине. Он молча правил, и только желваки ходили у него под скулами.

Теняков был похож на Кирова. И одевался он точно так же, и когда говорил речи, то точно так же, как Киров на портретах, вскидывал вперёд руку. Только непокорная прядь не падала у него на лоб, потому что пряди у него не было — Теняков был лысый. Или бритый. И он всегда говорил очень хорошие и интересные речи, только короткие. А дочка его Искра играла иногда с нами в Испанскую войну. Только с ней было неинтересно играть, потому что ей про что ни соври, она про всё верит... Зато в старшего её брата Кима я даже была чуточку влюблена. То есть влюблена в него была Вовина старшая сестра Мариша, а я уж с ней заодно тоже. Ким был курсантом лётной школы и к нам приезжал в форме. И он тоже был похож на Кирова. Или, вернее, не на Кирова, а на Серёжу Кострикова, и очень нам нравился.

Директор снова обернулся к нам с папой.

— Гогдон, — сказал он, — хочешь выпить? Там у тебя под ногами. Четыре звёздочки.

Теняков искоса чуть поглядел на него, но ничего не сказал.

— Ну-ну, — сказал директор, — можешь не тагащиться. Я уже вполне... А Гогдону почему, собственно, не выпить? Не поливать же догогу?

Но папа отказался. Директор не настаивал. Он закурил ещё одну папиросу, дал папе... А потом спросил, пустив дым в зеркало:

— Гогдон... А как в лагере, жить можно, в конечном счёте? Не в пионерском, конечно...

— Как видите, я жив, — сказал папа.

И удивлённо посмотрел на директора.

(Я тоже не понял: про какой они лагерь говорят, если не про пионерский?)

— Что ж, — сказал директор, — это оп-ти-мис-тично...

— Валя... — сказал Теняков.

И замолчал.

— Вы что-то имеете сказать, сэг? — спросил директор.

И стало заметно, что он пьян.

Но Теняков больше ничего не сказал. Он сосредоточенно глядел на дорогу. И лицо у него было тихое и печальное. Мне в зеркальце были видны их с директором лица, и казалось, что молча они о чём-то говорят друг другу. И было странно, что наш усатый директор для Тенякова был просто Валя. И от этого я вдруг представила себе, что когда-то он тоже учился в третьем классе и, наверное, хулиганил, а учительница кричала: «Марголин! Выйди из класса!..» Вот про его сына Женьку я такое представить себе не могла; Женька, по-моему, так и родился с пятёрками и со скрипкой.

Мы давно проехали и Кагальник, и Злодейскую и, наверное, уже подъезжали к Мокрому Батаю, и тут директор сказал — так, как будто они перед тем всё время между собой разговаривали:

— На тгетьем с техникой завал. Пошлите туда кого по-толковее.

Теняков кивнул и спросил:

— Проходу?

Давай хоть и Пгоходу. — Директор вспомнил что-то смешное и засмеялся: — Ну, Пгоходиха вам даст жизни! Гогдон, — обратился он к папе, не оборачиваясь и глядя на него в зеркальце, — слышал, как эта баба на пгошлой неделе огала у нас возле НИМИСа? «Нет! Вы мне скажите, на кого он женат — на mine или на комбайну?!»

И снова расхохотался.

— Кошмагная женщина! «Нет! Вы мне скажите, на кого он женат — на mine или на комбайну?!»

Я тоже хихикнула и поглядела на папу. Папа сидел выпрямившись. Он вежливо улыбался, и лицо у него было застывшее, такое же, как год назад, когда я чуть не наступила на гадюку в военведской роще, и папа очень спокойным голосом говорил мне, чтобы я не двигалась и стояла неподвижно...

И я увидела, что и директор тоже видит, как папе страшно. Он отвернулся от зеркальца и стал смотреть вперёд, на дорогу. И так мы ехали и молчали, и мне почему-то начало делаться так, как будто к нам в «эмку» подсел кто-то пятый, и от этого теперь всем нам так нехорошо и тоскливо.

А потом директор сказал — и голос у него был спокойный и трезвый:

— Гогдон, вы лучше всё-таки выйдите. На попутках доедете.

— Да, — пробормотал папа. — Я действительно боюсь, что её укачало. Её в машине всегда укачивает...

Это было враньё. И я видела, что все поняли, что это враньё. Но никто папе ничего не сказал, и я тоже.

И только перед тем, как выйти, папа на одну секунду коснулся руки директора и тихо пожал её. Тот слабо улыб-

нулся и тотчас же отвернулся, как будто и не заметил. Точно при этом Пятом ни говорить «спасибо», ни прощаться не полагалось тоже.

Не успели мы выйти, как «эмка» рванулась с места и укатила, а мы остались стоять на краю дороги под горячим, точно духовка, солнцем.

Папа молчал. Но взрослые всегда сердятся и молчат, когда наврут, и поэтому я тоже не заговаривала.

Сзади нас в канаве как ненормальные стрекотали кузнечики, а мимо, охлёстывая пылью и не обращая внимания на папин поднятый палец, одна за другой проносились гружённые зерном трёхтонки...

(Марьяна Козырева. Девочка перед дверью, отрывок // Часы, № 9, 1977)

→ 6 июля: Козырева, 2

МАЙ

17

четверг

Ты — лес,
Ты дерево в лесу.

Ты птица, зверь,
Ты прыгаешь в деревьях,
Ты поёшь,
и Ты во всём
и всё в Тебе.

Только от меня
прячешь Ты лицо,
Бог, белый как жасмин.

(Махадеви)

Взгляд

Пермь, посмотри на меня! Кто из нас более зряч?
Каждый дождливый четверг мир обновляет себя:
строится новый каркас, но архитектор — циркач:
очень похоже на дождь или начало дождя.

Взгляд как бы дышит: на вздох он забирает предмет,
выдох в пространство срыгнёт трёхмерно
оплавленный лом.

Стала слезою листва, ибо сведённый на нет
лес уже восемь минут стянут петлистым зрачком.

Яблоком глаза надкушена в полном комплекте весна
вместе с пчелой, одуревшей в душном дурмане перги.
Глаз, студенистый до дна, но не имеющий дна,
топит в себе, как щенят, всё — от пчелы до Перми.

То, что всплывёт до утра, станет премьерою дня,
но навернётся четверг, и завершится сезон.
Взгляд возвратится ко мне, но не застанет меня.
Спущенной тетивой будет дрожать горизонт.

(Виталий Кальпиди, 1983)

Книги Издательства Чернышёва (неполный список)

Леонид Аронзон. Стихотворения. Сост. Вл. Эрль. (Под
маркой Ленинградского комитета литераторов и коопе-
ратива «Обертон»). 1990.

Герман Гессе. Сиддхарта. (Под маркой Ленинградского
комитета литераторов и кооператива «Обертон»). 1990.

МАЙ

18

пятница

МАЙ

19

суббота

Сергей Довлатов. Заповедник. (Под маркой издательства «Васильевский остров» и кооператива «Обертон»). 1990.

Карлос Кастанеда. Дверь в иные миры: Учение дона Хуана, Особая реальность.

Пер. Б. Останина, А. Пахомова. (Под маркой издательства «Васильевский остров»). 1991.

Тибетская книга мёртвых. Пер. В. Кучерявкина, Б. Останина. 1992.

П. Д. Успенский. В поисках чудесного. Пер. Н. В. фон Бока. 1992.

Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932). Справочник. 1992.

Слава Гозиас, Владимир Алексеев. За границей и дома. 1993.

Шри Ауробиндо. Савитри. Пер. Н. Васильева. 1993.

Исторические кладбища Петербурга. Сост. А. Кобак, Ю. Пирютко. 1993.

П. Д. Успенский. Новая модель вселенной. Пер. Н. В. фон Бока. 1993.

К. Леонтьев, наш современник. Сост. Б. Адрианов <Б. Дверницкий>, Н. Мальчевский. 1993.

Г. И. Гурджиев. Вестник грядущего добра. 1993.

Дхаммапада. Пер. В. Н. Топорова. 1993.

Джатаки, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. Пер. А. П. Баранникова, О. Ф. Волковой. 1993.

Джидду Кришнамурти. Традиция и революция. Пер. Н. В. фон Бока. 1994.

В. Ф. Марков. О свободе в поэзии. Статьи, эссе, разное. 1994.

В. В. Антонов, А. В. Кобак. Святые Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в 3-х т. Т. 1. 1994; Т. 2. 1996; Т. 3. 1996.

Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь. 1994.

Сэмюэль Беккет. Трилогия: Моллой, Мэлон умирает, Безымянный. Пер. В. Молота. 1994.

Омраам Микаэль Айванхов. Любовь и сексуальность. 1994.

Пантес Киросон, Петр Калиновский. Очевидцы бессмертия. 1994.

А. П. Щёголев. Спираль познания. 1995.

Карл Микаэль Бельман. Послания, песни и завещания Фредмана. Пер. С. В. Петрова. 1995.

Ошо. Медитация: Первая и последняя свобода. Пер. М. Васильева. 1996.

Швеция и Санкт-Петербург. Второй научный семинар. 1996; Четвертый научный семинар. 1997.

Анциферовская библиотека. Аннотированный каталог. 1996.

Ален Роб-Грийе. Дом свиданий. Пер. В. Молота. 1997.

Родни Коллин. Теория небесных влияний. 1997; Теория вечной жизни. 1997; Зеркало света. 1997; Теория сознательной гармонии. 1997.

А. И. Дымникова, А. Г. Иксанов. Благотворительный фонд БДТ. Теория и практика успеха. 1997.

Сатпрем. Золотоискатель. Пер. Т. Потехиной. 1998.

Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. 4. 1999.

МАЙ

20

воскресенье

Учение преп. Нила <Сорского> изложено частью в его посланиях к ученикам, касающихся отдельных духовных вопросов, частью в одиннадцати главах его «Устава монастырского». «Последний представляет не устав в собственном смысле, а систематический, почти исчерпывающий, несмотря на свою сжатость, трактат по православной аскетике» (Федотов). По мысли Нила, этот трактат, хотя и обращающийся непосредственно к монахам, должен был служить практическим руководством для каждого искреннего христианина. Путь к спасению открыт для всех, как для монахов, так и для мирян. И это — путь внутреннего возрождения, морального перевоспитания, а не внешних обрядов.

В этом произведении «обнаруживается огромная начитанность в мистической литературе и редкий на Руси дар систематического изложения» (Федотов).

В введении к своему труду Нил говорил о необходимости и важности для монаха работать над своим внутренним совершенствованием, беспрестанно наблюдая за движениями ума и сердца. Исходной точкой для всех своих рассуждений он берет Евангелие и Деяния апостолов, приводя слова Христа: «Исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека» (Мф. 15, 18). Учение Святых отцов повторяет то же самое: кто молится одними только устами, оставляя ум незанятым, тот молится в воздух, — ибо Бог дух слушает; без внутреннего расположения всеу заниматься внешним... Итак, заключает преп. Нил, согласно учению Спасителя и апостолов и толкованию Святых отцов, мы видим, как нужно и важно для человека внутреннее очище-

ние сердца и ума. Только через такое очищение открывает-ся путь к спасению. Что касается средств, позволяющих овладеть этой наукой внутреннего совершенствования, из них самое лучшее — прямое изучение Писания. Прямое — потому что прежде этого можно было достигать, посещая «разумных и духовных мужей», но теперь таких руководи-телей трудно найти. Следовательно, нужно самому прямо обращаться к источнику и слушать Самого Господа. «Иссле-дуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь веч-ную» (Ин. 5, 39).

За введением следуют одиннадцать глав. Первая гово-рит о борьбе со страстями и о том, как необходимо им про-тивостоять. Преп. Нил проявляет себя здесь глубоким пси-хологом. Он разбирает страсти человеческой души и указы-вает различные моменты их действия: сначала семя, потом развитие, нечто вроде роста, происходящего в сердце, нако-нец, полное укоренение; и он даёт советы, как бороться со страстью и её уничтожить на этих различных этапах её раз-вития. Следуя за византийскими писателями, Нил указывает пять таких этапов: а) «прилог», б) «сочетание», в) «сложе-ние», г) «пленение», д) «страсть» в собственном смысле.

а) *«Прилог»* есть лишь некое *впечатление, первое движе-ние*, проявляющееся в уме или в сердце. Иными словами, это — любая мысль, любое чувство, невольно возникаю-щие в человеческой душе. Поскольку они возникают поми-мо нашей воли, под влиянием того, что нас окружает, чело-век за них не ответствен. Но если он покоряется дурной мысли или дурному желанию, *если он задерживается* на них и их задерживает у себя добровольно, то этим он вызы-вает второй фазис, «сочетание». Иначе говоря:

б) *«Сочетание»* и есть внимание, которое человек об-ратил на случайно возникшую мысль или на чувство, про-будившееся без полного участия его воли. Этот второй

фазис отличается от первого тем, что в нём присутствует зачаток воли. Долг человека, говорит преп. Нил, заключается в претворении в добро любой злой мысли и любого нечистого желания, как только они замечены в душе. Здесь уже перед нами начало борьбы.

в) «Сложением» делается следующий шаг. Это уже — начало страстного влечения к данной мысли или желанию, определённая склонность к образу или впечатлению, возникшим в душе. Человек почти готов *осуществить* пришедшую ему мысль, *последовать* пробудившемуся в нём желанию. Но здесь, как и в первом фазисе (в «прилоге») человек ещё колеблется. Он то противится овладевающим им мыслям и желаниям, то почти готов им отдаться. Когда он будет окончательно увлечён злою мыслью или желанием, это будет «пленение».

г) «Пленение» происходит в двух случаях: 1) Или человек *невольно* привлекается дурными мыслями и прельщается ими *вопреки* своему намерению. Поскольку это происходит невольно, в этой форме «пленения» нет почти никакого греха. 2) Но если человек *вполне сознательно* следует своим беспорядочным мыслям и желаниям, то такое душевное состояние представляется особо вредным. Душа возбуждена, человек теряет власть над самим собою, он побеждён беспорядочными мыслями и его словно носит волнами в бурю. Это происходит в особенности от слишком частых и праздных бесед.

Все эти душевные состояния — более или менее временные. Они приходят к человеку и уходят. Иное дело — «страсть».

д) «Страсть» утверждается в человеческой душе надолго, становится привычкой и превращается как бы в со-

ставную часть её характера. То самое, чему человек первоначально отдался свободно по своей собственной воле, теперь настолько владеет им, что у него почти уже нет сил сопротивляться. Тогда порок укореняется в сердце человека, становится страстью, которая и господствует над человеком безраздельно, превращая его в своего раба.

Таков постепенный ход укоренения страстей в человеческой душе. Установив объект борьбы, составляющей смысл монашеского подвига, Нил указывает средства, которыми эту борьбу нужно вести. Первое из них — пресекать каждую дурную мысль, как только она появляется. Побеждать страсть нужно, когда она ещё в зачатке; потом уже будет трудно бороться с ней. Второе средство — молитва. Говоря об этом значении молитвы как средства борьбы со страстями, преп. Нил подробно останавливается на условиях и на сущности молитвы. Он понимает под молитвой не обычное произнесение слов и не богослужение в храме, а молитву *особую, внутреннюю* — «*умную молитву*».

*(Очерки по истории русской святости,
составил иеромонах Иоанн (Кологривов), 1991)*

Во время своего знаменитого посольства в Рим, во втором веке до нашей эры, Карнеад воспользовался случаем, чтобы в первый день произнести речь в защиту справедливости, а во второй — против неё. Начиная с этого момента на страну, где до того царили здоровые нравы, обрушилось разрушительное воздействие философии. Так что же такое философия? *Червь в сердцеvine плода...*

Присутствовавший при выступлении грека Катон Цензор пришёл в такой ужас, что потребовал от сената как можно быстрее удовлетворить все требования афинской делегации, — настолько вредоносным и даже опасным ка-

залось ему её присутствие. Не следовало позволять римской молодёжи общаться с подобными растлителями умов. Карнеад со товарищи в отношении нравственности представляли собой такую же угрозу, как карфагеняне в военном отношении. Народы, чьё развитие идёт по восходящей, превыше всего опасаются отсутствия предрассудков и запретов и интеллектуального бесстыдства — всего того, что так влечёт угасающие цивилизации.

В конечном итоге терпимость порождает больше бед, чем нетерпимость. Если это утверждение верно, то оно является суровым обвинителем против человека.

Как только животные попадают в обстановку, где им больше не надо бояться друг друга, они впадают в подавленность и приобретают тот оцепенелый вид, в каком предстают перед нами в зоопарках. Отдельные люди и целые народы будут выглядеть точно так же, если только наступит день, когда они достигнут полной гармонии и больше не будут явно или тайно трепетать друг перед другом.

«Просвещённый деспотизм» — это единственный режим, способный прельстить свободный ум, который не желает соучаствовать в революциях, поскольку перестал ощущать себя даже соучастником истории.

Флорентийский собор 1441 года принял указ, согласно которому язычники, евреи, еретики и схизматики ни в коем случае не удостоятся «жизни вечной» и все без исключения, кроме тех, кто перед смертью обратится в истинную веру, отправятся напрямиком в ад.

Только в те времена, когда Церковь проповедовала столь чудовищный вздор, она и оставалась Церковью.

Ни один институт не может быть сильным и жизнеспособным, если не отбрасывает всё, что не является его органичной частью. К сожалению, то же самое распространяется на народы и политические режимы.

Свободно дышать, да при этом ещё и горлопанить что на ум взбредёт, можно лишь при прогнившем режиме. Но осознание этого приходит только после того, как мы приложим все усилия для его свержения, и из всех возможностей нам останется только возможность сожалеть о былом.

Всё, что мы делаем, мы делаем из потребности страдания. Само стремление к спасению есть страдание — самое тонкое и самое неявное из всех прочих.

Античные боги издевались над людьми, завидовали людям, преследовали их своим гневом, а по случаю и карали. Евангельский Бог оказался не таким насмешливым и ревнивым, и смертные — вот ведь незадача — лишились даже того слабого утешения, что в своих несчастьях можно обвинить его. Именно в этом следует искать причину того, что появление христианского Эсхила стало невозможным. *Добрый* Бог убил трагедию. Зевс, напротив, удостоился богатой литературы.

(Эмиль Чоран. О злополучии появления на свет)

→ 20 июня: Чоран, 3

Мученик Христофор

МАЙ
22
вторник

Святый отче Христофоре, да услыши, аз воззвах!
Святый отче Христофоре, по колено тебе море.
Святый отче Христофоре! Буде радость наше горе,
тяжесть ноши на плечах, —
через беды и невзгоды,
мутные житейски воды
пронеси скитальцев нас.

Христе Боже, светлый Спас!
Я заплачу и завою,
припаду к тебе с мольбою,
сокрушаясь и скорбя,
так боясь, стыдясь Тебя.
И заслыша пёсий вой,
Христофор тряхнёт главой,
на коленях подползёт,
руку грешницы лизнёт.

(Ольга Кушлина. Считалки с Богом)

→ 18 декабря: Считалки с Богом, 4

Анкета

МАЙ
23
среда

Назовите свою любимую книгу.

Митрофан: «Идиот»

Иван Грозный: «Дядя Ваня»

Будённый: «Халстамер»

Герцен: «По кам звонит колокол»

Сталин: «Иосиф и его братья»

Павлов: «Каштанка», «Муму», «Верный Руслан»

Лысенко: «Над пропастью во ржи»

Мичурин: «Треугольная груша»

Державин: «Гаврилдада»

Братья Гримм: «Братья Карамазовы»

Столыпин: «Репортаж с петлёй на шее»

Берия: «Приглашение на казнь»

Кукрыниксы: «Три сестры»

Гомер: «Слепой музыкант»

Юл Бриннер: «Лысая певица»

Павел Морозов: «Отцы и дети»

Ахматова: «Анна на шее»

Ленин: «Человек в футляре»

(Вагрич Бахчанян. Записные книжки, М., 2011)

Сом

Нам кажется: в воде он вырыт, как траншея.
Всплывая, над собой он выпятит волну.
Сознание и плоть сжимаются теснее.
Он весь, как чёрный ход из спальни на Луну.
А руку окунёшь — в подводных переулках
с тобой заговорят, гадая по руке.
Царь-рыба на песке барахтается гулко,
и стынет, словно ключ в густеющем замке.

(Алексей Парщиков)

О старинных книгах

МАЙ

25

пятница

Почему-то считается, что старые книги должен читать специалист, а с любителя хватит современных. Преподавая литературу, я обнаружил, что обычный студент, желающий узнать об учении Платона, и не подумает пойти в библиотеку и почитать его книги. Он примется за нынешний скучный труд в десять раз длиннее «Пира», полный «измов» и «влияний», где раз в двенадцать страниц будет цитата из Платона. Ошибка эта трогательна, ибо корень её — смирение. Студенту страшно встретиться с великим философом лицом к лицу. Ему кажется, что тот ему не по зубам. На самом же деле великие тем и велики, что понять их гораздо легче, чем толкователей. Самый отсталый студент поймёт почти всё, что сказал Платон, но мало кто разберётся в книге современного платоноведа. Я всегда стараюсь внушить ученикам, что узнавать всё из первых рук не только достойнее, но и просто легче и приятней.

Нигде не предпочитают новых книг старым так, как в богословии. Когда неопиты принимаются за христианское чтение, можно поручиться, что это не Лука и не Павел, не Августин и не Аквинат, а Бердяев, Маритен, Нибур или даже я.

Мне кажется, что это неправильно. Конечно, раз я сам пишу, мне бы не хотелось, чтобы все нас вообще не читали. Но если уж выбирать, выбирайте книги старые. Я даю такой совет именно потому, что речь идёт о любителе, который хуже, чем специалист, защищён от опасностей современной диеты. Новая книга — на испытании, и не новичку её судить. Она поверяется многовековой христианской мыслью, и лишь в этом свете видны её ошибки, неведомые автору. Если вы застали в одиннадцать часов разговор, начавшийся в восемь, вы поймёте далеко не всё. Самые обычные, на ваш взгляд, фразы вызовут смех или гнев, а вы растеряетесь, потому что не знаете их контекста. Может случиться и так, что вы даже примете то, что несомненно

отвергли бы, приди вы к началу. Верную перспективу даст лишь контекст всего христианства, а вы не узнаете его, не читая старых книг. Было бы хорошо, если бы после каждой современной книги вы читали одну старинную. Не можете — читайте её хотя бы после каждых трёх.

У всякой эпохи свой кругозор. Она особенно чётко видит одно и особенно слепа на другое. Поэтому всем нам нужны книги, это восполняющие, то есть книги других веков. Авторы одной и той же эпохи грешат каким-нибудь общим недостатком — даже такие, которые, как я, стараются идти против духа времени. Когда я читаю старые споры, меня всегда поражает, что противники принимают как данность что-нибудь совершенно для нас неприемлемое. Сами они думают, что ни в чём не согласны, а на самом деле множество мнений объединяем их друг с другом и противопоставляем всем прочим векам. Не сомневайтесь, что слепое пятно XX века (то самое, о котором потомки скажут: «И как они могли так думать?») — там, где мы и не подозреваем, и роднит оно Гитлера с Рузвельтом, Уэлса с Карлом Бартом. Никому из нас не дано полностью избежать этой слепоты, но мы её увеличим, если будем читать только своих современников. Когда они правы, они сообщат нам истины, которые мы и без них ощущали. Когда же не правы, углубят наше заблуждение. Средство против этого одно: проветрить мозги воздухом других веков, то есть читать всё те же старые книги. Конечно, в прошлом нет никакой магической силы. Люди были не умнее нас и ошибались, как мы. Но они ошибались иначе. Они не поддержат наших ошибок, а их ошибки видны невооружённым взглядом. Книги будущего были бы не хуже, но их, к сожалению, не достать.

Я начал читать христианские книги почти случайно, изучая историю нашей литературы. Одни — Траен, Херберт, Тэйлор, Беньян — сами прекрасные английские писатели, другие — Августин, Аквинат, Данте — влияли на них и на других. Джорджа Макдональда я открыл раньше, в шестна-

дцать лет, и всегда любил с тех пор, хотя долго старался не замечать его христианства. Как видите, авторы эти — самые разные, разных культур, направлений и эпох. Христианство разделено, и у многих из них это очень ясно проявляется. Но если, начитавшись новых книг, вы решили, что у слова «христианство» слишком много значений и потому оно просто ничего не значит, обратитесь к старым книгам, и мнение ваше изменится. На фоне веков христианство отнюдь не расплывчато и не призрачно, оно весьма определённо и чётко отличается от всего прочего. Я знаю это по собственному опыту. <...>

Все мы страдаем из-за разделений христианства и стыдимся их. Но тот, кто всегда был внутри, может подумать, что они глубже, чем на самом деле. Он не знает, как выглядит христианство извне. А я знаю, я его видел; и враги его это знают. Выйдя за пределы своего века, это увидите и вы, и сможете, если захотите, поставить увлекательный опыт. Вас сочтут папистом, когда вы процитируете Беньяна, мистиком, близким к пантеизму, — когда процитируете св. Фому, и т.п. Вы подниметесь на виадук, перекрывающий века, который высок, когда смотришь из долины, низок, когда смотришь с горы, узок по сравнению с болотом и широк перед козьей тропой.

(Клайв Льюис. Размышления о псалмах // Избранные трактаты.

Литературное приложение к журналу «Часы», 1985)

За четыре страницы руки,
за — но ты понимаешь ли? — даром
этот глянцево́ый отблеск тоски,
этот кожистый свет над ударом.

За обол, за безвольный обряд,
травяное дыханье бумаги,

за оглохший старинный парад,
за мучнистые ночью овраги —

ровный голос обидчивых рек,
говорящий подобно июлю.

Бог с тобой, я простил этот грех.
Да и ты не печалься впустую.

(Андрей Санников, 1980-е)

Приветствие на петербургскую школу

Гениальная Леночка Шварц и великий Кривулин.
Бронзовеющий за ны Бобышев.
И ничей по интуиции Чейгин.
С зеленцой оберуиты что дамы.
Только всех объемлет Охапкин!

Километры пусть пеняют на метров.
За двумя Соснорами Скушнер.
Кузмину чтобы ни дна, ни покрышки.
Половина Аполлона Кузьминский.
На износе член руки, пуще носа.
За лебядкинскую песнь капитана.
За воскреснувших в одежде из мёртвых
Гумилёва, а потом Аронзона!

Тут же и меня похоронят.
Мандельштам. Ахматова. Пушкин.
Павловск. Сологубовка. Веймарн.
И другие по окрестностям: Здравствуй,
школа пожилая, петербургская!
Сверхдержавинскую флейту предместий
уходивший недалекого Данта
выронил Бродский.

(Игорь Бурихин, 1978)

МАЙ

28

понедельник

Мать Андрея Гнездилова — скульптор Нина Конрадовна Слободинская — рассказывала поучительные и занятные истории, в том числе о том, как преподобный Варсонофий, которому она горячо помолилась перед тем, как идти на худсовет, помог ей сдать небольшую скульптуру, почему-то оказавшуюся на подоконнике и скрытую от членов приёмной комиссии оконной шторой. И вот поди ж ты, один из них зачем-то поднялся вдруг со своего стула, подошёл к окну, откинул штору, полюбовался скульптурой и предложил членам комиссии её принять. Отчасти под воздействием случившегося (впрочем, она и раньше была предрасположена) Нина Конрадовна стала православной.

Изъяснялась она нередко притчами — простыми, наивными, в лубочном духе. Вот две из них.

1) Когда зимой ранним утром в деревне топят печи, из всех труб в небо поднимается дым. Так и наши молитвы, словно дым из труб: каждая молитва из своей, но высоко в небе все они сливаются...

2) Как подойдя к телефону, мы сначала набираем номер и ждём ответа, так и в общении с Богом: сначала следует помолиться (набрать номер), потом ждать — ответит Он или нет.

Это на мой вопрос «Что надо раньше — верить или молиться?»: — Конечно, молиться (пример с телефоном). Известная проблема «яйцо или курица», с которой сталкивается подступающий к вере: молиться Богу, в которого не веришь, или сначала уверовать и только после этого обращаться к нему с молитвой?

→ 9 ноября: Чему учит техника

→ 31 марта: Следы одного

МАЙ

29

вторник

В 2006 году бухгалтерское издательство «Главная книга» выпустило книгу «Налоговый кодекс. Перевод на русский. Глава 21. Налог на добавленную стоимость». Оформили книгу с любовью, как томик Блейка: в левой колонке оригинал, в правой — художественный перевод. Сейчас

её уже невозможно купить, тираж был маленький — тысяча экземпляров, книга разлетелась и стала легендой. Чтобы понять, почему, достаточно увидеть перевод, например, 157-й статьи.

Статья 157. Особенности определения налоговой базы и особенности уплаты налога при осуществлении транспортных перевозок и реализации услуг международной связи.

1. При осуществлении перевозок (за исключением пригородных перевозок в соответствии с абзацем третьим подпункта 7 пункта 2 статьи 149 настоящего кодекса) пассажиров, багажа, грузов, грузобагажа или почты железнодорожным, автомобильным, воздушным, морским или речным транспортом налоговая база определяется как стоимость перевозки (без включения в неё налога). При осуществлении воздушных перевозок пределы территории Российской Федерации определяются по начальному и конечному пунктам авиарейса...

Внимание, перевод:

Статья 157. Особенности определения налоговой базы перевозчиками и организациями связи.

1. Налоговой базой является цена перевозки (без НДС).

В 2008 году издательство повторило свой подвиг и выпустило второй том, с переводом главы 25 «Налог на прибыль организации». <...>

Журналист: — Можно ли писать законы простым и понятным языком?

Максим Кронгауз: — Можно. Хотя законы написаны так, что понять их нормальный человек не может, и это скорее юридическая стратегия. Юристы выступают в качестве особой касты — толкователей закона. Без юриста обычный человек не может с этим справиться — и, соответственно, оказывается в положении всегда виноватого. Человек не понимает, нарушил он или не нарушил. А если нарушил, что именно.

— Но разве юристы не добиваются точности и однозначности?

— Считается, что законы должны писаться на особом языке, более точном, чем обыденный. Но в действительности они пишутся непонятно и могут толковаться разными способами. Это и порождает касту юристов как толкователей, жрецов этих законов. И это объясняется целями коммуникации.

— Вы же не хотите сказать, будто юристы зарабатывают на том, что законы пишутся непонятно?

— Звучит, может быть, грубо, но так и есть. Это жрецы. И попытки эту ситуацию изменить наталкиваются на сопротивление. Я написал в предисловии к книге, зачем переводить с русского на русский. Это глава о налогах, которую вроде как каждый человек должен знать, потому что все мы платим налоги. Каждый человек должен знать, как это делается.

— А как реагировало юридическое сообщество?

— Проигнорировало. <...>

Пётр Мостовой: — Да, эта проблема существует. Да, существует юридическое лобби, которое способствует тому, чтобы... Да, собственно, даже и лобби специальное не нужно. Действительно, компетентных людей в этой обла-

сти практически нет: к написанию законов привлекают просто юристов — и они в силу профессионального инстинкта пишут таким образом, чтобы расширить свой рынок. Это есть, это есть во всех странах. <...> С этим явлением я столкнулся в самые первые постсоветские годы. Один из таких юристов мне откровенно сказал: «Нужно написать так, чтобы только мы, профессионалы, понимали, в чём тут дело, — иначе как же мы будем зарабатывать?»

(Русский репортёр, № 12, 2015)

Гроза

Кто взрывает пистоны, кто телом дрожит,
Кто огонь взбудоражил и плетью несёт?
Кто прозрачно, как сон антилопы, бежит,
Где чесночная сера цветёт?

Кто на выпас послал золотую грозу,
Ледяную дугу из бугров снеговых,
Кто пасёт червяков над землёй на весу
И узоры сплетает на них?

Это два полушария мозга сошлись
И влюбились, и молния стала меж них,
И фотоны с небесной цепи сорвались
И бросаются вниз.

Или баня развесила здесь узелки
И умылись в своих вертикалях поля,
И вскрывают, как вены, ступнями силки
Девки голые, как соболя.

(Юлия Кисина)

Сон о маленьких лицах

Собственно ничего примечательного я в этом сне не увидел. Примечательным было то, как я непримечательное и обыденное видел, с какого угла зрения, с какой позиции. Я видел девушку, стоящую у стены и разговаривающую с парнем в джинсах. Она жаловалась ему на что-то, и, хотя я смотрел на неё во все глаза, она не замечала меня. Потом она умолкла, и они пошли. Они пошли, а я видел их огромные ноги, огромные туфли и высоко — очень маленькие лица. Я лежал? Или стелился по земле, как туман? Или же был жучком? Одно было ясно, я был внизу на земле или под землёй, а они шли по мне, топали по мне или рядом. Вот почему такие огромные ноги и такие маленькие лица.

10.04.76

Сон об из кожи вылезшей

— Вон отсюда! — закричал я маме, стоящей с блюдечком и чайной ложкой в руках, которой она ела кусок торта. Я лежал на блондинке, а маме непременно хотелось нам помешать. Неожиданно блондинка встала и загородила нас, соединённых. Из кожи вылезла, ужаснулся я.

24.07.76

Сон об этапах жизни

Его жизнь можно поделить на три периода или этапа. Свою сознательную жизнь он начал с того, что попытался через Северный полюс попасть в Финляндию. Это ему не удалось, и он вернулся из Финляндии, волоча на себе раненого.

Второй период — это экскурсия и осмотр достопримечательностей с группой цыган. Командовал ими полковник в штатском. Цыгане разместились глубоко в пещере. Когда им сказали, что автобус подан, они полезли наверх, таща с собой сундуки и чемоданы. Он выбрался из пещеры предпоследним, с большим трудом.

— Там осталась старая цыганка, надо бы ей помочь, — сказал он.

— Вот и помог бы! — издевался полковник.

Старый цыган кричал:

— Скорее, стройтесь, опоздаем в кино!

Автобус повёз их из города в города, в кино.

В последние годы жизни он вместо писания рассказов и стихов начал описывать свои обеды, ужины и завтраки. Было ему хорошо, он добился своего. У него было достаточно денег, чтобы не работать и не думать о завтрашнем дне. Он стал скупым и злым. Дочь свою он не видел уже 15 лет, хотя они и жили в одном городе. «Да и вряд ли уже увижу, — думал он. — Я к ней первым не побегу. Если сама придёт, тогда и увижу». Он часто кашлял, и ему приснилось, что у него рак горла.

13.08.76

Сон о братьях

Небольшая комната с матово-белыми стенами. Неяркое освещение. Комод из чёрного дерева, над комодом зеркало. Перед зеркалом стоит полуобнажённый мужчина с коротко остриженными волосами. Смотрит на себя долго и пристально. Я вижу его широкую спину, но не вижу лица. Вот он повернулся. У мужчины по локти вместо рук культя. Губы его сжаты, глаза серые, взгляд острый, но в то же время в глазах желание, вожделение. Твёрдым шагом мужчина идёт к двери и открывает её. Виден узкий коридор с такими же побелёнными стенами. Мужчина застывает в дверях. Двери напротив открываются, и на пороге показывается молодой человек в чёрном выходном костюме, с чёрными курчавыми волосами, в руках держит красную розу. Мужчина и молодой человек смотрят друг другу в глаза. Оба молчат. Молодой человек, кажется, чем-то испуган, в глазах у мужчины просьба. Я как-то догадываюсь, что это братья.

Читаю мысли молодого человека: «Нет, нет, брат, ни за что на свете, милая тётушка, возьми меня к себе, я не могу с ним жить, вот так каждый день он выходит, умытый, надушенный, полуголый, и ждёт, что я соглашусь, так больше продолжаться не может». Молодой человек переложил розу из правой руки в левую и, ничего не говоря, пошёл вдоль коридора к выходу.

16.10.76

Вместо послесловия

На этом бы хотелось кончить и начать всё сначала. Но для того, чтобы начать всё сначала, потребуется грудное молоко, первая сигарета, первая стопка водки и первая женщина с картинки...

Как с картинки.

Сегодня последний день недели, воскресенье.

Завтра первый день недели, понедельник.

Когда кончится этот месяц, начнётся новый.

Здравствуй, мама!

Здравствуй, папа!

Здравствуй, толстощёкий брат!

Я появился на свет с надеждой, внушённой мне в родильном доме.

— Дайте ему по попке! — закричал доктор и, раскрыв зонтик, вышел на улицу.

Прага, 1976 год

(А. Ник. Сон о Фелмори, отрывки // Крещатик, № 2, 2015)

ИЮНЬ

Летний день

<...>

Вокруг только пни, да берёзы поломанные, а в берёзах солдаты ходят и палкой железной землю щупают — мину ищут.

Недавно война здесь шла и пули валялись кислые. Мы их в рот ложили, потому что вкусные они, и сосали с пальцами вместе.

Потом на полянку пришли. Трава здесь тоже кислая. Кувыркаться стали. Так я через голову перекувырнулся, что даже пулю в живот проглотил. Но ничего, потом она всё равно из меня выйдет.

<...>

Зашли мы в лес, а там берёзы поломанные валяются. Спотыкаться и падать стали. Юрка чуть в яму не улетел, где проволока колючая смотана. Здесь бомбы рвались, вот и ямы от них такие круглые. Потом смотрим — кучища стоит, и в кучище что-то шевелится. Это муравейник такой большой, муравьи в нём шевелятся жёлтые.

Муравьи домой дохлую стрекозу тащат, наверно, самолёт из неё делать хотят. Стали отнимать у них стрекозу, а они не дают, ртами её к себе тащат и кусаются. Раздавили тогда их ногами, так что грязь осталась, и дальше идём. А дальше другой муравейник, только поменьше чуть-чуть, и муравьи в нём чёрные, маленькие. Между муравейниками война идёт из-за гусеницы волосатой. Чёрные её к себе за волосы тащат, а жёлтые к себе за мя-

июнь

1

пятница

со. Вот у них и война пошла. Копшатся, грызут друг друга, только головы валяются, и клещами жуют, а гусеница ни с места. Они её как канат перетягивают, и никто перетянуть не может. Тогда мы за маленьких, за чёрных заступились. Юрка веткой гусеницу поддел и на их муравейник забросил, чтобы ели её. А жёлтый мы палками стали воротить, разворотили весь, а там кости и череп собачий с клыками белеется. Хватают муравьи свои яйца в зубы и в голову собаки прямо в глаза уползают, от света в темноту прячут яйца. Вот гады какие, собаку сожрали целую и на ней муравейник устроили. Стали мы писать в них, настоящий потоп в муравейнике устроили. Всё на них выписали. А потом Юрка стал череп собачий вытаскивать, наклонился и выдёргивает его оттуда. А череп не выдёргивается: крепко к собаке приделан. Ещё дёрнул и шлёп животом на муравейник. Хотел подняться, да руки в глущину ушли. А муравьи его так и облепили, так и едят все-го. И меня уже кусают, лезут по ногам и в мясо зубами впиваются. А Юрка всё ещё в муравейнике сидит. Вскочил потом, закричал, и в сторону мы с ним бросились. Упал он на землю и кататься стал, пока муравьи от него не отпали, а не то загрызли бы, как собаку. Отбились от муравьев, на поляну возвращаемся. Стыдно Юрке, что он кричал, идёт обкусанный и листья пинает. Вдруг пнул, и что-то железное послышалось. Смотрим, а это минаща круглая, вся блестит и с буквами нарисованными. Здесь же бутылка валяется. Схватил Юрка бутылку и о пень шмякнул, так что стекляшки посыпались. Потом и мину схватил и тоже о пень. Вот дурак, хорошо что не подзорвались, а то бы что нам воспитательница тогда наделала? Я скорее к солдатам побежал — мина, кричу, мина железная. Бросили солдаты палки, за мной к мине бегут. Выхватил одну мину у Юрки и читает, что на ней написано. Потом инструмент кривой из кармана достал, вскрывать её осторожно начал.

У меня от страха даже мурашки по спине забегали. Вскрывает он, а все следят в тишине, вот-вот подзорвётся. Потом вскрыл наконец, руками железку отогнул и понюхал. Сели тут солдаты в кружочек и есть стали со смехом всё, что в mine положено. Всё съели — разминировали значит. А Юрку, муравьями искусанного, за шкварник взяли и, трясая в воздухе, к воспитательнице принесли, чтобы мины больше о пень не шмякал. Схватила его воспитательница за ухо и потянула как за резинку какую-то, потом напротив себя посадила и не пускает ни на шаг теперь. Я скорее с ребятами остальными смешался, чтобы и мне не попало. Играть с ними стал. А без Юрки скучно. Совсем неинтересно дети играют...

<1962>

(Олег Григорьев. Летний день, отрывок // Часы, № 44, 1983)

Рыбаки

И море как рыба — двуполо и плотно
Своей чешуёю её подменяет,
И вот электрическим током линяет,
Раскрыв как моллюска высокую лодку.

В ней странники, крик обнажая до рёбер,
Развесив на солнце солёные сетки,
Лопатами в море расчистят дорогу,
Как дворники чистят львиные клетки.

Два пальца сглотнут, засвистят и замолкнут,
И в море густом, как губная помада,
Зашьют все поверхности, в море намокнув
И пену разбив на куски шоколада.

(Юлия Кисина // Часы, № 70, 1987)

...руководство большевиков к Октябрю состояло в большой степени из евреев. Например, для подготовки восстания было создано политическое бюро (прообраз будущего Политбюро). Состав: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников (Бриллиант), Бубнов. То есть евреи преобладали, а русский здесь один Бубнов.

Произошёл октябрьский переворот. В период, непосредственно за этим следовавший, власть находилась в руках не советов, конечно, не партии, даже не ЦК, а трёх человек: Ленина, Свердлова и Троцкого. Свердлов, задолго до Брежнева, соединил в одном лице пост главы государства (председатель ВЦИК) и секретаря ЦК (тогда — единственного). Во главе армии стоял Троцкий, Петроград возглавлял Зиновьев, Москву — Каменев, внешней политикой руководил Радек, Коминтерном — Зиновьев, прессой — Стеклов. Сначала во главе комсомола стоял Оскар Рыбкин, потом его сменил Лазарь Щацкин.

Ещё поразительнее, что практически у всех не-еврейских вождей жёны были еврейки. Так, женой Дзержинского была Соня Мушкат; одной женой Бухарина была Гурвич, другой — Лурье; женой Рыкова была Маршак, Молотова — Жемчужина (Перл Карповская), Ворошилова — Горбман, Кирова — Маркус, Ежова — Евгения Соломоновна Ноткина, Куйбышева — Коган, Андреева — Хазан (впрочем, многие из перечисленных лиц были женаты несколько раз, так что у них могли быть и другие жены).

Производит впечатление, что в этот период тот, кто не был евреем, не имел хотя бы некоторых еврейских предков, для того, чтобы войти в высший слой лиц, стоящих у власти, стать там своим человеком, должен был иметь жену-еврейку. Исключение было возможно для грузина, вроде Сталина, для русского оно не допускалось.

(Игорь Шафаревич. Трёхтысячелетняя загадка)

→ 4 августа: Шафаревич, 3

Году в тысяча девятьсот сорок девятом напали мы с друзьями на примечательную заметку в журнале «Природа» Академии Наук. Писалось там мелкими буквами, что на реке Колыме во время раскопок была как-то обнаружена подземная линза льда — замёрзший древний поток, и в нём — замёрзшие же представители ископаемой (несколько десятков тысячелетий назад) фауны. Рыбы ли, тритоны ли эти сохранились настолько свежими, свидетельствовал учёный корреспондент, что присутствующие, расколов лёд, тут же охотно съели их.

Немногочисленных своих читателей журнал, должно быть, немало подивил, как долго может рыбье мясо сохраняться во льду. Но мало кто из них мог внять истинному богатерскому смыслу неосторожной заметки.

Мы — сразу поняли. Мы увидели всю сцену ярко до мелочей: как присутствующие с ожесточённой поспешностью кололи лёд; как, попирая высокие интересы ихтиологии и отталкивая друг друга локтями, они отбивали куски тысячелетнего мяса, волокли его к костру, оттаивали и насыщались.

Мы поняли потому, что сами были из тех *присутствующих*, из того единственного на земле могучего племени *зэков*, которое только и могло *охотно* съесть тритона.

<...>

Идут десятилетия — и безвозвратно слизывают рубцы и язвы прошлого. Иные острова за это время дрогнули, растеклись, полярное море забвения переплескивает над ними. И когда-нибудь в будущем веке Архипелаг этот, воздух его, и кости его обитателей, вмёрзшие в линзу льда, — представятся неправдоподобным тритоном.

Я не дерзну писать историю Архипелага: мне не досталось читать документов. Но кому-нибудь когда-нибудь — достанется ли?.. У тех, не желающих *вспоминать*, доволь-

но уже было (и ещё будет) времени уничтожить все документы дочиста.

Свои одиннадцать лет, проведённые там, усвоив не как позор, не как проклятый сон, но почти полюбив тот уродливый мир, а теперь ещё, по счастливому обороту, став доверенным многих поздних рассказов и писем, — может быть сумею я донести что-нибудь из косточек и мяса? — ещё впрочем живого мяса, ещё впрочем и сегодня живого тритона.

(Александр Солженицын, *Архипелаг ГУЛАГ*)

→ 28 октября: 500 блюд для северян

Славянин

Как славянин, когда не знает, где учиться,
Мечтает средь полей, как жить на свой манер, —
А где-то вдалеке купец в вагоне мчится,
И телеграф стучит, и реет монгольфьер;
Как славянин, что все уже прошёл дороги,
Ждет *самовитости*, без знания, от души —
Вот так печальна жизнь!.. Товарищи, пророки,
Крестьяне, шляхтичи, евреи, торгаши!

Так камень на меже лежит, забыв про сроки,
А прежде штурмовал лихие рубежи;
С ним рядом коровяк и рыжая полёвка,
А он лежит в полях огромно и неловко
(Сам разумеешь смысл моих иносказаний) —
То ль камень межевой, то ль череп великаний?

(Циприан Норвид. *Стихотворения, М., 1972*)

Изначальное единство с матерью

Первая родовая схема относится к первоначальному состоянию внутриутробного существования, во время которого ребёнок и мать образуют симбиотический союз. При отсутствии вмешательства каких-либо вредных стимулов условия для ребёнка оптимальны, включая безопасность, защиту, подходящее окружение и удовлетворение всех потребностей. <...>

Ненарушенные внутриутробные переживания ассоциируются <в сеансах ЛСД> с блаженным, недифференцированным океаническим состоянием сознания. Нередко конкретные биологические элементы опускаются, и активизация этой схемы проявляется в переживании космического единства. Его основные характеристики — преодоление дихотомии «субъект-объект», чрезвычайно сильное положительное воздействие (мир, спокойствие, радость, безмятежность, блаженство), особое чувство сокровенности, выход за пределы времени и пространства, переживание чистого бытия, глубокое проникновение в уместность всего во вселенной. <...>

Характер лишённого напряжения, расплавляющего экстаза можно пояснить на примере ощущения космического единства, называемого «океаническим экстазом».

Антагонизм с матерью

Вторая родовая схема относится к первой клинической стадии родов. Внутриутробное существование, близкое в нормальных условиях к идеальному, подходит к концу. Мир плода нарушен, сначала посредством химических влияний, позднее — грубой механикой периодических схваток. Это создаёт ситуацию неопределённости и жизненной угрозы с различными признаками дискомфорта. В этой фазе маточные схватки захватывают плод, но шейка матки закрыта, так что пути наружу нет. Мать и ребёнок

оказываются источником боли друг для друга и вступают в биологический антагонизм и конфликт. <...>

Часто активизация этой схемы <в сеансах ЛСД> приводит к довольно характерному духовному переживанию безысходности или «ада». Человек ощущает себя запертым в клаустрофобическом мире и испытывает невероятные физические и психологические мучения, которые нередко сопровождаются затемнением визуального поля и зловещими цветами. Характерно также, что эта ситуация абсолютно невыносима и вместе с тем представляется бесконечной и безнадежной; бежать некуда — ни во времени, ни в пространстве. <...>

Мир воспринимается на этой стадии как апокалипсическое место, преисполненное ужаса, страданий, войн, эпидемий, несчастных случаев и стихийных бедствий. Другая типичная категория видений, относящихся к этой родовой схеме, включает в себя дегуманизированный мир автоматов, роботов, механических устройств, монстров и уродов, демонстрируемых в цирках, лишённый смысла мир «кабаков и притонов», «театр марионеток». <...>

Мучительные чувства отъединённости, отчуждения, метафизического одиночества, беспомощности, безнадежности, неполноценности и вины — стандартные компоненты второй родовой схемы.

Проталкивание через родовой канал

Третья родовая схема связана со второй клинической стадией родов. Схватки продолжают, но шейка матки уже широко открыта, и постепенно начинается трудный и сложный процесс проталкивания плода через родовой канал. Для плода это означает серьезнейшую борьбу за выживание с сокрушающим механическим давлением и нередко с серьезным удушьем. Однако система уже не замкнута, благодаря чему возникают перспективы прекращения невыносимой ситуации. Усилия и интересы ребёнка

и матери совпадают, их совместное интенсивное стремление нацелено на прекращение болезненного состояния. В конце этой стадии ребёнок может войти в контакт с такими биологическими материалами, как кровь, слизь, моча и кал. <...>

Важнейшая характеристика третьей родовой схемы — атмосфера титанической борьбы, нередко достигающей катастрофических масштабов. Интенсивность болезненного напряжения достигает уровня, который, казалось бы, человеку не выдержать. Человек переживает последствия огромной концентрации энергии и её взрывообразного освобождения и описывает ощущение мощных потоков струящейся во всём его теле энергии. Сопровождающие эти переживания видения обычно представляют собой зрелище стихийных бедствий: извержения вулканов, опустошающие землетрясения, свирепые ураганы и смерчи, магнитные бури, гигантские кометы и метеоры, рождение новых звезд и прочие катаклизмы. Столь же часты картины сходных событий, связанных с человеческой деятельностью, особенно с новейшей техникой: взрывы атомных бомб, термоядерные реакции, огромные заводы и гидростанции, линии высоковольтных передач, разряды в электрических конденсаторах, старт ракет, орудийные залпы, массированные воздушные налеты и другие разрушительные военные действия. <...>

Один из аспектов переживаний, связанных с третьей родовой схемой, заслуживает особого внимания, а именно, тот факт, что имеющие место страдания и напряжение превосходят всё, что субъект считал выносимым для человека. Когда они достигают абсолютного предела, ситуация утрачивает черты страдания и агонии; переживание сменяется буйным экстатическим восторгом космического масштаба, который можно назвать «вулканическим экстазом».

Отделение от матери

Четвёртая родовая схема относится к третьей клинической стадии родов. Мучительные переживания достигают своей кульминации, проталкивание через родовой канал подходит к концу, когда крайнее напряжение и страдание сменяются внезапным облегчением. Завершается период задержки дыхания и недостаточного снабжения кислородом. Ребёнок совершает свой первый глубокий вдох, его дыхательные пути приходят в действие. Пуповина перерезана — кровь, до этого циркулировавшая по сосудам пуповины, направляется в лёгочную область. Физическое отделение от матери завершилось, ребёнок начинает своё существование в качестве анатомически независимого существа. После того как вновь установлено физиологическое равновесие, новая ситуация оказывается несравненно лучше, чем две предшествовавшие, однако в некоторых важных аспектах хуже, чем изначальное единство с матерью. <...>

Проявление четвёртой родовой схемы на символическом и духовном уровнях составляет переживание смерти-возрождения; оно является прекращением и разрешением борьбы со смертью — вторым рождением. Страдания и агония достигают кульминации в переживании тотального уничтожения на всех уровнях — физическом, эмоциональном, интеллектуальном, этическом и трансцендентальном. Человек переживает окончательное биологическое разрушение, эмоциональный разгром, интеллектуальное ниспровержение и крайнее моральное унижение. Обычно это иллюстрируется быстрой последовательностью образов и событий из его прошлого и настоящего. Он чувствует себя абсолютной ошибкой в жизни с любой точки зрения; ему кажется, что весь его мир распадается, он утрачивает все до сих пор значимые точки отсчета. Это переживание называют *смертью эго*.

После того как человек до самых глубин пережил тотальное уничтожение и «ударился о космическое дно», он поражён видением слепящего белого или золотого света, чувством облегчения и расширения пространства. Общей становится атмосфера очищения, искупления, спасения, любви и прощения. Человек чувствует себя освобождённым от чувства вины, словно отделившись от невероятного количества грязи, вины, агрессивности и тревоги. Его переполняет любовь к ближним, он ощущает непреходящую ценность сердечных человеческих отношений, солидарности и дружбы. Эти чувства сопровождаются смирением и желанием оказать помощь, совершать добрые дела.

(Станислав Гроф.

Области человеческого бессознательного // Часы, № 28, 1980, с изменениями)

Русские писатели

С одной стороны, гениальный писатель — явление несомненное и непереносимое, без него, как без святого и героя, «держава не держится»; с другой, определить гениальность в литературе в три слова, которые устроили бы всех — и левых, и правых, и задних, — вряд ли возможно. Отважусь всё-таки: Гениальность в литературе — это 1) новый язык, 2) новая идея, 3) вписанность в национальную традицию, как-то так.

На схеме — русские писатели-гении на фоне культурно-политической синусоиды России по 25-летиям, где именование всех четвертушек (революция, тирания, оттепель, застой) можно, пожалуй, взять в кавычки. В скобках — писатели, дошедшие в соревновании гениев до шорт-листа, но лаврового венка не обретшие. И венки и шорт-лист, ясное дело, на мой взгляд и вкус.

Пушкин	Достоевский	Розанов	Платонов	Солжени-		
Гоголь	Толстой	Бунин	Булгаков	цын		
	Лесков	Белый	Набоков	Саша		
	Чехов	Ремизов		Соколов		
	оттепель	революция		оттепель		
1825–1850	1850–1875	1875–1900	1900–1925	1925–1950	1950–1975	1975–2000
тирания		застой		тирания		застой /
	(Тургенев	(Замятин)		(Шолохов/Крюков		революция
	Гончаров			Газданов		(Астафьев
	Салтыков-Щедрин)			Кржижановский		Вен.
				Пастернак)		Ерофеев
						Мамлеев)

→ 9 августа/2017: Четвертушки синусоиды

Это праздник. Розы в ванной.
Шумно, дымно, негде сесть.
Громогласный, долгожданный,
Драгоценный. Ровно шесть.
Вечер. Лето. Гости в сборе.
Золотая молодёжь
Пьёт и курит в коридоре,
Смех, приветствия, галдёж.
Только-только из-за школьной
Парты, вроде бы вчера,
Окунулся я в застольный
Гам с утра и до утра.
Пела долгая пластинка.
Балагурил балагур.
Сетунь, Тушино, Стромынка —
Хорошо, но чересчур.
Здесь, благодаренье Богу,
Я полжизни оттрубил.
Женщина сидит немного
Справа. Я её любил.
Дело прошлое. Прогнозам
Верил я в иные дни.
Птицам, бабочкам, стрекозам
Эта музыка сродни.
Если напроць не опиться
Водкой, шумом, табаком,
Слушать музыку и птицу
Можно выйти на балкон.
Ночь моя! Вишнёвым светом
Телефонный автомат
Озарил сирень. Об этом
Липы старые шумят.
Табакком пропахли розы,
Их из Грузии везли.
Обещали в полдень грозы,

Грозы за полночь пришли.
 Ливень бьёт напропалую,
 Дальше катится стремглав.
 Вымостили мостовую
 Зеркалами без оправ.
 И светает. Воздух зябко
 Тронул занавесь. Ушла
 Эта женщина. Хозяйка
 Убирает со стола.
 Спит тихоня, спит проказник —
 Спать! С утра очередной
 Праздник. Всё на свете праздник —
 Красный, чёрный, голубой.

(Сергей Гандлевский. Часы, № 31, 1981)

ИЮНЬ

9

суббота

За сизой дымкою вдали горит закат,
 Гляжу на горные хребты, на водопад.
 Летит он с облачных высот сквозь горный лес —
 И кажется: то Млечный Путь упал с небес.

(Ли Бо)

ИЮНЬ

10

воскресенье

— Ишь, раскудахтался, — сказал громовой голос. —
 Который? Этот, что квохчет, что ли?

— Не, — ответил другой голос. — Рядом.

Над Стеной Мира возникло два огромных лица. Это
 были боги.

— Ну и дрянь, — сокрушённо заметило первое ли-
 цо. — Чего с ними делать, непонятно. Они же полудох-
 лые все.

Над миром пронеслась огромная рука в белом, заля-
 панном кровью и прилипшим пухом рукаве и тронула
 кормушку-поилку.

— Семён, мать твою, ты куда смотришь? У них же кормушка сломана!

— Цела была, — ответил бас. — Я в начале месяца всё проверял. Ну что, будем забивать?

— Нет, не будем. Давай включай конвейер, подгоняй другой контейнер, а здесь — чтобы завтра кормушку починил. Как они не передохли только...

— Ладно.

— А насчет этого, у которого шесть пальцев, — тебе обе лапки рубить?

— Давай обе.

— Я одну себе хотел.

Затворник повернулся к внимательно слушающему, но почти ничего не понимающему Шестипалому.

— Слушай, — прошептал он, — кажется, они хотят...

Но в этот момент огромная белая рука снова метнулась по небу и сгребла Шестипалого.

Шестипалый не разобрал, что хотел сказать Затворник. Ладонь обхватила его, оторвала от земли, потом перед ним мелькнула огромная грудь с торчащей из кармана авторучкой, ворот рубахи и, наконец, пара большущих выпуклых глаз, которые уставились на него в упор.

— Ишь, крылья-то. Как у орла! — сказал небывалых размеров рот, за которым желтели бугристые зубы.

Шестипалый давно привык находиться в руках у богов. Но сейчас от ладоней, которые его держали, исходила какая-то странная, пугающая вибрация. Из разговора он понял только, что речь идёт не то о его руках, не то о ногах, а потом откуда-то снизу долетел сумасшедший крик Затворника:

— Шестипалый! Беги! Ключь его прямо в морду!

Первый раз за все время их знакомства в голосе Затворника звучало отчаяние. И Шестипалый испугался, до такой степени испугался, что все его действия приобрели сомнамбулическую безошибочность, — он изо всех сил клюнул вы-

лупленный на него глаз и сразу стал с невероятной скоростью бить по потной морде бога руками с обеих сторон.

Раздался рёв такой силы, что Шестипалый воспринял его не как звук, а как давление на всю поверхность своего тела. Ладони бога разжались, а в следующий момент Шестипалый заметил, что находится под потолком и, ни на что не опираясь, висит в воздухе. Сначала он не понял, в чём дело, а потом увидел, что по инерции продолжает махать руками и именно они удерживают его в пустоте. Отсюда было видно, что представляет собой Цех номер один: это был огороженный с двух сторон участок конвейера, возле которого стоял длинный, в красных и коричневых пятнах деревянный стол, усыпанный пухом и перьями, и лежали стопки прозрачных пакетов. Мир, где остался Затворник, выглядел просто большим прямоугольным контейнером, заполненным множеством неподвижных крохотных тел. Шестипалый не видел Затворника, но был уверен, что тот видит его.

— Эй, — закричал он, кругами летая под самым потолком, — Затворник! Давай сюда! Маши руками как можно быстрее!

Внизу, в контейнере, что-то замелькало и, быстро вырастая в размерах, стало приближаться — и вот Затворник оказался рядом. Он сделал несколько кругов вслед за Шестипалым, а потом закричал:

— Садимся вон туда!

Когда Шестипалый подлетел к квадратному пятну мутного белёсого света, пересечённому узким крестом, Затворник уже сидел на подоконнике.

— Стена, — сказал он, когда Шестипалый приземлился рядом, — светящаяся стена.

Затворник был внешне спокоен, но Шестипалый отлично знал его и видел, что тот немного не в себе от происходящего. С Шестипалым происходило то же самое. И вдруг его осенило.

— Слушай, — закричал он, — да ведь это и есть полет! Мы летали!

Затворник кивнул головой.

— Я уже понял, — сказал он. — Истина настолько проста, что за неё даже обидно.

Между тем беспорядочное мелькание фигур внизу несколько успокоилось, и стало видно, что двое в белых халатах удерживают третьего, зажимающего лицо рукой.

— Сука! Он мне глаз выбил! Сука! — орал этот третий.

— Что такое сука? — спросил Шестипалый.

— Это способ обращения к одной из стихий, — ответил Затворник. — Собственного смысла это слово не имеет.

— А к какой стихии он обращается? — спросил Шестипалый.

— Сейчас увидим, — сказал Затворник.

Пока Затворник произносил эти слова, бог вырвался из удерживавших его рук, кинулся к стене, сорвал красный баллон огнетушителя и метнул его в сидящих на подоконнике — он сделал это так быстро, что никто не сумел ему помешать, а Затворник с Шестипалым еле успели взлететь в разные стороны.

Раздался звон и грохот. Огнетушитель, пробив окно, исчез, и в помещение ворвалась волна свежего воздуха — только после этого стало понятно, как там воняло. Сделалось неправдоподобно светло.

— Летим! — заорал Затворник, потеряв вдруг всю свою невозмутимость. — Живо! Вперёд!

И, отлетев подальше от окна, он разогнался, сложил крылья и исчез в луче жёлтого горячего света, бившем из дыры в крашеном стекле, откуда дул ветер и доносились новые, незнакомые звуки.

Шестипалый, разгоняясь, понёсся по кругу. Последний раз внизу мелькнул восьмиугольный контейнер, залитый кровью стол и размахивающие руками боги — сложив крылья, он со свистом пронёсся сквозь дыру.

Сначала он на секунду ослеп — так ярок был свет. Потом его глаза привыкли, и он увидел впереди и вверху круг жёлто-белого огня такой яркости, что смотреть на него даже краем глаза было невозможно. Ещё выше виднелась тёмная точка — это был Затворник. Он разворачивался, чтобы Шестипалый мог его догнать, и скоро они уже летели рядом.

Шестипалый оглянулся — далеко внизу осталось огромное и уродливое серое здание, на котором было всего несколько покрашенных масляной краской окон. Одно из них было разбито. Всё вокруг было таких чистых и ярких цветов, что Шестипалый, чтобы не сойти с ума, стал смотреть вверх.

Лететь было удивительно легко — сил на это уходило не больше, чем на ходьбу. Они поднимались выше и выше, и скоро всё внизу стало просто разноцветными квадратиками и пятнами.

Шестипалый повернул голову к Затворнику.

— Куда? — прокричал он.

— На юг, — коротко ответил Затворник.

— А что это? — спросил Шестипалый.

— Не знаю, — ответил Затворник, — но это вон там.

И он махнул крылом в сторону огромного сверкающего круга, только по цвету напоминавшего то, что они когда-то называли светилами.

(Виктор Пелевин. Затворник и Шестипалый // Химия и жизнь, № 3, 1990, отрывок)

Сидели раз старатели круг огонька в лесу. Четверо больших, а пятый парнишечко. Лет так восьми, не больше, Федюнькой его звали.

Давно всем спать пора, да разговор занятный пришёлся. В артелке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал. Мало ли каких случаев у него бывало. Он и рассказывал, а старатели слушали.

Отец уж сколько раз говорил Федюньке:

— Ложился бы ты, Тюньша, спать!

Парнишечку охота послушать.

— Погоди, тятенька! Я маленьчко ещё посижу.

Ну, вот... Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костерка одни угольки остались, а старатели всё сидят да на эти угольки глядят.

Вдруг из самой серединки вынырнула девчоночка махонькая. Вроде куклёнки, а живая. Волосёнки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке платочек, тоже сголуба.

Поглядела девчонка весёлыми глазками, блеснула зубёнками, подбоченилась, платочком махнула и пошла плясать. И так у ней легко да ловко выходит, что и сказать нельзя. У старателей дух захватило. Глядят — не наглядятся, а сами молчат, будто задумались.

Девчонка сперва по уголькам круги давала, потом, — видно, ей тесно стало, — пошире пошла. Старатели отодвигаются, дорогу дают, а девчонка как круг пройдёт, так и подрастёт маленько. Старатели дальше отодвинутся. Она ещё круг даст и опять подрастёт. Когда вовсе далеко отодвинулись, девчонка по промежуткам в охват людей пошла, — с петлями у ней круги стали. Потом и вовсе за людей вышла и опять ровненько закружилась, а сама уже ростом с Федюньку. У большой сосны остановилась, топнула ножкой, зубёнками блеснула, платочком махнула, как свистнула:

— Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

Тут филин заухал, захохотал, и никакой девчонки не стало.

Кабы одни большие сидели, так, может, ничего бы дальше и не случилось. Каждый, видишь, подумал:

«Вот до чего на огонь загляделся! В глазах зарябило... Неведомо что померещится с устатку-то!»

Один Федюнька этого не подумал и спрашивает у отца:

— Тятя, это кто?

Отец отвечает:

— Филин. Кому больше-то? Неуж не слышал, как он ухает?

— Да не про филина я! Его-то, поди-ка, знаю и ни капельки не боюсь. Ты мне про девчонку скажи.

— Про какую девчонку?

— А вот которая на углях плясала. Ещё ты и все отодвигались, как она широким кругом пошла.

Тут отец и другие старатели давай доспрашивать Федюньку, что он видел. Парнишечко рассказал. Один старатель ещё спросил:

— Ну-ко, скажи, какого она росту была?

— Сперва-то не больше моей ладошки, а под конец чуть не с меня стала.

Старатель тогда и говорит:

— А ведь я, Тюньша, точь-в-точь такое же диво видел.

Федюнькин отец и ещё один старатель это же сказали. Один дед Ефим трубочку сосёт и помалкивает. Старатели приступить к нему стали:

— Ты, дедко Ефим, что скажешь?

— А то и скажу, что это же видел, да думал — померещилось мне, а выходит — и впрямь Огневушка-Поскакушка приходила.

— Какая Поскакушка?

Дедко Ефим тогда и объяснил:

— Слышал, дескать, от стариков, что есть такой знак на золото — вроде маленькой девчонки, которая пляшет. Где такая Поскакушка покажется, там и золото. Не сильное золото, зато грудное, и не пластом лежит, а вроде редьки посажено. Сверху, значит, пошире круг, а дальше всё меньше да меньше и на нет сойдёт. Выроешь эту редьку золотого песку — и больше на том месте делать нечего. Только вот забыл, в котором месте ту редьку искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдёт...

(Павел Бажов. Огневушка-Поскакушка, отрывок)

В конце бронзового века по Восточному Средиземноморью прокатилась волна разрушений. Многие города и крепости были разрушены и сожжены, целые области обезлюдели. Из египетских источников мы узнаём о «народах моря» — так принято называть представителей этнических групп, принимавших участие в нападениях на Египет при фараонах Мернептахе (1213–1203 до н.э.) и Рамсесе III (1184–1153 до н.э.).

Мернептах похваляется победой, которую он одержал в пятый год своего правления над ливийским царём и его союзниками — «северянами», явившиеся морем «со всех стран». <...> Поистине драматичные события развернулись в восьмой год правления Рамсеса III. Фараон повествует о них в надписи, сопровождающей рельефные изображения, высеченные по его распоряжению в Мединет Абу. <...> Опасность была столь велика, что фараон с гордостью вспоминает о своих приготовлениях: устье реки было превращено в крепость, оснащённую боевыми и транспортными судами с полностью укомплектованными командами; мобилизованы были все колесничие и пешие воины. В двух сражениях, на воде и на суше, войска Рамсеса III разбили противника. При этом в корабельном сражении решающую роль, судя по всему, сыграли египетские лучники.

Происхождение «народов моря» является предметом непрекращающихся споров. Многие соглашались, что они пришли из Европы; при этом обычно имеются в виду Балканский полуостров или Подунавье. Вполне допустимо, что участники коалиции явились из разных стран и что заключительный этап их движения вырос из временного союза разнообразных групп, привыкших жить морским разбоем, с одной стороны, со снявшимися с места народом или народами — с другой.

Всё, что оставили «народы моря» на своём пути — это пепелища. Проследить продвижение связанной с ними материальной культуры кажется невозможным. Но всё же нам известен облик тех кораблей, на которых они напали на Египет, ибо по воле фараона его победы были запечатлены на рельефах храма в Мединет Абу. Работа египетских художников великолепна. Изображение кораблей и их команд весьма специфично, а следовательно — в значительной мере реалистично. Так,

например, египетские корабли снабжены уключинами для вёсел, а корабли «народов моря» лишены их.

«Народы моря» сражаются на кораблях, доселе неведомых в Средиземноморье. Их передний и задний штевни совершенно симметричны, при этом они не образуют единой плавной дуги с корпусом судна, но круто идут вверх почти под прямым углом. И нос, и корма этих кораблей украшены протомы, изображающими лебедей (или, как считают некоторые, — диких гусей).

Вольфганг Киммиг указал на разительное сходство кораблей «народов моря», запечатлённых египетскими художниками, с *Vogelbarken* Европы, украшающими подвески и бронзовые сосуды. <...>

Корабли с лебединой протомой, по-видимому, нередки среди скандинавских петроглифов, однако ввиду некоторой грубости работы лебединые шеи не всегда безусловно узнаваемы — настолько, что драконьи протомы кораблей викингов воспринимаются как продолжение той же иконографической традиции. <...>

Для наших целей было бы особенно важным установить наличие изображений с симметричными птичьими протомы в сочетании с вертикально идущими вверх штевнями — как у кораблей «народов моря». Совпадение трёх характеристик (птичьей протомы, симметрия носа и кормы, общий контур корпуса со штевнями, приближающийся к прямоугольному) даст действительно веские основания для сближения кораблей, запечатлённых египетскими художниками, с кораблями Скандинавии.

(Дмитрий Панченко. Викинги бронзового века)

Make love, not war

Еврейская бабушка слышит не чердаке шум и резонирует внучков:

- Сонька, Ицек, вы что там — дерётесь, что ли?*
- Нет, бабушка, мы тюхаемся.*
- Ну это ещё ничего, а я думала: дерётесь.*

Поезд проехал длинный туннель на границе двух провинций и остановился на узловой станции. Отсюда начиналась снежная страна. Ночь посветлела. Девушка, сидевшая по другую сторону прохода, поднялась, подошла и опустила окно рядом с Симамурой. В вагон ворвался холодный, пахнувший снегом воздух. Девушка далеко высунулась в окно и крикнула в пустоту:

— Господин начальник станции!.. Господин начальник станции!..

Неторопливо ступая по снегу, подошёл человек с фонарём. На нём была меховая шапка, закрывавшая уши, и шарф до самого носа.

Неужели действительно так холодно, подумал Симамура и посмотрел в окно. Пустынное место. Лишь вдалеке, у подножия горы, где темнота поглощала снежную белизну, виднелось несколько унылых строений барачного типа, очевидно казённые дома для железнодорожников.

— Это я, господин начальник! Как поживаете?

— А-а, это ты, Йоко!.. Домой, значит, едешь... А у нас опять холода.

— Я слышала, младший брат теперь здесь, у вас, служит. Спасибо, что о нём позаботились.

— Служит, служит, да боюсь, зачахнет он здесь с тоски. Такое это уж место. Жаль, совсем ведь ещё молодой парнишка.

— Совсем молодой, маленький даже. Вы уж, господин начальник, присмотрите за ним, поучите его, прошу вас!

— Ладно, присмотрю. Да он пока ничего, здоров, с работой справляется...

А у нас тут скоро самая горячая пора наступит. В прошлом году такие снега были, жуть! И без конца снежные обвалы. Все поезда тут застревали. Так и стояли на путях. Жителям ближних деревень работы подвалило — они день и ночь варили рис для пострадавших.

— Господин начальник, кажется, вы очень тепло одеты? А брат писал, что до сих пор даже без жилетки ходит.

— Я-то? Тепло — на мне целых четыре кимоно. А молодым что? Как наступят холода, они, знай, сакэ тянут. А потом простужаются, валяются там... — Он махнул фонарем в сторону казённых домов.

— Как, неужели и мой брат пить начал?

— Да нет...

— Господин начальник, вы уже уходите?

— Да к врачу мне надо. Болен я.

— Ой, вот несчастье-то!..

Начальник станции — хоть на нем поверх кимоно было ещё пальто — должно быть, не хотел задерживаться и болтать на холоде. Уже повернувшись спиной, он сказал:

— Ну, счастливо тебе доехать!

— Господин начальник, скажите, а сейчас брат не на дежурстве? — Взгляд Йоко скользнул по снегу. — Господин начальник, вы уж присмотрите за ним, умоляю вас!

Её голос был до боли прекрасен. Казалось, он рассыпается эхом по снежной простыне ночи, но не теряет своего высокого звучания.

Поезд тронулся, а девушка не отходила от окна. Когда их вагон поравнялся с шагавшим вдоль путей начальником станции, она снова крикнула:

— Господин начальник, передайте, пожалуйста, брату, пусть в следующий выходной домой приедет...

— Хо-ро-шо!.. — во весь голос закричал начальник станции.

Йоко закрыла окно и прижала ладони к покрасневшимся щекам. Здесь, в горном районе, на границе двух провинций, ждали снега. Три снегоочистителя стояли наготове. В туннеле с юга на север тянулась линия аварийной сигнализации на случай снежных обвалов. Для расчистки снега были мобилизованы пять тысяч рабочих и добровольная молодёжная пожарная команда в составе двух тысяч человек.

Узнав, что младший брат Йоко служит на узловой станции, находящейся под угрозой обвала, Симамура почув-

ствовал к незнакомке ещё больший интерес. Он мысленно называл её «девушка». Он не знал, кем приходится ей мужчина, с которым она ехала, но держались они как муж и жена. Впрочем, мужчина был больной, и в таких случаях женщина обычно начинает ухаживать за своим спутником, и оба уже ведут себя без свойственной неблизким людям сдержанности, и, чем больше женщина ухаживает, тем больше походят они для постороннего глаза на супружескую пару. Но Симамура мысленно отделил её от спутника и называл «девушка» — такое она производила впечатление. А кроме того, он смотрел на неё по-особому, наблюдал за ней всю дорогу, и в его душе появились какие-то намёки на нежность, оттого ему и хотелось так о ней думать — «девушка».

Часа три назад Симамура, разглядывая свою левую руку, с удивлением отметил, что не он сам, а лишь рука со всей свежестью хранит воспоминание о женщине, к которой он сейчас ехал. Он, Симамура, словно бы забыл её, она стала расплывчатой, неопределённой, и все усилия вызвать в память её образ были тщетны. Очевидно, у рук есть своя память, и не Симамура, а только эта рука, не забывшая женского тепла, прикосновения, тянется к женщине. В изумлении Симамура даже поднёс к глазам руку, а потом просто так провёл ею по оконному стеклу и чуть не вскрикнул от изумления: на стекле возник женский глаз. Ничего особенного в этом не было, просто стекло отражало сидевшую по ту сторону прохода девушку. Но Симамура думал о другом, потому так и удивился. Раньше отражения не было — стекло запотело от парового отопления, но, когда Симамура провёл по стеклу рукой, оно сразу превратилось в зеркало, потому что за окнами уже сгустились сумерки, а в вагоне горел свет.

Отразился только один глаз девушки, но и один её глаз казался необычайно красивым. Симамура, всем своим видом изобразив дорожную тоску, протёр ладонью все стекло.

Девушка сидела чуть склонившись вперёд и сосредоточенно, почти не мигая, смотрела на лежавшего перед ней мужчину. Её взгляд, её напряжённые плечи, казалось, свидетельствовали, насколько она серьезно ко всему относится. Мужчина лежал головой к окну с согнутыми в коленях ногами, приходившимися на уровне груди девушки. Их места в вагоне третьего класса были не прямо напротив Симамуры, а наискось, за другими местами, и в стекле мужчина отражался не весь.

Со своего места Симамура отлично видел сидевшую наискосок девушку, но старался не смотреть в её сторону, ему было неловко. Когда он садился в поезд, красота девушки, какая-то прохладная и пронзительная, поразила его, но в тот же миг он увидел бледную, жёлтую мужскую руку, сжимавшую её руку, и решил, что смотреть неудобно. Отражённое в стекле лицо мужчины производило впечатление спокойствия и умиротворенности, может быть, только потому, что он смотрел на грудь девушки. Да и вообще, казалось, весь он, сломленный болезнью, источал какую-то едва заметную, но сладостную гармонию. Ему под голову был подложен шарф, свободный конец которого прикрывал его рот и щеки, а как только он напалзал на нос, девушка, не дожидаясь просящего взгляда мужчины, мягким движением его поправляла. Она делала это бесконечно часто и совершенно естественно, и наблюдавший на ними Симамура почему-то приходил от этого в раздражение. А ещё она всё время поправляла подол пальто, укутывавшего ноги мужчины. И тоже естественно, без всякой нарочитости. Очевидно, она утратила представление обо всём окружающем и вся была устремлена в никому неведомую, свою даль. У Симамуры создалось впечатление, будто не чужое горе он видит, а бесконечные фокусы какого-то странного сна. Может быть, потому что он видел это отражённым в зеркальном стекле.

В глубине зеркала струился вечерний пейзаж, то есть не сам пейзаж, а тоже его отражение, и обе отражённые кар-

тины наплывали двойным кадром, как в кинофильме. Между фоном и действующими лицами отсутствовала какая бы то ни было связь, призрачная иллюзорность действующих лиц и зыбкий бег пейзажа растворялись друг в друге и создавали мистический мир символики. Это ощущение было настолько сильным, что Симамура застыл от восторга, когда на лице девушки вдруг вспыхнул огонек, засветившийся где-то в поле.

После захода солнца небо над далекими горами ещё сохраняло бледную розоватость и пейзаж за оконными стеклами ещё не полностью расплылся во мгле. Но у пейзажа остались только контуры, краски исчезли, и всё вокруг: горы, поля — казалось очень унылым, обыденным, лишённым каких-либо примечательных черт. И всё же была в этом пейзаже некая страстная напряжённость, как в неуловимом потоке чувств. Из-за лица девушки, конечно.

Отражённое в стекле лицо закрывало часть пейзажа за окном, но вокруг постоянно мелькали образы вечера, и поэтому лицо казалось прозрачным. И всё же невозможно было из-за непрерывного мелькания убедиться, действительно ли прозрачно это лицо. Создавалась иллюзия, что вечерний пейзаж бежит не на заднем плане, а прямо по лицу девушки.

В вагоне было не очень светло и зеркало было ненастоящим, оно не отбрасывало света, не давало отчётливого изображения. И Симамура, смотревший в зеркало, постепенно забыл о нём, он видел только девушку, плывущую в потоке вечернего пейзажа.

Именно в этот момент на лице девушки и вспыхнул огонек. Отражённый огонек был слабым и не погасил настоящего огонька за окном, но и тот, настоящий, не погасил своего отражения. Огонёк проплыл сквозь её лицо, однако не осветил его — это был холодный, далёкий свет. И всё же зрачок вдруг вспыхнул в тот момент, когда огонёк наплыл

на отражённый в стекле глаз, и это был уже не глаз, а прекрасный, загадочный, фосфоресцирующий светлячок, плывущий в волнах вечерних сумерек.

Йоко не замечала, что за ней наблюдают, всё её внимание было поглощено больным. Но если бы даже она обернулась в сторону Симамуры, она бы увидела не своё отражение в стекле, а смотрящего в окно мужчину и всё равно бы ничего не заметила.

Наблюдая украдкой за девушкой, Симамура совершенно забыл, что ведёт себя по отношению к ней не очень-то красиво. Его увлекла ирреальность зеркала, отражавшего вечерний пейзаж.

Возможно, из-за этой же ирреальности он вдруг почувствовал себя персонажем какой-то повести и проникся ещё большим интересом к девушке в тот момент, когда она — тоже чрезвычайно серьезно — заговорила с начальником станции.

Когда поезд отошёл от станции, темнота за окнами стала непроницаемой. Зеркало, как только исчез поток пейзажа, утратило свою магическую силу. Правда, красивое лицо девушки всё равно в нём отражалось, но в этой красоте была прозрачная холодная ясность, несмотря на нежную заботу, проявляемую девушкой к своему спутнику, и Симамура не стал больше протирать запотевшее стекло.

Но любопытству Симамуры было суждено вспыхнуть ещё раз: девушка и её спутник сошли на той же станции, что и он. Симамура даже обернулся к ним, словно они имели к нему какое-то отношение, и его взгляд спрашивал: что же дальше? Но он тут же устыдился своего поведения, совсем уж неприличного, и холодный воздух, обдавший его на платформе, подействовал отрезвляюще. Не глядя больше в их сторону, Симамура перешёл путь перед паровозом.

Когда мужчина, держась за плечо девушки, хотел тоже перейти путь, станционный служащий взмахом руки оставил их.

Из мрака возник длинный товарный состав и скрыл их от Симамуры.

(Ясунари Кавабата. Снежная страна, М., 1971)

Прощание со степью

Л. Н. Гумилеву

Степь, ты, полустепь, полупустыня,
Все в тебе смешались времена,
Слава нам твоя явлена ныне,
А вдали Великая стена-стена.
Поднимает ветер тучи пыли,
Огибает солнца медный круг,
Где же вы, кто жили, что тут были,
Где же вы, куда, куда исчезли вдруг?

Где телеги ваши и подпруги,
Недоузки, сёдла, стремяна?
Удила и дуги, дуги, дуги,
Где колена, орды, роды, племена?
Были вы велики непомерно,
Угрожали всем, кому могли,
Много-многолюдны беспримерно
На просто-то-торах высохшей земли.

Что же вы, ужели на задворки
Толпы куры-куры-курыкан,
Туру-туру-турки, тюрки, торки,
Кераит-найман-меркит-уйгурский хан?
Где татаб-ойротские улусы,
Где бурят-тангутская Си Ся,

ИЮНЬ

15

пятница

Ого-го-огузы, гузы, гузы,
Где те-те-теперь вас много лет спустя?

Вы же жу-жу-жу в Жуань-Жуани,
Вы же ни-ни-ни-ни-никогда,
Вы же знаменитые жужжане,
Что же вы уже, ужели навсегда?
Как же вы лишь Гогам, лишь Магогам
Завещали ваш прекрасный край,
Что же вы, раз так — жужжите с Богом,
Ты, струна моя, одна теперь играй.

Степь, ты, полустепь, полупустыня,
Все в тебе смешались времена,
Слава нам твоя явлена ныне,
А вдали Великая стена-стена.

(Алексей Хвостенко, Анри Волохонский, 1966)

Филиппов Михаил Никанорович, 1798–1914.

Писатель, поэт, драматург.

ИЮНЬ

16

суббота

Михаил Никанорович Филиппов родился в г. Тамбове в семье мелкого чиновника. Девятнадцатилетним юношей он поступил в канцелярию губернского правления, где и служил непрерывно в продолжение пятидесяти лет, понемногу повышаясь в чинах.

В 1859 г. он вышел в отставку в чине коллежского асессора. Всю свою долгую жизнь Ф. безвыездно провёл в родном Тамбове.

Художественной литературой Ф. увлёкся ещё в молодых годах. Весь свой долгий век он с поразительной методичностью и упорством, отличавшими все его действия, посвящал литературной работе от двух до трёх часов ежедневно; воскресенья же и праздники отдавались чтению

литературных новинок, неизменно действовавших на восприимчивую натуру Ф. как стимул к собственному, более или менее оригинальному творчеству. К дальнейшей судьбе своих опусов Ф. относился с тем бескорыстным идеализмом, который — увы! так редко встречается в нашем столетии; вследствие этого обстоятельства число литературных произведений Ф., увидевших свет, не превышает, к сожалению, 85 томов; остальная часть его художественного наследия, превышающая указанную цифру по крайней мере в 2,5 раза, до сих пор остаётся ненапечатанною.

Первым серьёзным опытом нашего труженика следует считать романтическую повесть «Прасковья — стрелецкая дочь», появившуюся в «Тамбовских губернских ведомостях» в 1820 г. За нею последовали робкие попытки овладеть стихотворной формой, поэмы «Еруслан и Неонила», «Евгений Мологин», «Бронзовый пешеход», не помешавшие, однако, плодотворности также и прозаических занятий Ф. Результатом этих последних явились романы «Майорский сынок» и «Живые сердца». К этому же периоду относятся и первые опыты Ф. в области стихотворной драмы: «Щедрый герцог», «Мраморный пришлец», «Попойка во время холеры» и «Счастье от глупости».

Не смущаясь молчанием критики, Ф. упорно продолжает свою работу, согласно завету Пушкина «всех лучше оценить сумеешь ты свой труд». Отказываясь от каких-либо иных развлечений, он уделяет этой работе все вечера после службы. Ни женитьба, ни постепенный прирост семьи не меняют ничего в этом поистине железном расписании времени. Поэтому нас вряд ли может удивить тот факт, что с 1840 по 1880 годы Ф. было закончено не менее 52 романов. Назовём некоторые из них, чтобы убедиться, насколько живо, быстро и горячо отзывался Ф. на все сколько-нибудь значительные явления современной ему отечественной литературы: «Кто прав?», «Что думать?», «Шарабан»,

«Вторая любовь», «Потом», «Матери и внуки», «Пар», «Корвет „Церера“», «Обрезов», «Откос», «Необыкновенная география», «Обиженные и ущемлённые», «Подвиг и награда», «Умный человек», «Село Карамазово», «Матрац», поэмы «Русские мужчины», «Кому в Тамбове умереть нехорошо» и многие другие.

Пользуясь после выхода в отставку неограниченным досугом и не отвлекаемый никакими другими интересами, Ф. в последние 45 лет своей жизни развил совершенно необычайную энергию, закончив, по свидетельству его правнуков, свыше 150 романов и несколько сот повестей и рассказов. Ни преклонный возраст, ни замкнутый образ жизни не мешали ему каждый раз, как только в его поле зрения попадало новое произведение литературы, откликаться на него, предлагая читателю — или, по крайней мере, своей семье — новый оригинальный вариант затронутой темы. От эпохи Карамзина до первых выступлений русских футуристов трудно было бы указать какое-нибудь литературное течение или какой-нибудь серьёзный вопрос, волновавший наше общество, не получивший своего отражения в творчестве Ф., которое сделалось настоящим зеркалом русской культурной жизни на протяжении целого столетия. Это блестяще подтверждается перечнем заглавий крупнейших произведений Ф., увидевших свет с 1880 по 1914 г.: «Обычаи Разболтаева переулка», «Бессилие света», «Семена невежества», «Понедельник», «Отваловские медяки», «Глухой актер», «Три кухни», «Тетя Паша», «Старик Игдразиль», «Повесть о восьми утопленниках», «Лиловый плач», «Крупный чёрт», «Незнакомец», «Резеда и минус», «Туча в мантию».

Свидетель и посильный участник золотого века русской литературы, лишь нескольких лет не дотянувший до столетнего юбилея своей творческой деятельности, Ф. являет собою образец самоотверженного труженика на этом благородном поприще. Невольник вдохновения, он всю жизнь

торопился обогащать родную литературу сокровищами своего духа, не успевая заботиться об ювелирной отделке романов и поэм, как бы чувствуя всегда, что беспощадная смерть вот-вот оборвёт его творческий подвиг на полуслове. И когда мы представляем себе, как 116-летний старец, испуская последний вздох над попыткой дать собственный вариант на тему «Ананасы в шампанском» «Апельсины в цимлянском», прошептал трогательную в своей простоте и скромности фразу — «и моя капля мёду есть в улье!..» — мы испытывали то самое волнение, которое заставляет обнажать голову перед наиболее возвышенными явлениями жизни.

(Новейший Плутарх)

→ 8 октября: Новейший Плутарх, 5

15. VI. 88.

Уважаемый Борис

(к сожалению, Вы не сообщили Вашего отчества),

на-днях получил Ваше майское письмо. Большое спасибо за него и за Ваш текст — ответ на анкету <о кладбищах>. Он произвёл на меня большое впечатление в разных отношениях. Вы сумели не только определить суть проблемы, но и найти самое простое и сильное решение её. Полностью согласен со всем, что Вы пишете, мне очень приятно найти человека, который так глубоко думал над тем, что всегда волновало и меня. В этом смысле анкета уже начала — до её опубликования — свою службу.

Всего Вам доброго.

В. <Н.> Топоров.

→ 17 апреля: Отделить кладбище от государства

ИЮНЬ

17

воскресенье

Циприану Норвиду

я из отверженных этого мира

Норвид

как плох сей мир!

Норвид

не расстраивайтесь

Норвид

обойдётся и без этого мира

не отчаивайтесь

Норвид

проживёте и без этого жалкого мира

успокойтесь

Норвид

позабудьте об этом несчастном мире

радуйтесь

Норвид

вы отвергнуты этим уродливым миром

ликуйте

Норвид

вы не поняты этим безмозглым миром

пляшите

Норвид

вы не признаны этим миром-недоноском!

погодите

Циприан Норвид

этот мир спохватится

локти

будет

кусать

(Геннадий Алексеев, 1973)

<...> Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Все так и впелись в него глазами, особенно рядчик, у которого на лице, сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха, проступило невольное, лёгкое беспокойство. Он прислонился к стене и опять положил под себя обе руки, но уже не болтал ногами. Когда же, наконец, Яков открыл своё лицо — оно было бледно, как у мёртвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принёсся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твёрдый и протяжный, но всё ещё видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым — третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песнь. «Не одна во поле дороженька пролежала», — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся. Помнится, я видел однажды вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали, большую белую чайку:

она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянью зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слёзы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... я оглянулся — жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на неё быстрый взгляд и залился ещё звонче, ещё слаще прежнего, Николай Иваныч потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шёпотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого Барина, из-под совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжёлая слеза; рядчик поднёс сжатый кулак ко лбу и не шевелился... Не знаю, чем бы разрешилось всеобщее томленье, если б Яков вдруг не кончил на высоком, необыкновенно тонком звуке — словно голос у него оборвался. Никто не крикнул, даже не шевельнулся; все как будто ждали, не будет ли он ещё петь; но он раскрыл глаза, словно удивленный нашим молчаньем, вопрошающим взором обвёл всех крутом и увидал, что победа была его...

— Яша, — проговорил Дикый Барин, положил ему руку на плечо — и смолк.

Мы все стояли, как оцепенелые. Рядчик тихо встал и подошёл к Якову. «Ты... твоя... ты выиграл», — произнёс он наконец с трудом и бросился вон из комнаты...

(Тургенев. Певцы)

Время, свободное от размышлений, — на самом деле единственно наполненное. Не надо краснеть от стыда, подсчитывая, как много мгновений мы потратили ни на что. Эти мгновения только с виду пусты, в действительности же они поражают полнотой. Медитация есть высший вид досуга, секрет которого утрачен.

Пока мы остаёмся на поверхности вещей, мы легко решаем вопросы и рубим сплеча, но стоит проникнуть немного вглубь, как мы теряем всякую способность к решению и лишь сожалеем, что не остались на поверхности...

И в искусстве, и во всём остальном тот, кто комментирует, обычно и более искушён, и более проникателен, чем тот, кого он комментирует. Таково преимущество убийцы перед жертвой.

По словам одного из очевидцев, Флобер, путешествуя по Нилу и осматривая пирамиды, думал только о Нормандии, о тех пейзажах и нравах, которые впоследствии описал в «Мадам Бовари». Для него не существовало ничего, помимо этого образа. Давать волю своему воображению означает ставить себе жёсткие рамки, действовать методом исключения. Если бы не безграничная способность отрекаться от многого, ни один проект никогда не был бы осуществлён и ни одно произведение не написано.

Нация может достичь превосходства над другими и надолго сохранить его только в том случае, если согласится признать необходимость всяких нелепых условностей и предрассудков, отнюдь не считая их таковыми. Но стоит

назвать вещи своими именами, как все маски будут сорваны и от величия не останется и следа.

Стремление господствовать, играть какую-то роль, диктовать свои законы требует изрядной доли глупости, и история по сути своей *глупа*. Она продолжается и движется вперёд только потому, что разные народы по очереди избавляются от предрассудков. Если вдруг они сбросят их все одновременно, в мире не останется ничего, кроме всеобщего блаженного разброда.

Самые первые наши прозрения и есть самые правильные. Всё, что в ранней юности я думал о множестве разных вещей, сегодня всё больше представляется мне справедливым. Я снова возвращаюсь к моим тогдашним мыслям — после стольких ошибок и заблуждений, удручённый тем, что пытался воздвигнуть здание своего существования на обломках очевидных истин.

Уверенность в том, что никакого спасения нет, сама по себе есть форма спасения, вернее, она-то и есть само спасение. На основе этой идеи можно с равным успехом организовать собственную жизнь и выстроить философию истории. Привлечь неразрешимое в качестве решения — это, пожалуй, единственный выход...

Один египетский монах, проведший пятнадцать лет в полном одиночестве, получил от родных и друзей пачку писем. Он не стал их вскрывать, а сразу бросил в огонь, не желая поддаваться натиску воспоминаний. Невозможно оставаться в согласии с собой и своими мыслями, если позволишь призракам прошлого явиться и завладеть то-

бой. Слово *пустынь* означает не столько новую жизнь, сколько кончину старой и убежище против собственной истории. Письма, которые мы пишем и получаем, неважно, живём ли мы в миру или в скиту, выступают свидетелями того, что мы так и не сбросили с себя опутывающие нас цепи, что мы по-прежнему остаёмся рабами и не заслуживаем лучшей участи.

Бесспорное преимущество старости состоит в возможности медленного и методичного наблюдения над постепенным разрушением органов тела. Все они начинают отказывать — одни явно, другие скрытно. Они отделяются от тела, как тело отделяется от нас, — оно ускользает, покидает нас, оно нам больше не принадлежит. И нельзя даже вывести этого перебежчика на чистую воду, потому что он убегает не к новому хозяину, а в никуда.

Утверждать, что «всё иллюзорно», — значит приносить жертву иллюзии, признавать за ней высокую степень реальности, тогда как на самом деле нам хотелось бы её дискредитировать. Что делать? Лучше всего вообще прекратить говорить о ней, перестать её разоблачать, ибо, даже просто думая о ней, мы становимся её рабами. Мысль, опровергающая любые мысли, всё равно опутывает нас цепями.

(Эмиль Чоран. О злополучии появления на свет)

→ 22 декабря: Чоран, 4

Не расплестись

ИЮНЬ

21

четверг

Вижу тело твоё горячее
в изгибе страсти,
в струнах желания,
в тетиве необузданности...
Никак не пойму —
где сон и где мы с тобою,
по какую сторону,
и кто над нами порхает
яркой бабочкой
(Чжуан-цзы, возможно),
нам, любовникам сильным,
аплодируя крылышками,
пыльцу в огонь осыпая.
Встретились на узком перекрёстке
русско-зырянские сны,
никак не расплестись,
не миновать друг друга.

(1999)

Доклад о Геннадии Алексееве

ИЮНЬ

22

пятница

Недавно мне довелось увидеть живопись поэта Геннадия Алексеева, и я очень жалею, что присутствующим она неизвестна. Дело в том, что эти удивительные полотна подсказали мне один взгляд на его поэзию, о котором я хочу сейчас рассказать.

Но предварительно, как ни нелепа эта попытка, попробую *словоописать* «среднеарифметическую картину» Геннадия Алексеева. Она обнажена, аскетична, почти пуста, холодна, симметрична. В нижнем углу — силуэт в духе Кирико (эллипсоид безглазой головы, эллипсоид туловища), перед ним или позади — изгибающееся на манер листа бумаги серебристо-

голубое воздушное пространство, которое выполнено неожиданно: привычную непрерывность неба художник расчленил вертикальными рядами, развернул атмосферу в полосы. Каждая из них мягко окрашена, тщательно проработана в цвете и на крохотный хроматический сдвиг отличается от соседней (даже не цветовой насыщенностью, а освещённостью). Благодаря этой вертикальной развёртке бессильный воздух и пустынный ландшафт выявляют свою внутреннюю огранку, ребристость, жёсткость. Обнаружив предъявленную ему структурную схему пространства, созерцающий ум склоняется к нецифровому пересчёту её элементов, чтобы в конце пересчёта обнаружить загнанную в угол человековидную фигуру.

Что делает художник Алексеев? Он взламывает пустое ньютоново пространство рёбрами сериальной техники, чтобы затем вырваться из неё в сторону обобщённой человечности.

Что делает поэт Алексеев? Нечто подобное, хотя это подобие не сразу обнаруживается. Поэт, как художник — пространство, методично расчленяет единый непрерывный процесс, осуществляет его развёртку в серии сходных актов и выявляет таким образом скрытую огранку непрерывного действия.

Для этого он использует повторяющиеся грамматические и лексические элементы (фрагменты фразы, однородные части речи). Протоколирующее письмо Геннадия Алексеева отчасти напоминает каталогизирующую технику концептуалистов, однако, работая, как и они, с логико-грамматическим материалом, поэт, в отличие от них, проносит сквозь него природу, лирический быт и непреходящий финальный сдвиг в сторону морализующей фигуры (речевой или персонажной). Таков один из технических приёмов, которым Алексеев ограничивает (и ограничивает) свой вольный стих, превращая его в каркас для ускользающего действия и трагически опустошённого ландшафта.

В младенчестве,
завидя цветы,
тянулась к ним
и смеялась радостно.

Подросла —
собирала в поле цветы,
пела
и смеялась беспечно.
Выросла —
ей стали дарить цветы, —
она говорила «спасибо»
и смеялась смущенно.
На концертах
её засыпали цветами,
и, выбираясь из цветов,
она смеялась от счастья.
На её могилу
бросали охапки цветов, —
так она и осталась
там, под цветами.

В живописи — строчная развёртка, образующие панораму полосы, протоколно-прямые, замкнутые, не пересекающиеся, всего лишь соседствующие; в поэзии — строгое и неукоснительное членение действия, культурологические коллажи-панорамы, отказ от поэтического связывания мира посредством уподоблений и метафор. В этом отказе угадывается сознательное отклонение и, следовательно, технический приём, благодаря которому происходит подспудное оживление затёртых в общелирической практике тропов. Освобождённый от рифмы и поэтических фигур, стих Алексева свидетельствует о поразительной жизнестойкости поэзии: она способна существовать в разреженно-развоплощённом пространстве, где практически не остаётся знакомых поэтических примет. Не является ли *каждое* его стихотворение своеобразной развёрнутой метафорой?

Подобно тому, как в живописи Геннадия Алексева довлеет обобщённо-ограниченное пространство, аннигилирующее временные и временные указатели, так в его стихах персонажам открывается возможность преодолеть время: сущностное сродство притягивает их друг к другу и выстраивает в пространстве культурно-мифологической панорамы, где кентавр беседует с клодтовским конём... Традиционное частичное упо-

добленье уступает место обнажённому единосуцию и контакту, подтверждаемому речевой открытостью всех предметов и существ. Это единосуцие — не только грамматическое, но и бытийное — основа для взаимного превращения-перетекания, для победной метаморфозы, общий знаменатель вещей, лишь по-видимости разнесённых судьбой во времени, пространстве и облике.

Когда-то был я
камнем придорожным.
А по дороге
проносились всадники,
и странники брели по ней куда-то.

Когда-то был я
полевой ромашкой,
и мой сосед,
лиловый колокольчик,
надоедал мне глупой болтовнёй.
<...>

Когда-то был я
лосем горбоносым.
Бродил по лесу,
тёрся о деревья
и нюхал воздух,
шевелия ноздрями.

Вот, наконец,
я стал и человеком.

<1972?>

Лето пожароопасное, гарь
Вышла за Вырицу,
где-то уже у Кобралово
Вырваться, вырваться,
зверем горящим,
но вырваться

ИЮНЬ

23

суббота

Выпасть из зарева алого
Из судьбы, из кипящих пустот
В каждом лете лишь бред повторенья
Прежних выпивок, жалоб, невзгод
Прошлогодного тленья
Полдень жизни моей
 беспощадно пожарный июнь
Догорай же скорей,
погибай на железном корню

(Сергей Стратановский, 1973)

ИЮНЬ
24
воскресенье

Я по милости Божией — человек-христианин, по делам же — великий грешник, по званию — бесприютный странник, самого низкого сословия, скитающийся с места на место. Имя мое следующее: за плечами сумка сухарей, да под пазухой Священная Библия, вот и всё.

Однажды (это было в 24-ю неделю после Троицына дня) пришёл я в церковь к обедне помолиться. Читали Апостол из послания к Солунянам, зачало 273, в котором сказано: *непрестанно молитесь*. Сие изречение особенно внедрилось в моём уме, и начал я думать, как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо нужно каждому человеку и в других делах упражняться для поддержания своей жизни? Справился в Библии — и там нашёл тоже, что надо непрестанно молиться, молиться на всякое время духом, воздевать молитвенные руки на всяком месте.

<...>

Что мне делать, подумал я, где найти такого человека, который бы мог растолковать мне? Пойду ходить по церквям, которые славятся хорошими проповедниками, авось там услышу себе вразумление.

<...>

И так, по выслушании всех сих проповедей, не получив понятия — как непрестанно молиться, я уже не стал слу-

шать публичных проповедей и решил при помощи Божией искать опытного и сведущего собеседника, который бы растолковал мне о непрестанной молитве, по неотступному влечению моему к сему познанию.

(Рассказ странника, искателя молитвы // Символ, № 27, 1992, Париж, отрывок)

Многообещающий термин — ЗАУМЬ, введённый в поэтический обиход в 10-е годы нашего века, объял собою всё, выходящее за рамки обычной грамматики, и знаменитое «дыр бул щыл» Кручёных стало как бы знаменем зауми в России. В общую кучу заумного валилось всё непривычное, всё, возникающее на ниве новой поэзии, какого бы вида и рода оно ни было. Время дифференциации ещё не наступило, классификационные тонкости вряд ли тогда различали и сами поэты, только создававшие новый поэтический арсенал, возводившие фундамент под зданием не совсем ясных пока очертаний. Кручёных в «Декларации заумного языка» пишет: «Заумные творения могут дать всемирный поэтический язык, рождённый органически, а не искусственно, как эсперанто» (Кручёных. Декларация заумного языка. — В кн.: Апокалипсис в русской литературе. — М.: МАФ, 1923). Однако в последнее время в работах некоторых исследователей возникает расслоение зауми на «чистую» и «не совсем чистую» (например, в работе Т. Никольской «Игорь Терентьев в Тифлисе». — В кн.: Авангардисты Тифлиса. — Венеция, 1982), то есть явственной становится необходимость дифференциации прежней общей зауми на две дочерние сферы: сферу литературы, незначительно отклоняющейся от нормы (от обыденного употребления языковых форм), сохраняющей следы реалистического письма (по аналогии с живописью — фигуративность, но деформирующая изображение, так называемый *сдвиг*); и сферу литературы, не сохранившей никаких следов обыденного смысла, то есть чисто абстрактную.

Согласно этому разделению, «Дыр бул щыл» Кручёных или «Бзы пы зы» Зданевича — это абстракция, а не заумь.

Заумью же будет, например, первая фраза из стиха И. Терентьева «Серенький козлик»:

Моснял мазами сено.

Здесь явственны обычные грамматические формы при новом фонетическом наполнении их.

Поэты 10–20-х годов образцы чистой зауми или чистой абстракции давали редко. Гораздо чаще создавались в то время стихи-конгломераты, составленные из обыкновенных реалистических, заумных и абстрактных элементов вперемешку. Такая мешанина приемов — отличительный признак этих синтетических времён. Вот что говорит об этих временах Кручёных: «помесь Волховстроя с водосвятием, металлиста с Мережковским, завода с храмом» (Кручёных. Декларация № 6 о сегодняшних искусствах. — В кн.: Кручёных А. Четыре фонетических романа. — М.: изд. автора, 1927). Эти слова, сказанные о Пильняке — Эренбурге — Гладкове — Есенине, с успехом могут быть отнесены к гораздо большему количеству авторов, в том числе и самых левых. В качестве примера подобного синтеза привожу строку Кручёных:

го оснег кайд

В этой почти полностью абстрактной строке всё-таки есть ощутимый намёк на обыденное слово «оснег», в котором «снег» озаумился с помощью приставки-эпиграфа «о» (характерного приёма создания неологизмов у Северянина и его школы).

Позже мы наблюдаем довольно стройную и чисто абсурдную систему обэриутов, чисто абстрактные стихи Зданевича 1940-х годов («Колыбельная для Шалвы»), примерно такая же строгая дифференциация наблюдается и в Европе в среде конкрет-поэтов, создающих строго обусловленные конструкции, где в каждом стихе чаще всего выдерживается один принцип.

Разумеется, невозможно утверждать, что в 10–20-е годы не было в России поэтов, работающих с моностилиями. Чичерин, например, давал образцы концептуализма на основе полного замещения литературного ряда изобразительным (поэма «Звонк к дворнику»), замещал текст чертёжной, графической конструкцией («Авэки векоф»), создавал первые образцы кулинарта (пряники, печённые в Моссельпроме в количестве 15 эк-

земпларов) и т. д. Чисто абстрактные стихи, кроме Кручёных, писали Зданевич, Розанова, Туфанов и т. д. У многих поэтов той поры можно найти абстрактные фрагменты, как бы свободно «плавающие» в обыденной языковой среде.

Знаменитое «бобэоби» Хлебникова — пример такого стиливого дуализма, не постулированного в лоб, а как бы мягко, но настойчиво предлагаемого. Абстракция у Хлебникова вообще похожа на инъекции дорогого лекарства: поэт экономит квинт-эссенцию литературы — абстракцию, и вводит её в литературный обиход порциями, осторожно, словно мудрый сеятель, разбрасывая разнородные зерна. Хлебников любил разнообразие во всём: стиль, ритм, строфика. Пожалуй, единственное, что у него однообразно, это ориентация чтения — она обычная европейская (слева направо).

Кстати говоря, спектр стилей, вводимых в обиход в начале века, с тех пор обогатился и количественно, и качественно.

<...>

Однако необходимо помнить, что не всё возможное было открыто в эпоху раннего русского авангарда. Многие способы и приёмы абстрактного и даже заумного письма не были известны этим корифеям или же находились в таком зачаточном состоянии, что их сейчас и обнаружить трудно.

Например, если *дуализм фактуры* у Туфанова лежит на поверхности, если «Оркестр» Зданевича заявлен в публичной лекции (хотя этот приём недостаточно развит им на практике, даже в ЗГА ЯКАБЫ), если *тавтология*, *откусы* текста, *кванты* (порции слов), *замещения* были общим местом, то, например, *цвет* в поэзию проникал тогда чрезвычайно осторожно, *пиктография* была в самом, так сказать, зародыше, так же как и *жестовая* поэзия или, например, *журнальная скульптура*. *Концепт*, блестяще заявив о себе в творчестве Чичерина, к сожалению, на долгие годы как бы исчез с горизонта, бурно вспыхнув после западных, увы, публикаций. *Тактильные*, *акционные* стихи имели тогда от силы по одному представителю и т. д. и т. п.

И всё-таки мы помним, что стихи — *гиперболоиды*, то есть почти бесконечные сплавы, изобрел Василиск Гнедов, *кулинарт* — Чичерин, а *ассамбляж* — Каменский.

Нить авангарда, подобно нити Ариадны, не рвётся, ведя поэтов к самому сердцу поэзии — Минотавру Абстракции.

Теперь мы понимаем, что «Мирсконца» раннего русского авангарда, то есть мир с обратной векторностью, на самом деле — только начало пути к настоящей зауми и ещё более настоящей абстракции, ибо слово, сказанное «с конца», — всего лишь один и отнюдь, как можно догадаться по практике современного стихотворчества, не самый сложный метод создания поэзии XX века. Неважно, идти вперёд или назад, мир давно потерял линейную примитивную определённую, но то, что сделано ранними нашими авангардистами в плане расширения палитры приемов, — вот настоящая святыня и для нынешнего авангардиста, его КААБА.

1986

(Ры Никонова. Кааба абстракции // Лабиринт/Эксцентр, № 3, 1991)

ИЮНЬ

26

вторник

Абсолютный нуль по шкале Кельвина:

$0 \text{ K} = -273,15 \text{ }^\circ\text{C}$.

Никита Курилин

Воображаемая пьеса

ИЮНЬ

27

среда

Действующие лица:

Володин

Курилин

Бабушка

Догивло

Тендерексов

Исполнители:

Антуан Володин, писатель

Николай Беляк, режиссер

Ана-Изабель, жена А. Володина

Борис Останин, редактор

Виктор Лапицкий, переводчик

На сцену из зрительного зала поднимается Володин. В руках у него книга «Писатели», иногда он читает из неё, иногда обращается к зрительному залу и актёрам/персонажам непосредственно.

ВОЛОДИН. — Здравствуйте, здравствуйте. Меня зовут Антуан Володин, я писатель, автор рассказа «Воскресенье назавтра выдастся ясное», инсценировку которого вы сейчас увидите. Во многом этот рассказ — обо мне. Боюсь, пьеса покажется вам затянутой, скучной и литературной, лучше было бы не смотреть её, а читать, сидя, если не в кресле, как мечтал о своей драматургии Альфред Мюссе, так хотя бы в камере на колченогом стуле. А вот Никита Курилин, главный герой моего рассказа. Сейчас ему восемь лет.

Уходит.

На сцене появляется Курилин.

КУРИЛИН. — Я Никита Курилин, мне восемь лет. Я родился 27 июня 1938 года, и в этот же день моя мама умерла при родах. Меня воспитывала бабушка, она часто рассказывала о том, как я родился. Это случилось в воскресенье, под перезвон церковных колоколов.

Тихо звонят колокола. Входит бабушка.

БАБУШКА. — Это произошло в воскресенье, ясным воскресным днем, в ясное воскресенье. Трезвонили колокола. Твоя мать кричала, раскорячив ноги над своей кровью, она опрастывалась, она понемногу умирала, звонили колокола, стоял жаркий июньский день, за окном так и сверкали берёзы, словно каждый их листик превратился в крохотное зеркальце. Для неё, как и для всех нас, это должно было бы стать чудесное воскресенье, но она понемногу умирала. Акушерка не находила себе места. Не обращая внимания на кровь, она ободряла твою мать, но её голос то и дело срывался, и она, она тоже переходила на крик. Ты ещё не совсем вышел, тебя душила пуповина, трезвонили колокола, я растворила окно, чтобы выветрить истекавшие из тела твоей матери запахи бойни и смерти, и знаешь, Никита, не верь, что запахи родов приятны или хотя бы безразличны, ничего подобного, они невыносимы. Перезвон колоколов

всё сильнее отдавался в комнате, я в свою очередь завопила, чтобы перекрыть шум, и тут же захлопнула окно, а когда обернулась, ты наконец вышел, пуповина больше не душила тебя, а твоя мать была мертва.

Уходит.

КУРИЛИН. — Мне двенадцать лет. Я много раз слышал этот рассказ, с некоторыми разночтениями, поскольку бабушка была словоохотлива и склонна к преувеличениям. Травма была ужасной, когда, совсем ещё маленьким, я узнал, что моё появление на свет сопровождало, если не вызвало, смерть матери. Рана так и не зарубцовывалась. Тем не менее, поведанная бабушкой история мало-помалу дрейфовала в сторону чего-то смутно литературного, становилась чередой сильных, но искусственных образов, словно речь шла о кинематографическом эпизоде, чьё содержание давным-давно исчерпано, слишком затёрто, чтобы пробудить былые муки.

Частенько, закрыв глаза, я вслушивался в пылкий голос, голос актрисы — голос своей бабушки — и умилялся при мысли о ней. Восхищался её повествовательным искусством и вспоминал, как в первый раз усомнился в подлинности подробностей и неожиданных поворотов, делавших всю сцену такой живой и впечатляющей. Я долго не замечал, что рассказы бабушки не обходятся без выдуманных деталей, но в один прекрасный день меня внезапно озарило: колокола. В Емерово 27 июня 1938 года не могли звонить колокола, ни в воскресенье, ни в какой другой день. В те годы церковь находилась с режимом в, мягко выражаясь, натянутых отношениях. Борьба с религией была не столь ожесточённой и воодушевлённой, как в двадцатые, но оставалась весьма злободневной, и священники воздерживались вершить службы в открытую. Случалось ещё встретить попа — с блуждающим взглядом, начеку, в ужасе от своего полуподпольного бытования, — кое-где отправлялись службы, но колокола...

Бабушка, этого не могло быть! Колокола в те времена молчали.

Появляется бабушка.

БАБУШКА. — Как это не могло? Колокола трезвонили в какой-то сотне метров от дома, уж поверь, я помню это, словно всё случилось вчера. Небо было чистое-чистое, стояло великолепное воскресенье, великолепное июньское воскресенье. Я открыла окна, потому что в комнате можно было задохнуться. Твоя мать не переставая стонала с середины ночи. Рассвет выдался мучительным. В комнате плохо пахло, я не могла больше дышать этими миазмами пота, натуженных органов и грязного белья, волосы акушерки смердели, ты ведь знаешь, насколько я чувствительна к запахам, ты, Никита, тоже с трудом переносишь вонь, здесь мы схожи, это у нас общее. Так вот, я подошла к окну и распахнула его, но акушерка тут же велела его закрыть.

Я закрыла окно, и как раз в этот момент ударил первый колокол, хотя было ещё рано. Комната довольно долго оставалась словно бы запечатанной, пока ты наконец не начал выходить на свет. Появление твоей лысой, с лиловым отливом головы было жутким зрелищем, я смогла выдержать его всего несколько секунд, потом кровотечение усилилось, и меня чуть не стошнило. Пока акушерка сутилась, я привалилась к оконной раме. Твоя мать лишилась речи, она ни к кому не обращалась, только издавала жалобные вопли, ничем не отличаясь от овцы или коровы под ножом мясника. Извини, Никита, что так грубо всё излагаю, но так оно и было, я ничего от тебя не скрываю. Я знаю, что было воскресенье, из-за колоколов. *(Звонят колокола, изредка сквозь них слышны негромкие выстрелы.)* Я ведь не могла всё это придумать. Ей-богу, Никита, не могла, я помню то утро, как будто это было вчера. Дело было к югу от Москвы, 27 июня 1938 года, в, уверяю тебя, воскресенье. Звонили колокола, сияло небо, стояло ясное воскресенье. День твоего рождения, прекрасный воскресный день.

КУРИЛИН. — Я всё детство слушал ее, подчиняясь и принимая на веру то, что она говорит. Мы жили вдвоем с бабушкой в Емерово, потом, когда к Москве подошли немцы, эвакуировались на Урал, в заброшенные села — Кулгулино, Байназово, Аскарёво. Время от времени она рассказывала о моём рождении, повторяя всё с самого начала, с этого жестокого начала.

БАБУШКА. — Вовсю трезвонили колокола.

КУРИЛИН. — Какие колокола?

БАБУШКА. — Колокола контрреволюционеров, попов, церковников, антисоветские колокола, колокола троцкистов, колокола австрийских, немецких, японских, английских шпионов. Трезвонили напрапалую. Только их и было слышно. Даже твоей матери, чтобы её услышали, приходилось вопить благим матом. Потом пошла кровь, хлынула потоком.

КУРИЛИН. — Я никогда в жизни не слышал их, никогда не слышал воскресного перезвона.

БАБУШКА. — Ты живёшь в другую эпоху. В 38-ом они ещё звонили. Помню всё, как будто это было вчера. Дело было к югу от Москвы, неподалеку от Бутова, в Емерово, на Черноградской улице. Возможно, это какое-то исключительное место, не могу тебе сказать, но стоял трезвон. Трезвон стоял совсем неподалеку, звонили во всю колокола, и роды становились от этого ещё более жуткими.

Бабушка уходит. Звонят колокола. Раздаются редкие выстрелы.

(Антуан Володин. Воскресенье наавтра выдастся ясное, инсценировка)

→ 15 июля: Никита Курилин, 2

Опыт ностальгии

Когда в младенческие годы,
Вдыхая аромат цветка,
Я вопрошал: Кто сей садовник? —
Терзала сердце мне тоска.

Зачем его так ярко блещут
Тончайши лепестки — и бархатны листы;
Шмели и бабочки его отыщут, —
Но в чём причина красоты?

И кто предназначтал в блаженстве
И томной неге пить шмелям нектар,
А чёрным мухам, злобным бестиям,
Инфекций разносить пожар?

Кто разделил сосну и ясень,
Жука и стрекозу, ворону и гуся;
И если замысел Его прекрасен,
Зачем ужасен этот мир — и там, и сям?

И если этот мир кому-то ясен,
Зачем несносный бред, зачем обман;
Зачем иносказания лукавых басен,
Зачем словесной мишуры парализующий дурман?

Так вопрошал я в юны годы,
Вдыхая аромат цветка, —
И безъязыкостью природы
Сжимала сердце мне тоска.

Тоска свинцовая, немая
Опустошала мысль, отягощала грудь;
И, околдованному ею, ей внимая,
Не пробудиться утром, с ночи не заснуть...

(Я жил тогда в России диковатой...)

(Юрий Сорокин, 1985)

Историк стремится преодолеть эмпирическую сложность, а часто и запутанность отдельных отрывков и случаев, организовать их в некое согласованное целое и связать множество происшествий с единством того или иного характера. Это редко делается логически, посредством рациональной реконструкции. Историки действуют скорее артистически индуктивно, руководствуются интуицией. У историков свои видения, и видения эти преобразовывающи. Именно этим методом были созданы все главные обобщения нашей историографии: эллинский дух, средневековый человек, буржуа и тому подобное. Было бы несправедливым оспаривать уместность этих обобщений по категориям, которые следует ясно отличать от обобщений родовых. Было бы, однако, опасно считать, что эти обобщённые «типы» действительно существуют, т. е. существуют во времени и пространстве. Они, так сказать, видения, имеющие силу как художественные портреты, и, как таковые, они являются необходимыми орудиями для понимания. Но «типичные люди» отличаются от людей из плоти и крови. Тот же характер носят и наши социологические обобщения: город-государство древней Греции, феодальное общество, капитализм, демократия и т. д. Основной опасностью всех этих обобщений является то, что они чрезмерно подчеркивают внутреннюю «необходимость» того или иного способа поведения. Как «тип» или «характер», человек кажется predeterminedным действовать «типически». Как будто существует типичный образец развития каждого вида человеческого общества. То, что в наше время мираж «исторической неизбежности» оказался низложенным и отвергнутым как искажающий фактор нашей исторической интерпретации, совершенно естественно. Действительно, всем этим типическим и категорийным образам свойствен внутренний детерминизм. Но они не более чем полезная стенограмма «распылённых фактов». Действительная история текуча, извилиста и, в конце концов, непредсказуема.

Тенденция к детерминизму как-то включена в самый метод ретроспекции. В ретроспективе мы как будто постигаем логику событий, которые развёртываются в определённом порядке, в соответствии с легко узнаваемым планом, якобы с некоторой внутренней необходимостью — так, что у нас создаётся впечатление, что, действительно, ничто не могло случиться иначе. Крайняя непредвидимость процесса в рациональных схемах остается скрытой, а иногда и заведомо исключается. Таким образом, случаи теряют свою случайность и представляются скорее как неизбежные стадии развития или упадка, восхождения или падения в соответствии с установленной идеальной схемой. На самом же деле в настоящей истории меньше последовательности, чем мы видим в наших интерпретированных шаблонах. История не есть эволюция, и фактическое течение событий не следует эволютивным шаблонам и схемам. Исторические события — более чем случаи; они — действия или совокупности действий. История есть поле деятельности, и за её событиями стоят деятели даже тогда, когда они теряют свою свободу и следуют шаблону или рутине, или же попадают во власть слепых страстей. Человек остаётся свободным деятелем даже тогда, когда находится в узах. Если можно прибегнуть к другому биологическому термину, мы можем назвать историю скорее эпигенезисом, чем «эволюцией», поскольку эволюция всегда предполагает известного рода «изначальную формацию» и «развитие» есть не более как раскрытие «структуры». Всегда есть опасность ошибочно принять наши отвлечённые представления за эмпирические реальности и говорить о них так, как если бы они сами были факторами и деятелями, тогда как на самом деле они только рациональные сокращения множественности реальных личных деятелей. <...> Все исторические интерпретации временны и предположительны. Никакой окончательной интерпретации никогда добиться нельзя, даже в ограниченной

и определённой области исследования. Наши сведения никогда не бывают полными, и новые открытия часто заставляют историков коренным образом пересматривать свои схемы, а иногда и отказываться от своих самых любимых убеждений, казавшихся так твёрдо обоснованными. Можно легко привести множество примеров такого пересмотра в разных областях исторических исследований, включая и историю церковную. Кроме того, историкам время от времени приходится заново приспосабливаться к изменениям в окружающем мире. Их взгляд всегда определяется некоторой точкой зрения и тем самым ограничивается. Но сама перспектива развёртывается в течение подлинной истории. <...> Да, наши интерпретации являются тоже фактами истории и в них описанные события продолжают своё историческое существование и участвуют в оформлении исторической жизни. Можно спорить о том, является ли «Сократ Платона» «реальным» Сократом, но трудно сомневаться в том, что этот Сократ Платона имеет своё собственное историческое существование в качестве мощного фактора в оформлении нашего современного понятия «философа». Представляется, что наши интерпретации каким-то загадочным образом раскрывают скрытые возможности действительного прошлого.

(Георгий Флоровский.

Затруднения историка христианина, 1959)

→ 21 июля: Флоровский, 2

ИЮНЬ

30

суббота

Два монаха подошли к реке и увидели красивую девушку, которая хотела перейти на тот берег, но боялась. Молодой монах отвёл взгляд в сторону и вступил в воду, а старый, посадив девушку себе на спину, перенёс её. Девушка поблагодарила его и пошла по своим делам, а монахи молча продолжили

путь. Когда они подошли к монастырю, молодой монах вдруг воскликнул: «Как ты смел нарушить монастырский устав! Ведь нам запрещено дотрагиваться до женщин!» На что старый ответил: «О чём ты? Я перенёс девушку и оставил на берегу, а ты несёшь её до сих пор?»»

(Дзенская притча)

Р. S. ПОСЛЕСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

«Тридцать семь и два» — вторая по счёту книга-календарь Бориса Останина, которую он доверил мне составить из своих архивных материалов и отредактировать. Чтобы новая книга не слишком напоминала предшествующую «Тридцать семь и один», я по возможности сократил истории из жизни Б. О., анекдоты и всевозможные выдумки («самоделки»). По этой же причине изрядно прорежен цитатный костяк предыдущего собрания: Арто, Беккет, Богданов, Введенский, Драгомощенко, Жданов, Кастанеда, Лимоннов, Петров, Розанов, Саша Соколов, Стравинский, Филиппов, Флоренский, Харитонов, Чейгин, Шварц, Шульц и др., зато количество новых авторов (особенно переводных) возросло. Как ни старался я исчерпать архив Б. О. и его под-сказки о писателях, любимых некогда им самим и его друзьями и детьми, это пока не удалось. Может статься, что неиспользованного материала хватит ещё на одну книгу.

Участие Б. О. в работе над обоими календарями свелось к разовым советам, большинство из которых пришлось забраковать — прежде всего его утопическое желание расширить объём цитируемых фрагментов до *полноценных книг* и тем самым превратить «Тридцать семь и два» из книги-календаря в календарь-библиотеку. Б. О. особо просил меня не слишком «заморачиваться» эстетической и хрестоматийной стороной и не пренебрегать начинающими, второстепенными и детскими авторами, что я отчасти выполнил.

Знакомые и родственники Б. О.: Аркадий — Аркадий Драгомощенко, Борис Иванович — Борис Иванов, Влад — Владислав Кушев, Игорь — Игорь Чернышёв, Кирилл — Кирилл Козырев, Лика — Лилия Останина, Максим — Максим Кузьмин-Пригон, Никифор — Никифор Останин, Слава — Болеслав Мартынов.

Переводчики и переведённые авторы: Василий Алексеев (Пу Сун-лин), Владимир Быстров (Бернанос), Евгений Воропаев (Юнгер), Анна Глазова (Вальзер), Нина Гучинская (Ангел Силезский), Аркадий Драгомощенко и Владимир Кучерявкин (Уайнбергер), Алла Еланская («Изречения египетских отцов»), Илья Кормильцев и Наталия Трауберг (Льюис), Виктор Лапицкий (Володин), Вера Маркова (Басё, Исса), Виталий Михейкин и Елена Антонова (Гроф), Зей Рахим (Кавабата), Давид Самойлов (Норвид), Дмитрий Стукалин (Павич), Лидия Успенская (Флоровский), Елена Шварц (Махадеви), Вероника Шимановская (Уэйр) и др.

Б. М.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А. Ник: Сон о Фелмори — 31 мая
А. Х. В.: Прощание со степью — 15 июня
Алексеев: Глухонемые хулиганы — 9 марта; Циприану Норвиду — 18 июня
Ангел Силезский — 13 февраля, 13 апреля
- Бажов: Огневушка-поскакушка — 11 июня
Barbudos: Краплёные карты — 31 января; Выбор казни — 28 февраля; Следы одного — 31 марта; Дворник Лихачёв — 23 апреля; Make love not war — 13 июня
Басё — 26 января
Бахчанян: Записные книжки — 23 мая
Безумие Дэниела О'Холигена — 6 мая
Бернанос: Униженные дети — 20 февраля, 12 марта, 25 апреля
Букер — 7 февраля
Бурихин: Приветствие на петербургскую школу — 27 мая
- Вальзер: Разбойник — 15 апреля
Ванталов: Утром три — 1 мая
Верлен: Песня без слов — 8 января; Осенняя песня — 30 марта
Володин: Кризис в отеле «Тон Фон»-1-9 января, 12 января; Никита Курилин — 27 июня
- Гандлевский: Это праздник — 8 июня
Гори, моя звезда — 18 января
Горнон: Сержант и ворон — 23 февраля, Бежим на водоём — 27 марта
Григорьев О.: Яма — 30 апреля; Летний день — 1 июня

Дети едят Богу — 19 января

Документы: Справка о трудовой деятельности — 4 апреля

Драгомощенко: Человек с усами — 3 февраля; Навигатор (о Иванове) — 25 февраля; Вот ты купил дом — 21 марта; За озером стоит дом — 16 апреля

Еврейнов: Театр и эшафот — 26 февраля

Заболоцкий: Деревья — 7 мая

Замечательные чудачки и оригиналы — 2 февраля, 28 марта, 21 апреля

Записки мелкотравчатого — 5 мая

Записки мракобеса: Леонтьев — 25 января; Шафаревич — 26 марта, 3 июня; Эренбург — 27 апреля; Ерофеев — 11 мая; Налоговая билингва — 29 мая

Игнатова: Очарованный странник (о Курилове) — 29 января

Игры и задачи: Выбор богатой невесты — 27 января; Парадокс дней рождения — 6 марта; Байер (мат в 9 ходов) — 15 марта; Сааведра (выигрыш) — 29 апреля

Избранничество в религии — 4 мая

Исса — 5 апреля

Кааба абстракции — 25 июня

Кавабата: Снежная страна — 14 июня

Кальпиди: Ей снилась собственная кровь — 4 марта; Взгляд — 18 мая

Кельвин — 26 июня

Кисина: Гроза — 30 мая; Рыбаки — 2 июня

Классификатор занятий — 12 февраля

Клуб-81-20 января

Книга коптов — 20 марта

Книги издательства Чернышёва — 19 мая

Козырева: Девочка перед дверью — 16 мая

Кондратьев: О выставке Леона Богданова — 12 апреля

Корвин: Император — 14 мая

Красное яичко — 8 апреля

Кривулин: Шмон — 17 марта

Кржижановский: Окно — 11 февраля

Кузмин: Не губернаторша сидела с офицером — 1 марта
Куско — 3 мая

Кушлина: Считалки с Богом — Преподобный Серафим Саровский — 14 января; Преподобный Герасим — 16 марта; Мученик Христофор — 22 мая

Лабиринт/Эксцентр: Содержание № 4 и № 5—21 февраля

Левый: Искусство перевода — 5 февраля

Ли Бо — 9 июня

Лонгин Филиппович — 15 февраля

Льюис: О старинных книгах — 25 мая

Марков: О свободе в поэзии — 17 февраля

Махадеви — 11 марта, 17 мая

Набоковская астрология — 20 апреля, 22 апреля

Неделяева: Милый, у нас тишина — 23 января

Нил Сорский — 20 мая

Нина Конрадовна — 28 мая

Новейший Плутарх: Пшемобский — 14 марта; Авалокитешвара-Чхандогия — 11 апреля; Бенито — 8 мая; Филиппов — 16 июня

Норвид: Славянин — 5 июня

О начале человеческой истории — 7 марта

Открыл Америку: Иридология — 10 января; Груздь-елдык — 14 февраля; Афродита из пены — 10 марта

Павич — 8 февраля

Панченко: Викинги бронзового века — 9 мая, 12 июня

Парнас дыбом: Лонгфелло — 30 января; Некрасов — 22 февраля; Бунин — 24 апреля

Парщиков — 24 марта, 3 апреля, 24 мая

Пелевин: Затворник и Шестипалый — 10 июня

Переплести книгу может каждый — 2 марта

Петров: О происхождении слова «ать» — 19 марта

Письма: в Ирландское посольство — 22 января; Глинскому — 28 января; о «Лабиринт/Эксцентре» — 16 февраля; Солженицыной — 19 февраля; Бутрос-Гали — 3 марта; от Топоро-

- ва — 5 марта, 17 июня; от Айрапетяна — 14 апреля; от Берри — 19 апреля; от Ромма — 15 мая
- Погружение во тьму — 21 января, 10 февраля
- Постоянная тонкой структуры — 10 апреля
- Поэты группы «Мухомор»: Баня — 13 марта
- Призывание Духа Святого — 2 апреля
- Притчи: Земляника — 7 января; Люлька — 11 января; Монах и ребёнок — 9 февраля; Два монаха и девушка — 28 июня
- Пунктиры — 17 января
- Пу Сун-лин: Лисьи чары — 13 января, 12 мая
- Рассказ странника — 24 июня
- Резник: Флейта — 22 марта
- Рецензии (Кузьмин, Скидан, Серебряная) — 6 апреля
- Рясов: Путь вычитания — 27 февраля
- Самodelки: Ахилл и черепаха — 4 февраля; Двое — 18 февраля; О Горноне — 23 марта; Отделить кладбище от государства — 17 апреля; Зайцы и медведи — 2 мая; Русские писатели — 7 июня; Не расплестись — 21 июня; О Алексееве — 22 июня
- Санников — 26 мая
- Секацкий: Под стук колёс — 24 февраля; На Кавказе есть гора — 18 марта
- Снытко: Фрагменты личного — 15 января; Плотность уничтожения — 8 марта
- Советские цены — 1 апреля, 13 мая
- Солженицын — 4 июня
- Сорокин: Народ безмолвствует — 16 января; Опыт ностальгии — 30 июня
- Стратановский: Лето пожароопасное — 23 июня
- Строчков: Лириум — 18 апреля
- Табулатура сказки — 28 апреля
- Тургенев: Певцы — 19 июня
- Турецкая Венера — 10 мая
- Уайнбергер: Джеймс Лафлин — 6 февраля; Бумажные тигры — 25 марта
- Умная молитва — 7 апреля

Феоктистов: Внезапное лицо — 1 февраля
Философия по-русски — 24 января
Флоровский: Затруднения историка христианина — 29 июня

Чернобыль и Фукусима — 26 апреля
Четыре родовые схемы — 6 июня
Чоран: О злополучии появления на свет — 9 апреля, 21 мая,
20 июня

Юнгер: Сады и дороги — 29 марта

СОДЕРЖАНИЕ

Книга-календарь
(7 января 2018 года — 30 июня 2018 года)
Первая половина

Р. С. Послесловие составителя

Алфавитный указатель

Литературно-художественное издание

Останин Борис Владимирович

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ И ДВА

**Схемы, мифы, догадки, истории
на каждый день 2018 года с 7 января**

Первая половина

Художественный редактор *Е. Саламашенко*
Корректор *Л. Иванова*
Верстка *М. Залиева*

Подписано в печать 30.11.2017.
Формат издания 60×90 1/16. Усл. печ. л. 20,0.

Издательство «Пальмира».
197022, Санкт-Петербург,
Инструментальная ул., д. 3, лит. К.

Отпечатано: Акционерное общество
«Г8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.
Тел.: 8 (499) 322-38-30.
www.letmeprint.ru

12+ | Издание не рекомендуется детям младше 12 лет